

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМУ
Юрьевскому Университетѣ.

Томъ XVI.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1910.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ офіціальный.

	стр.
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1908—1909 г.	
I. Засѣданія Общества	VII.
II. Совѣтъ Общества	IX.
III. Касса Общества	X.
IV. Смѣта на 1909—1910 г.	XI.
V. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XI.
VI. Заключение Совѣта по поводу протокола ревизіонной комиссіи	XII.
VII. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XII.
VIII. Списокъ членовъ Общества	XIII.
IX. Совѣтъ Общества на 1909—1910 г.	XVIII.

Отдѣлъ научный.

1. Проф. М. Красноженъ А. С. Будиловичъ †. Некрологъ. (<i>Съ портретомъ покойнаго.</i>)	1—40.
2. Г. Змигродскій. Обь одной книгѣ изъ бібліотеки Наполеона I.	41—50.
3. Проф. Евгеній Бобровъ. Изъ исторіи древне-греческой педагогики.	51—123.
4. Студ. С. П. Сахаровъ. О Высочайше утвержденномъ при Св. Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссійскаго Собора. (Подъ редакціей проф. М. Красножена.)	129—204
5. В. В. Богачевъ. Географическое развитіе дельты р. Дона, въ связи съ ея заселеніемъ. (Съ картой.)	205—264.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1908—1909 годъ.

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ двѣнадцатомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, одно закрытое и 13 открытыхъ засѣданія.

Въ годичномъ засѣданіи, 14 Ноября 1908 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1907—1908 годъ, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: П. А. Полякова, Г. Л. Трефнера и П. Н. Свѣчникова, и было постановлено: 1) утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1908—1909 годъ, составленную Казначеемъ Общества и 2) согласиться съ мнѣніемъ ревизіонной комиссіи о необходимости уплаты за особую корректуру самими авторами статей, печатаемыхъ въ Сборникѣ и просить авторовъ статей представлять эти послѣднія въ такомъ видѣ, чтобы они не вызывали большихъ расходовъ на корректуру, въ противномъ же случаѣ — принимать ее на свой счетъ.

Въ томъ же засѣданіи предсѣдателемъ Общества было предложено: почтить вставашемъ память усопшаго 4 Января 1908 г. члена Общества А. Ф. Зачинскаго и напечатать его біографію въ Сборникѣ Общества, снабдивъ ее портретомъ. Означенныя предложенія единогласно были приняты всѣми присутствовавшими въ засѣданіи.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1908—1909 г.; выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя В. Г. Алексѣевъ, секретаремъ — С. К. Богушевскій, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — М. Н. Крашенинниковъ, І. І. Змигродскій и П. А. Поляковъ, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Членами ревизіонной комиссіи были избраны: Н. Н. Бѣлявскій, В. Г. Вознесенскій и Г. Л. Трефнеръ.

Кромѣ сего, въ годичномъ засѣданіи былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества чиновникъ канцеляріи Государственной Думы Александръ Михайловичъ Красноженъ.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 9 февраля 1909 г. въ дѣйствительные члены Общества избраны: директоръ Юрьевской гимназіи П. Г. Руцкій и преподаватель той же гимназіи Е. И. Никольскій.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 79 лицъ; въ этомъ числѣ преподавателей: университета — 28, Юрьевскаго ветеринарнаго института — 2, другихъ учебныхъ заведеній — 31 и другихъ лицъ — 18. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 43, въ другихъ городахъ и заграничій — 36.

Кромѣ того, три лица состоятъ почетными членами Общества. Въ истекшемъ году Учено-Литературное Общество понесло тяжелую потерю въ лицѣ своего почетнаго члена и основателя, А. С. Будиловича и въ лицѣ дѣйствительнаго члена В. А. Боброва, скончавшихся: первый — 12 декабря 1908 г. и второй — 21 ноября 1908 г.

Въ 3 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 5 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 14 ноября 1908 г.

М. Е. Красноженъ. — Церковь и Государство въ Россіи.

2-ое засѣданіе — 22 декабря 1908 г.

Е. А. Бобровъ. — 1) Трудъ покойнаго В. А. Боброва изъ исторіи новой русской литературы и 2) Педагогическія воззрѣнія В. Г. Варенцова.

3-е засѣданіе — 9 февраля 1909 г.

Я. И. Лаутенбахъ. — Христіанъ Даналиціусъ основатель литовской литературы.

І. І. Змигородскій. — Объ одной книгѣ изъ библіотеки Наполеона І-го.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 5 засѣданій: въ 1908 году — 2 ноября и 22 декабря; въ 1909 г. — 25 января, 15 октября и 18 октября. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ 13 томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различныя періодическія изданія и отдѣльныя сочиненія, перечисленныя въ этомъ отчетѣ.

4. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ истекшемъ году выпущены XIV и XV томы Сборника, редактированіе которыхъ принялъ на себя предсѣдатель Общества.

III. Касса

Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за время со 2 ноября 1908 г. по 18 октября 1909 г.

Приходъ :

Осталось въ кассѣ къ 2 ноября 1908 г.	642		руб.	28		коп.
Поступило въ 1908/9 году :						
членскихъ взносовъ	30	”			—	”
за проданные „Сборники“	4	”			—	”
отъ Министерства Нар. Просвѣщенія	500	”			—	”
„ Правленія И. Ю. Университета	350	”			—	”
% по сберегательной книжкѣ	24	”			08	”
	Итого 1550 руб. 36 коп.					

Расходъ :

За печатаніе т.т. XIV и XV „Сборника“	745		руб.	95		коп.
„ напечат. статьи вознагражденіе авторамъ	442	”			—	”
„ брошюровку и переплетъ	40	”			95	”
„ публикаціи	19	”			1	”
На канцелярскіе, почтовые и др. расходы	59	”			61	”
	Итого 1307 руб. 52 коп.					
Къ 18 октября 1909 г. осталось въ кассѣ	242	”			84	”

Г. Юрьевъ, 18 октября 1909 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

IV. Смѣта на 1909/10 годъ.

Приходъ :

Остатокъ предыдущаго 1908/9 г.	242 руб. 84 коп.
Членскіе взносы	60 " — "
Отъ продажи „Сборниковъ“	40 " — "
„ Правленія Университета	400 " — "
‰ по сберегательной книжкѣ	17 " 16 "
Итого	760 руб. — коп.

Расходъ :

За изданіе „Сборника“ въ 1909/10 г.	1000 руб. — коп.
„ брошюровку и переплетъ	50 " — "
„ публикаціи	25 " — "
На бібліотеку	125 " — "
„ канцелярскіе и др. расходы	100 " — "
Итого	1300 руб. — коп.

Г. Юрьевъ, 18 октября 1909 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

V. Протоколъ засѣданія

ревизіонной комиссіи Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
18 октября 1909 года.

Ревизіонная Комиссія рассмотрѣла и провѣрила всѣ счета прихода-расходной книги, документы по кассѣ, а равно и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества и нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества найдено въ цѣлости и сохранности.

XII

Веденіе книгъ секретаремъ и бібліотекаремъ признала правильнымъ.

Согласно документамъ въ кассѣ Общества оказалось: по приходу — 1550 руб. 36 коп., по расходу — 1307 руб. 52 коп.; остатокъ къ 18 октября 1909 г. 242 руб. 84 коп., изъ нихъ въ Государственной Сберегательной кассѣ 225 руб. 88 коп., на рукахъ у казначея Общества 16 руб. 96 коп.

При этомъ Ревизіонная Комиссія не можетъ не обратить вниманіе Общества на слабое поступленіе членскихъ взносовъ за истекшій годъ.

Члены ревизіонной комиссіи:

Пр. Бѣлявскій.
Василій Вознесенскій.
Г. Трефнеръ.

1909 года, октября 18 дня.

VI. Заключение

**Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу
протокола ревизіонной комиссіи.**

Постановлено Совѣтомъ представить протоколъ ревизіонной комиссіи общему собранію.

VII. Отчетъ

о состояніи бібліотеки Общества.

Къ 18 октября 1909 г. въ бібліотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 174 названія въ 192 экземплярахъ и томахъ.

Энциклопедическій словарь 82 т. и 3 дополнительныхъ.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 623 №№.

Въ отчетномъ году было выдано 32 книги.

Въ 1908/9 году въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія книги:

Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго въ 12 томахъ. С.-Петербургъ, 1830, 1831 и 1834 гг.

А. Александровъ. Феодальное Земство. Отвѣтъ г. Зиновьеву на его „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи. СПБ., 1895 г.

А. А. Неу. Церковные Сборы и Повинности въ Лифляндской губерніи. Валкъ, 1905 г.

Н. Суворовъ. Изъ Исторіи Развитія Церковно-Правительственной Власти. Москва, 1907 г.

И. С. Проданъ. Учебникъ Логики. Харьковъ, 1909.

Почесть. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ проф. М. С. Дринову. Харьковъ, 1908 г.

Періодическія изданія:

Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“. Львовъ.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

The Student Movement.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Филологическія Записки. Воронежъ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

VIII. СПИСОКЪ

членовъ Общества къ 1 іюня 1910 г.*)

Почетные члены:

1. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, бывшій попечитель Оренбургскаго Учебнаго Округа (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ 2 марта 1902 года).

Звѣздочкой обозначены г. г. иногородніе члены.

2. *Князь Голицынъ, Димитрій Петровичъ, Главноуправляющій Канцеляріей Его Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи (съ 23 октября 1904 г.).
3. *Мальбергъ, Владиміръ Константиновичъ, ординарный профессоръ Московскаго университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 23 октября 1897 г., почетнымъ — съ 28 октября 1907 г.).

Дѣйствительные члены :

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, Ректоръ И. Ю. Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. *Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета (съ 15 октября 1906 г.).
9. Богачевъ, Владиміръ Владиміровичъ, привать-доцентъ (съ 1 марта 1910 г.).
10. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
11. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
12. *Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ гимназіи (со 2 апрѣля 1905 г.).
13. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
14. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, бывшій помощникъ инспектора студентовъ (съ 26 октября 1902 г.).
15. Воищевъ, Николай Федоровичъ, мировой судья (съ 1 марта 1910 г.).

16. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
17. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
18. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, предсѣдатель Създа мировыхъ судей въ г. Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
19. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.).
20. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдывающій общежитіемъ студентовъ Ю у. (съ 29 января 1898 г.).
21. *Грѣдингеръ, Михаилъ Юсифовичъ, мировой судья въ г. Ригѣ (съ 29 ноября 1903 г.).
22. Грунскій, Николай Кузьмичъ, профессоръ университета (съ 15 ноября 1903 г.).
23. *Дависъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
24. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (съ 23 октября 1897 г.).
25. *Даниловъ, Николай Семеновичъ, капитанъ, преподаватель кадетскаго корпуса (съ 26 октября 1902 г.).
26. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ (съ 27 апрѣля 1897 г.).
27. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.).
28. *Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 26 марта 1898 г.).
29. *Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.).
30. Змигородскій, Юсифъ Юсифовичъ, преподаватель гимназіи (со 2 марта 1902 г.).
31. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, преподаватель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).
32. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
33. *Ивановскій, Константинъ Николаевичъ, мировой судья (съ 30 октября 1908 г.).
34. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
35. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).

36. К и м а, Густавъ Карловичъ, учитель начального городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
37. К и п р і а н о в и ч ъ, Николай Яковлевичъ, директоръ Юрьевского реального училища (съ 10 мая 1898 г.).
38. К о н д а к о в ъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
39. К р а с н о ж е н ъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
40. К р а с н о ж е н ъ, Александръ Михайловичъ, чиновникъ канцеляріи Государственной Думы (съ 14 ноября 1908 г.).
41. К р а ш е н и н н и к о в ъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
42. *К у з н е ц о в ъ, Степанъ Васильевичъ, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа (съ 15 декабря 1901 года).
43. К у р ч и н с к і й, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
44. Л а в р о в ъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
45. Л а у т е н б а х ъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
46. *Л ю б и м о в ъ, Григорій Николаевичъ, директоръ Валкскаго реального училища (съ 23 октября 1904 г.).
47. *М а т в ѣ е в ъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).
48. Н а р у с к ъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
49. Н е в з о р о в ъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Н е г о т и н ъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
51. *Н и к о л а е в с к і й, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
52. Н и к о л ь с к і й, Евлампій Ивановичъ, преподаватель гимназіи (съ 9 февраля 1909 г.).
53. О з е, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. П о л я к о в ъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
55. *П р о д а н ъ, Исидоръ Савичъ, приватъ доцентъ Харьковскаго университета (съ 30 сентября 1899 г.).

56. Пучковскій, Николай Ефимовичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
57. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
58. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
59. Руцкій, Петръ Григорьевичъ, директоръ Юрьевской гимназіи (съ 9 февраля 1909 г.).
60. *Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
61. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 окт. 1902 г.).
62. *Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающий городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
63. Скрябинъ, Николай Александровичъ, инспекторъ Юрьевской гимназіи (съ 29 января 1898 г.).
64. *Смирновъ, Андрей Ивановичъ, начальникъ Либавской почтово-телеграфной конторы (съ 13 ноября 1906 г.).
65. Спасскій, Леонидъ Григорьевичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
66. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
67. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
68. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
69. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
70. *Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 октября 1902 г.).
71. *Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназіи (съ 16 мая 1900 г.).
72. Тростниковъ, Михаилъ Адриановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
73. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1898 г.).
74. *Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ СПб-гѣ (съ 30 октября 1899 г.).
75. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

76. *Ц в ѣ тковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (26 октября 1902 г.).
77. *Черноусовъ, Евгений Александровичъ, директоръ гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
78. *Чирвинскій, Станиславъ Юсифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
79. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
80. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
81. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
82. Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
83. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начальнаго при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
84. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

IX. Совѣтъ Общества на 1909/10 г.

(избранъ въ годичномъ засѣданіи 25 октября 1909 г.).

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ.

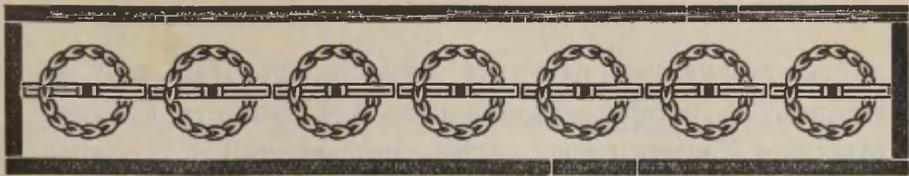
Секретарь — С. К. Богушевскій.

Казначей — Е. А. Гравитъ.

Члены Совѣта: І. І. Змигродскій, Н. К. Грунскій,
П. Г. Руцкій.

Библиотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Отдѣлъ научный.

А. С. Будиловичъ. †

Некрологъ.

(Съ портретомъ покойнаго.)

12-го декабря 1908 года въ С.-Петербургѣ скончался бывший ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, членъ Министра Народнаго Просвѣщенія, редакторъ старѣйшей русской газеты: „*Московскія Вѣдомости*“, тайный со-вѣтникъ Антонъ Семеновичъ Будиловичъ . . . Сошелъ въ могилу выдающійся русскій ученый, горячо преданный родинѣ общественный дѣятель, истинно-русскій православный человѣкъ, отзывчивый на все честное, на все доброе.

На мнѣ, одномъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. С. Будиловича по его дѣятельности на Прибалтійской окраинѣ, для которой онъ сдѣлалъ такъ много, лежитъ долгъ помянуть добрымъ словомъ почившаго, всегда столь сердечно и любовно ко мнѣ относившагося . . .

Вся жизнь покойнаго была непрерывнымъ трудовымъ подвигомъ.

Сынъ протоіерея, А. С. Будиловичъ родился 24 мая 1846 года въ селѣ Комотовѣ Гродненской губерніи и, послѣ домашней подготовки, воспитывался въ Литовской духовной семинаріи, но вышелъ изъ средняго ея отдѣленія и,

по гимназическому аттестату зрѣлости, въ 1864 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета. Здѣсь, руководимый В. И. Ламанскимъ, И. И. Срезневскимъ и М. И. Сухомлиповымъ, онъ особенно отдался изученію славянскихъ нарѣчій и исторіи русской литературы, такъ что, еще находясь на студенческой скамьѣ, былъ удостоенъ золотой медали за сочиненіе: „*О литературной дѣятельности Ломоносова*“.

По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1867 году со степенью кандидата, А. С. Будиловичъ зиму и лѣто 1868 года провелъ въ заграничномъ путешествіи по Франціи и Германіи, по возвращеніи изъ котораго въ С.-Петербургъ, былъ оставленъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ качествѣ кандидата-стипендіата, для приготовленія къ профессорскому званію по славянской филологіи, подъ руководствомъ профессоровъ И. И. Срезневскаго и В. И. Ламанскаго (съ 1 октября 1868 года по 1 октября 1870 года).

Осенью 1869 года А. С. Будиловичъ пачалъ свою плодотворную педагогическую дѣятельность. Онъ состоялъ преподавателемъ славянскихъ нарѣчій въ С.-Петербургской Духовной Академіи (1869—1872) и въ С.-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ (1871—1872), профессоромъ русско-славянской филологіи въ Историко-Филологическомъ Институтѣ въ Нѣжинѣ (1875—1881) и въ Варшавскомъ Университетѣ (1881—1892), гдѣ состоялъ секретаремъ, а затѣмъ деканомъ историко-филологическаго факультета, наконецъ 27 сентября 1892 года, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ ректоромъ Императорскаго Юрьевскаго Университета, въ каковой должности состоялъ по 18 мая 1901 года, занимая въ томъ же Университетѣ каяедру сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій.

Наряду съ такою почти тридцатипятилѣтнею службою непрерывно шла и постепенно расширялась его учено-лите-

ратурная дѣятельность. Къ этому періоду относились наиболѣе важные труды почившаго, какъ напримѣръ: „Исслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода 13 словъ Григорія Богослова“ (1871 г. — магистерская диссертация), „Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ“ (Спб. 1878 г. — докторская диссертация), „Назертаніе церковно-славянской грамматики“ (1883 г.), „Учебникъ церковно-славянской грамматики“ (1883 г.), и длинная вереница научныхъ статей въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Русскомъ Обзорѣннѣ“, „Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества“, „Руси“ (Аксакова) и др.

Назначенный съ 18 мая 1901 года членомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Будиловичъ началъ выступать со своими публицистическими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ: въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новомъ Времени“ и „Окраинахъ Россіи“. Эти работы покойнаго, посвященныя злободневнымъ вопросамъ, были изданы отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: „Наука и Политика“ (Спб. 1905 г., 109 стр.). Опѣ то и послужили главнымъ основаніемъ къ назначенію почившаго редакторомъ-издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (съ 1 января 1908 г.).

За свою плодотворную учено-литературную дѣятельность А. С. Будиловичъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ С. Петербургской Духовной Академіи и Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, членомъ Сербской Королевской Академіи.

Съ 1-го октября 1892 года А. С. Будиловичъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей Юрьево-Верроскаго Округа, а съ 1897 года предсѣдателемъ названнаго выше Учено-Литературнаго Общества.

Такъ въ непрерывныхъ заботахъ и трудахъ прошла вся жизнь покойнаго, до самой смерти не знавшаго усталости, не дававшаго себѣ отдыха.

Особенно тяжелую, но въ тоже время и плодотворную, службу сослужилъ А. С. Будиловичъ Россіи въ должности ректора Юрьевского Университета. Приглашенный на этотъ постъ другимъ, тоже замѣчательнымъ, русскимъ дѣятелемъ (нынѣ покойнымъ) Николаемъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, бывшимъ тогда попечителемъ Рижскаго Учебнаго Округа, А. С. Будиловичъ долженъ былъ исполнить трудную задачу — онъ долженъ былъ преобразовать, по волѣ незабвеннаго Императора Александра III, прежній *нѣмецкій* Дерптскій Университетъ въ Университетъ *русскій* Юрьевскій.

Заставъ нѣкогда процвѣтавшій Дерптскій университетъ въ самомъ плачевномъ видѣ и полномъ запустѣніи¹⁾,

1) Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ разстройства въ Университетѣ учебнаго дѣла въ послѣднія десятилѣтія является отвѣтъ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. на запросъ Министерства относительно примѣненія къ нему положенія объ испытаніяхъ въ государственной медицинской комиссіи. Въ отвѣтѣ этому факультетъ, сославшись на то, что юрьевскіе медицинскіе институты не обставлены столь удовлетворительно, какъ въ прочихъ университетахъ Имперіи; что юрьевскія клиники не имѣютъ достаточнаго числа больныхъ, другія вовсе отсутствуютъ (напр., по дѣтскимъ болѣзнямъ, назоносовымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ); что патолого-анатомической и судебно-медицинской институты страдаютъ отъ недостатка труповъ; что преподаваніе гигиены поставлено въ Дерптскомъ Университетѣ очень неудовлетворительно, — ходатайствовалъ, чтобы, впредь до устранения этихъ недостатковъ въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ, на медицинскихъ испытаніяхъ въ Дерптскомъ Университетѣ, имѣли перевѣсъ теоретическія познанія.

Имѣлись и по другимъ факультетамъ (юридическому, физико-математическому) аналогичныя заявленія о затрудненіяхъ при введеніи общеимперскаго плана занятій и программы испытаній, — затрудненіяхъ, обусловленныхъ главнымъ образомъ недочетомъ многихъ кафедръ и, слѣдовательно, неполнотою преподаванія.

Многіе русскіе профессора, назначенные, по выходѣ въ отставку нѣмецкихъ, съ 1892 г., особенно по факультетамъ физико-математическому и медицинскому, приняли соотвѣтственные институты въ

А. С. Будиловичъ, не смотря на скудость матеріальныхъ средствъ, не встрѣчая сочувствія своей дѣятельности, на

самомъ плачевномъ состояніи, такъ что, по вступленіи въ должность, имъ пришлось употребить массу времени, трудовъ, усилій, а Правленію — ремонтныхъ и иныхъ средствъ для постепеннаго подъема этихъ институтовъ изъ прежняго запустѣнія и развалинъ. Въ частности, это можетъ быть доказано относительно: астрономической обсерваторіи, ботаническаго сада, институтовъ фізіологическаго, фармацевтическаго, судебно-медицинскаго, гигиеническаго и нѣкоторыхъ клиникъ.

... „Юрьевская астрономическая обсерваторія, читаемъ мы въ отзывѣ перваго русскаго директора оной — проф. Г. В. Левицкаго (нынѣ Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа) отъ 15 мая 1895 г., находится нынѣ въ такомъ состояніи, при которомъ не только не возможна научная дѣятельность, сколько-нибудь напоминающая дѣятельность В. Струве, но даже для преподаванія практической астрономіи нѣтъ тѣхъ пособій, какія имѣются теперь на всякой другой русской университетской обсерваторіи... Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, при чемъ оказалось, что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія... Большой рефракторъ: объективъ этого нѣкогда наибольшаго и наилучшаго изъ рефракторовъ былъ разобранъ механикомъ Гербстомъ и мною въ присутствіи извѣстнаго астронома В. К. Дэллена. При этомъ оказалось, что обѣ линзы объектива покрыты большими и несмываемыми пятнами, происшедшими, по объясненію Дэллена, отъ небрежнаго обращенія съ инструментомъ за послѣдніе 50 лѣтъ.“

О состояніи ботаническаго сада, при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора — профессора Н. И. Кузнецова, состоящаго въ этой должности и теперь, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ его отзыва отъ 29 апрѣля 1896 г. по дѣлу о ремонтахъ этого сада:

... „Всѣ зданія находятся въ самомъ плачевномъ состояніи... Въ пальмовой оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ тропическихъ растений. Въ сараѣ нельзя ничего хранить, ибо крыша и стѣны не защищаютъ содержимое и хранимое отъ атмосферныхъ осадковъ... Ремонтъ покосившейся конюшни нельзя откладывать, такъ какъ этотъ ремонтъ можетъ вызвать законныя требованія со стороны полиціи. Ремонтъ оранжереи Багге нельзя откладывать, такъ какъ откладываніе ведетъ къ дальнѣйшему разрушенію оранжереи и порчѣ всей коллекціи цѣнныхъ растений. Сводъ погреба угрожаетъ обрушиться... Ботаническій кабинетъ представляетъ помѣщеніе совершенно не удовлетворяющее самымъ скромнымъ требованіямъ современной науки и университетскому ея преподаванію... Вести успѣшно преподаваніе ботаники при такомъ положеніи дѣла является совершенно немислимымъ; преподаваніе

оборотъ, находя часто противодѣйствіе въ тѣхъ лицахъ и сферахъ, которыя, казалось, должны были бы оказывать ему

это можетъ стоять лишь на уровнѣ требованій программы среднего, а не высшаго учебнаго заведенія, не Университета . . .“

О положеніи фізіологическаго института, при переходѣ его въ завѣдываніе нынѣшняго русскаго директора — профессора В. П. Курчинскаго, можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 30 ноября 1896 г.:

„Ознакомившись ближе съ инвентаремъ фізіологическаго института, я нашелъ совершенно недостаточными для цѣлей раціональнаго преподаванія и для веденія научныхъ работъ тѣ инструменты и аппараты, какіе имѣются въ немъ въ настоящее время, а равно и принадлежащую институту библіотеку . . . Очевидно, что до настоящаго времени программа Министерства фактически не могла быть исполнена. Отсутствие всѣхъ почти электрическихъ приборовъ указываетъ на то, что весь несбыкновенно важный отдѣлъ мышечной и нервной фізіологии до сихъ поръ излагался совершенно безъ демонстрацій . . . Такъ какъ перечисленные въ программѣ приборы суть „наиболѣе употребительные“ и абсолютно необходимые, то по отсутствію даже этихъ приборовъ можно судить объ остальномъ. И дѣйствительно, инструментарій представляетъ жалкое собраніе устарѣлыхъ приборовъ, только загромаждающихъ собою и безъ того весьма тѣсное помѣщеніе института. Но этого мало: трудно повѣрить, чтобы въ университетской фізіологической лабораторіи не оказалось мѣха для искусственнаго дыханія, ни одной трахеальной канюли для трахеотоміи, всего два зажимныхъ пинцета для артерій. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ невозможно было произвести ни одной вивисекціи . . .“

Даже фармацевтическій институтъ, считавшійся съ 40-хъ годовъ чуть ли не первымъ въ Россіи и выпустившій цѣлыя сотни диссертаций на магистра фармаціи, оказался далеко не въ блестящемъ состояніи при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора — профессора И. Л. Кондакова.

Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ доклада послѣдняго (мартъ 1894 г.).

„Состояніе принятаго мною фармацевтическаго института, противъ моихъ ожиданій, совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ научнымъ требованіямъ, которыя представляются мало-мальски устроеннымъ лабораторіямъ . . . Лабораторія не имѣетъ водопровода и снабжается вонючей и загрязненной водой изъ резервуара, помѣщающагося въ аудиторіи. При такомъ устройствѣ водоснабженія, немислимо производить какія-либо работы, требующія для своего веденія большаго водяного давленія или разрѣженнаго пространства . . . Въ институтѣ, къ моему удивленію, не оказалось самыхъ необходимыхъ книгъ, напр. фармакопей, атласовъ и рисунковъ для преподаванія фармакогнозіи, порядочнаго иаяльнаго стола, сколько

содѣйствіе ¹⁾, блестяще выполнилъ возложенную на него задачу: онъ сумѣлъ привлечь въ Юрьевскій Университетъ многихъ талантливыхъ ученыхъ ²⁾ и, черезъ девять лѣтъ своего пребыванія въ должности ректора Юрьевского Университета, оставилъ вмѣсто прежняго, пришедшаго въ совершенное разстройство, *нѣмецкаго* Университета, благоустроенный *русскій* Университетъ, стоявшій если не выше, то, во всякомъ случаѣ, на одномъ уровнѣ съ другими провинціальными университетами, не смотря на то, что бюджетъ Юрьевского Университета и въ настоящее время много меньше бюджета cadaго изъ прочихъ университетовъ.

Но сколько огорченій и непріятностей долженъ былъ перенести покойный только за то, что онъ честно выполнилъ свой долгъ передъ Государемъ и родиной!... Сколько потерялъ онъ силъ и здоровья! . . . Чѣмъ плодотворнѣе была его дѣятельность по преобразованію Дерптскаго Университета — этого бывшаго оплота германизма въ самой Россіи — въ Университетъ русскій, чѣмъ успѣшнѣе шла

нибудь удовлетворительной стеклянной посуды, чистыхъ химическихъ и фармацевтическихъ препаратовъ, порядочныхъ термометровъ, водяныхъ и воздушныхъ бань и массы другихъ самыхъ необходимыхъ лабораторныхъ принадлежностей... Коллекція препаратовъ оказалась никуда негодной. Безъ всякаго преувеличенія могу указать, напр., что вся почти принятая мною коллекція эфирныхъ массъ давно утратила свои свойства отъ нераціональнаго храненія ихъ, а часть отъ давности, и по этимъ коллекціямъ никакого уже правильнаго представленія ни о физическихъ, ни о химическихъ свойствахъ этого класса веществъ получить нельзя, а тѣмъ менѣе можно производить съ ними какія-либо химическія реакціи“. См. А. Будиловичъ. Юрьевскій Университетъ. (Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанію: „Отвѣтъ бывшаго ректора Дерптскаго Университета ректору Юрьевского Университета.) Рига. 1897, стр. 19—29.

1) Очень несочувственно относился къ нуждамъ Юрьевского Университета бывшій тогда Министромъ Финансовъ, нынѣ графъ, С. Ю. Витте.

2) Многие изъ назначенныхъ при А. С. Будиловичѣ профессоровъ заняли впослѣдствіи кафедры въ столичныхъ университетахъ; двое изъ нихъ въ настоящее время занимаютъ высокіе посты попечителей учебныхъ округовъ.

работа по этой реформѣ, тѣмъ больше злобы по отношенію къ покойному накоплялось у лицъ, ей не сочувствовавшихъ. Надо было обладать такою непреклонною волею, надо было такъ любить Россію, какъ ее любилъ покойный, чтобы продолжать работать, не опуская рукъ, зная при этомъ, что каждый шагъ этой работы будетъ во вредъ самому себѣ.

Противъ Антона Семеновича началась настоящая травля¹⁾ . . . Въ концѣ концовъ А. С. Будиловичъ, послѣ

1) Не остановились даже передъ обвиненіемъ ректора Императорскаго, тогда еще Дерптскаго, Университета въ присвоеніи 2—3 саженой казенныхъ дровъ.

Даже послѣ смерти А. С. Будиловича, которая должна была примирить съ нимъ всѣхъ его честныхъ противниковъ (въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ — этомъ лагерѣ политическихъ противниковъ покойнаго — были помѣшены строки сочувственныя его памяти), въ нѣмецкой газеткѣ: „Nordlivländische Zeitung“, издающейся въ Юрьевѣ, былъ помѣщенъ злобный некрологъ покойнаго. Но христіанскій Богъ не есть Богъ мести, а Богъ любви и всепрощенія. Исторія отдастъ должное человѣку, неукоснительно и безбоязненно старавшемуся отвоевать для Россіи одну изъ наиболѣе сильныхъ твердынь чужестранной культуры.

Съ удовольствіемъ приводимъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ слѣдующія строки о покойномъ А. С. Будиловичѣ, принадлежащія перу С. Котляревскаго:

„Всѣ сочувствующіе политическому освобожденію и культурному развитію славянскихъ народностей съ тяжелымъ чувствомъ примуть извѣстіе о кончинѣ А. С. Будиловича. Каковы бы ни были разногласія по другимъ вопросамъ внутренней политики съ покойнымъ, нельзя забыть всего, что сдѣлано А. С. Будиловичемъ въ области ознакомленія Россіи со славянскимъ міромъ и возбужденія у насъ къ нему симпатій. Какъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, онъ съ особенной любовью освѣщалъ вопросы внѣшней политики и развивалъ программу объединенія балканскаго славянства въ союзъ съ преобразованной Турціей, какъ оплотъ противъ германизации Ближняго Востока, — программу, которая въ настоящее время принимается представителями самыхъ разнообразныхъ политическихъ партій. И, несомнѣнно, эти статьи оказывали свое вліяніе, какъ и статьи, помѣщенные въ началѣ 1908 г. о положеніи Македоніи и необходимости отказаться отъ мюрцштегской программы и осуществить македонскую автономію, обѣщанную Берлинскимъ трактатомъ. Пишущему эти строки, пишетъ Котляревскій, пришлось познакомиться съ А. С. лишь въ нынѣшнемъ году, но и немногихъ короткихъ свиданій было достаточно, чтобы оцѣнить тѣ качества ума и чувства, которыя никогда не могутъ заслоняться политиче-

девяти лѣтъ своей тяжелой службы въ Юрьевскомъ университетѣ, былъ „отставленъ“ отъ Университета, хотя и съ повышеніемъ — и Прибалтійскій край навсегда былъ лишенъ одного изъ лучшихъ знатоковъ его исторіи и мѣстныхъ особенностей.

Какъ глубоко вѣрны слова, сказанныя при погребеніи почившаго, высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ Волынскимъ Антоніемъ, котораго такъ любитъ православный русскіи народъ: . . . „Кому теперь нужны въ нашемъ обществѣ радѣтели родины, вѣры, народности? . . . Душа А. С. была не въ Петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ, который такъ и не сѣумѣлъ воспользоваться его огромными познаніями и высокими качествами духа, но . . . тамъ, въ исторіи нашего славнаго прошлаго, когда русскіе были русскими, а не нѣмцами, говорящими на русскомъ языкѣ, когда любили, и трудились, и молились, и умирали за истину, а не лгали и лицемѣрили . . .“

Если въ С. Петербургѣ не хотѣли понять, какого дѣятеля въ Антонѣ Семеновичѣ терялъ Прибалтійскій край, вообще, и Юрьевскій университетъ, въ частности, то тѣмъ болѣе сознавало всю тяжесть этой потери мѣстное русское общество. Это выразилось весьма наглядно на устроенномъ 6 мая 1901 года чествованіи А. С. Будиловича и его семейства въ русскомъ семейно-общественномъ собраніи „Родникъ“, наканунѣ его отъѣзда изъ Юрьева.

„Одинъ изъ присутствовавшихъ такъ описываетъ проводы А. С. Будиловича 1).

„Въ устроенномъ въ честь семейства А. С. Будиловича

скими различіями, чтобы оцѣнить искреннюю, горячую вѣру покойнаго въ славянство. И пусть въ памяти русскаго общества съ его именемъ будетъ связана, именно, эта вѣра, которая среди тяжелыхъ международныхъ затрудненій освѣщаетъ путь къ лучшему.“

1) См. „Московскія Вѣдомости“ 1901 г. № 128.

отъ всего русскаго общества въ городѣ Юрьевѣ обѣдѣ приняли участіе мѣстное духовенство, деканы всѣхъ факультетовъ (кромѣ богословскаго), профессеры Университета и многочисленные представители отъ всѣхъ вѣдомствъ и учреждений города Юрьева. Проводы А. С. Будиловича отличались рѣдкою сердечностью и задухевностью: каждый изъ присутствовавшихъ понималъ, что наша окраина, въ особенности Университетъ, теряетъ въ лицѣ А. С. Будиловича незамѣнимаго дѣятеля, въ теченіе всего своего служенія твердо державшаго русское знамя, дѣлавшаго русское дѣло твердо, честно и открыто, несмотря на всю злобу, выражаемую иногда въ грубыхъ формахъ, со стороны враговъ величія и славы нашего отечества.

Да и какъ было не враждовать, какъ не нападать врагамъ Россіи на дѣятельность А. С. Будиловича, когда дѣятельность эта въ корнѣ разрушала всѣ ихъ затаенныя мысли и ухищренія, когда результаты этой дѣятельности у всѣхъ на глазахъ! Заставъ тогда еще Дерптскій Университетъ совершенно *нѣмецкимъ*, онъ оставляетъ намъ нынѣшній Юрьевскій Университетъ *русскимъ* какъ по языку преподаванія, такъ и по составу учащихся и учащихся; оставляетъ его съ православнымъ крестомъ на кровлѣ его зданія. А. С. Будиловичъ не щадилъ своихъ силъ при этой гигантской работѣ; онъ спѣшилъ дѣлать русское дѣло и, можетъ быть, спѣшилъ не напрасно. Исторія оцѣнитъ эту дѣятельность.

А какъ любилъ А. С. Будиловичъ Университетъ! Какъ любилъ онъ студенчество! Эта любовь не была только заигрываніемъ съ молодежью, приводящею эту молодежь часто къ самымъ плохимъ для нея послѣдствіямъ, причемъ „друзья“ этой молодежи, дорожащіе своимъ положеніемъ, быстро ретируются и скрываются, — нѣтъ, онъ любилъ ее любовью искреннею, любилъ сердечно, берегъ ее, приходя къ ней на помощь въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, даже тогда, когда оставляли ее „друзья“. Когда не будетъ больше

въ Университетѣ его ректора, Антона Семеновича, станетъ понятна вся тяжесть потери этой личности для нашего матеріально необезпеченнаго, зато богато одареннаго духовно, русскаго студенчества, ходатаемъ за которое онъ всегда являлся. Кто, напримѣръ, въ 1899 году, послѣ студенческихъ волненій, когда всѣ студенты должны были потерять цѣлый годъ, своими неотступными просьбами передъ Министерствомъ, устройствомъ переводныхъ экзаменовъ зимсй, спасъ студенчеству (одному только юрьевскому) этотъ годъ?... Сдѣлалъ это не кто иной, какъ А. С. Будиловичъ.

Труды и заботы А. С. Будиловича раздѣляла съ нимъ его супруга Елена Адольфовна, дочь извѣстнаго, недавно умершаго, славянскаго дѣятеля А. Добрянскаго. Между прочимъ, Е. А. Будиловичъ, съ самаго основанія Общества для пособія нуждающимся студентамъ, занимала должность предсѣдательницы этого Общества, начавшаго свою дѣятельность съ самыми скромными средствами, а нынѣ обладающаго довольно значительными средствами; ея сердечное отношеніе къ Юрьевскому студенчеству извѣстно каждому, обращающемуся къ ней по какому-либо дѣлу студенту.

Вотъ почему такъ многолюдно было собраніе лицъ, участвовавшихъ въ чествованіи семейства Будиловичъ; вотъ почему такъ сердечны и трогательны были его проводы. Много задушевныхъ словъ высказано было за трапезой. Произнесены были рѣчи профессоромъ православнаго богословія протоіереемъ Царевскимъ, 4 деканами факультетовъ, протоіереемъ Долговскимъ, командиромъ стоящаго въ гор. Юрьевѣ 95-го Красноярскаго полка полковникомъ Потоцкимъ, предсѣдателемъ Юрьево-Верроскаго Съѣзда Мирowychъ Судей Головинымъ и предсѣдателемъ „Родника“ Крыжановскимъ, директоромъ Ветеринарнаго Института Раупахомъ, директоромъ классической гимназіи Н. И. Ивановымъ, директоромъ Юрьевской учительской семинаріи Сѣрковымъ, директоромъ частной гимназіи Г. Трефперомъ, поднесшимъ А. С. Будиловичу роскошную фотографію Юрьевскаго Университета,

многими профессорами, инспекторомъ студентовъ Н. И. Тихомировымъ и иными лицами.“

Въ С.-Петербургѣ, въ должности члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Будиловичъ оказалъ много услугъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ особенноти взявъ на себя порученіе посѣтить школы нашихъ заволжскихъ инородцевъ и представить докладъ о нуждахъ ихъ образованія¹⁾.

Свободное отъ служебныхъ занятій время А. С. Будиловичъ посвящалъ широкой общественной дѣятельности, въ качествѣ предсѣдателя Галицко-Русскаго Общества въ С.-Петербургѣ и одного изъ руководителей С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества; кромѣ того, состоя членомъ русскаго Краиннаго Общества, А. С. не мало энергіи вложилъ и въ это общество, содѣйствуя успѣху его органа „Краины Россіи“.

А. С. былъ горячимъ сторонникомъ идеи единенія славянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалъ на русскій языкъ, какъ на единственный языкъ, который, въ силу своей наибольшей близости къ языку древне-славянскому, можетъ стать общеславянскимъ языкомъ. Общественное и политическое міросозерцаніе покойнаго не нашло себѣ выраженія въ одной какой-либо работѣ, но растворилось въ рядѣ многочисленныхъ и цѣнныхъ статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ: эти статьи касаются какъ внутренней русской жизни, такъ и славянскаго вопроса въ связи съ нею; вопросы этнографіи, исторіи, литературы, языка, общественной и политической дѣятельности являлись темами этихъ статей, изданіе которыхъ отдѣльнымъ сборникомъ было бы достойной данью уваженія къ памяти почившаго ученаго и общественнаго дѣятеля.

1) Обширный докладъ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ былъ напечатанъ А. С. Будиловичемъ 15-го августа 1905 года.

Въ концѣ 1907 года А. С. Будиловичъ переселяется въ Москву, принявъ на себя издательство и редакторство старѣйшей и извѣстнѣйшей въ Россіи газеты: „*Московскія Вѣдомости*“. А. С. не жалѣлъ холоднаго, чиновничьяго Петербурга и съ охотою ѣхалъ въ Первопрестольную столицу, которая всегда прельщала его своимъ чисто русскимъ укладомъ жизни и въ которой онъ имѣлъ много искреннихъ друзей и почитателей (съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ завязалъ знакомство еще во время своей службы въ Юрьевѣ).

Съ присущею ему энергіею принялся А. С. за работу — сложную и отвѣтственную. За все время (около года), пока онъ былъ редакторомъ „*Московскихъ Вѣдомостей*“, почти всѣ передовыя статьи были написаны имъ лично. Многія изъ нихъ посвящены славянскимъ вопросамъ и славянству. Кромѣ того, будучи рѣдкимъ знатокомъ университетскаго вопроса не только у насъ въ Россіи, но и за границею, покойный напечаталъ рядъ цѣнныхъ статей по этому вопросу въ издаваемой имъ газетѣ.

Въ началѣ 1908 года я видѣлъ А. С. Будиловича въ Москвѣ и засталъ его бодрымъ и даже жизнерадостнымъ. . . . А въ концѣ того же 1908 года его уже не было въ живыхъ. Постоянная, часто непосильная, работа и пережитыя жизненныя невзгоды и непріятности, наконецъ, постоянное душевное страданіе за истерзанную, измученную, униженную родину, которую онъ такъ любилъ, окончательно сломили его силы. . . .

Неожиданная кончина А. С. Будиловича вызвала искреннее сожалѣніе у всѣхъ знавшихъ покойнаго во всѣхъ концахъ обширной Россіи, и даже за предѣлами ея, особенно среди славянъ, къ которымъ онъ такъ дружелюбно относился.

Панихиды по дорогомъ усопшемъ совершались у гроба

его въ С.-Петербургѣ ¹⁾ и были отслужены всюду, куда доходила печальная вѣсть о его смерти.

13-го декабря въ часовнѣ Владимірскаго собора въ С.-Петербургѣ панихиду у гроба усопшаго совершалъ преосвященный Евлогіи, епископъ Холмскій, въ сослуженіи духовенства Владимірской церкви. На панихидѣ присутствовали: семья и родственники покойнаго, товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія г. Ульяновъ, начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, гофмейстеръ г. Бельгардъ, бывший Министръ Народнаго Просвѣщенія г. Зенгеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ г. Нарышкинъ, членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ г. Звѣревъ, профессеры: Кулаковскій, Пальмовъ, Гротъ, Филевичъ, Жуковичъ, члены совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Общества, члены Галицко-Русскаго и Краиннаго Общества и многіе другіе.

14-го декабря была отслужена панихида въ Москвѣ, въ храмѣ Епархіальнаго дома Златоустовскимъ Кружкомъ, почетнымъ членомъ котораго состоялъ покойный А. С. Будиловичъ. Присутствовали члены Кружка съ предсѣдателемъ С. В. Калиновскимъ. Пѣлъ хоръ Кружка.

Въ Юрьевѣ 14-го января, по полученіи извѣстія о смерти бывшаго перваго *русскаго* ректора Юрьевскаго Университета, по окончаніи литургіи въ православной университетской церкви во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, созданной въ бытность Антона Семеновича ректоромъ этого Университета и при его горячемъ участіи и содѣйствіи, была отслужена первая панихида, а вторая была совершена 16-го декабря, въ день похоронъ А. С. Присутствовали ректоръ Университета, профессеры и преподаватели, а также студенты Юрьевскаго Университета. Пѣлъ студенческій церковный хоръ, въ которомъ приняли участіе многіе студенты-любители. Совершавшій панихиду профессоръ православ-

1) На одной изъ нихъ у гроба почившаго присутствовалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія А. Н. Шварцъ.

наго богословія въ Юрьевскомъ Университетѣ протоіерей А. С. Царевскій сказалъ глубоко прочувствованное слово, въ которомъ упомянулъ, между прочимъ, о тѣхъ большихъ талантахъ, которыми одарилъ Господь покойнаго А. С. и которыхъ усопшій не мѣнялъ на серебро или золото.

Отпѣваніе тѣла А. С. Будиловича въ храмѣ Александроневской лавры, при пѣніи митрополичьяго хора, закончилось лишь во второмъ часу дня. Оно было совершено высокопреосвященнымъ Антошемъ, архіепископомъ Волынскимъ, въ сослуженіи преосвященнаго Евлогія, епископа Холмскаго, четырехъ архимандритовъ, въ числѣ которыхъ находился инспекторъ Петербургской Духовной Академіи архимандритъ Теофанъ, профессоръ протоіерея Соллертинскаго, священника-галичанина отца Андрея Мурина и другого многочисленнаго духовенства.

Кромѣ семьи и родственниковъ, на заупокойномъ богослуженіи присутствовали: члены Государственнаго Совѣта высокопреосвященный Николай, архіепископъ Варшавскій, высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Псковскій, М. Н. Галкинъ - Врасскій, А. А. Нарышкинъ и профессоръ В. А. Афанасьевъ, вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ академикъ П. В. Никитинъ, членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ Н. А. Звѣревъ, членъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія П. А. Некрасовъ, попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа графъ Мусинъ-Пушкинъ, начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати гофмейстеръ А. В. Бельгардъ, академикъ В. И. Ламанскій, профессора: П. А. Кулаковскій, И. П. Филевичъ, К. Я. Гротъ, И. С. Пальмовъ, А. А. Дмитріевскій, А. Л. Катанскій и Евсѣевъ, М. М. Бородкинъ, редакторъ „*Правительственнаго Вѣстника*“ А. А. Башмаковъ, редакторъ газеты „*Украины Россіи*“ П. Г. Бывалькевичъ, члены Государственной Думы графъ В. А. Бобринскій и А. С. Гижицкій, предсѣдатель Тифлискаго Патріотическаго Общества Н. П. Шавровъ, сотрудники „*Московскихъ Вѣдо-*

мостей“, какъ прибывшіе изъ Москвы, такъ и Петербургскіе, съ редакторомъ барономъ А. Э. Нольде во главѣ. Изъ заграничныхъ славянъ на похоронахъ присутствовали: буковинскій священникъ К. Д. Богадырецъ, болгаринъ Г. Н. Капчевъ, Д. Н. Вергунъ, чешскій дѣятель докторъ А. О. Кжакъ, галичанинъ В. И. Янчакъ и др. При отпѣваніи присутствовали также члены Славянскаго Общества, Галицко-Русскаго Общества, Русскаго Краиннаго Общества, а также другихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, съ которыми была связана дѣятельность почившаго по Петербургу.

Предъ началомъ отпѣванія высокопреосвященный Антоній произнесъ прекрасное слово, посвященное памяти А. С. Будиловича. Архіепископъ Волынскій выразилъ скорбь по поводу кончины вѣрнаго сына Православной Церкви, стойкаго поборника русскихъ національныхъ началъ и неустаннаго борца за славянскую идею. Высокопреосвященный Антоній отмѣтилъ, что покойный составлялъ счастливое исключеніе въ наше время: будучи мужемъ науки, онъ оставался человѣкомъ вѣры, преданнымъ Православной Церкви. Проповѣдникъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что сходятъ съ арены дѣятельности такіе стойкіе русскіе люди, какимъ былъ А. С. Будиловичъ. Въ такихъ неустанныхъ работахъ, глубоко преданныхъ интересамъ Отечества, особенно нуждается теперь наша настрадавшаяся родина. Слово высокопреосвященнаго Антонія произвело глубокое впечатлѣніе на молящихся¹⁾.

На гробъ покойнаго были возложены вѣнки: отъ Юрьевскаго Университета съ надписью: *Своему первому русскому ректору А. С. Будиловичу*, отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества (серебряный) — *Неустанному Борцу за Славянскую идею*, отъ Русскаго Краиннаго Общества (се-

1) Слово высокопреосвященнаго Антонія помѣщено ниже на стр. 20—24.

ребряный) — *Крѣпкому борцу за русское дѣло на окраинахъ*, отъ старыхъ товарищей (серебряная массивная вѣтка) — *Дорогому незабвенному А. С. Будиловицу*, отъ совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III — *Стойкому русскому дѣятелю и борцу А. С. Будиловицу*, отъ Галицко-Русскаго Благотворительнаго Общества — *незабвенному председателю*, отъ Прибалтійскаго православнаго братства, отъ Юрьевскаго Учено-Литературнаго Общества — *поэтическому глену*, отъ Юрьевскаго Общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ — *глену ухредителю*, отъ сотрудниковъ и служащихъ Московскихъ Вѣдомостей, отъ типографіи В. А. Ждановича.

Гробъ изъ храма вынесли члены Государственнаго Совѣта, старые товарищи покойнаго и сотрудники *Московскихъ Вѣдомостей*. Печальная процессія, при ясномъ солнечномъ днѣ, столь рѣдкомъ въ зимнее время для Петербурга, направилась на кладбище Александро-Невской лавры. Высокопреосвященный Антоній слѣдовалъ во главѣ духовенства до могилы, гдѣ совершилъ послѣднюю литію.

У открытой могилы галичанинъ священникъ А. Г. Муринъ сказалъ краткую прочувствованную рѣчь, въ которой указалъ, что кончина А. С. Будиловича вызоветъ искреннія слезы славянъ Угорской, Буковинской, Галицкой и всей Прикарпатской Руси, которые видѣли въ немъ твердаго и сильнаго защитника. Отъ лица этихъ отторженныхъ, забытыхъ и забитыхъ братьевъ отецъ Муринъ выразилъ почившему душевную благодарность.

Профессоръ Юрьевскаго университета В. А. Афанасьевъ въ своей теплой рѣчи отмѣтилъ заслуги А. С. Будиловича для Юрьевскаго Университета, первымъ русскимъ ректоромъ котораго былъ почившій ученый.

Искреннія сожалѣнія по поводу неожиданной смерти А. С. Будиловича и выраженія соболѣзнованія семьѣ почив-

шаго въ постигшемъ ее въ тяжкомъ горѣ долгое время получались отовсюду.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Юрьевъ, Лифл. губ. (На имя Е. А. Будиловичъ). Совѣтъ Императорскаго Юрьевскаго Университета выражаетъ свое соболѣзнованіе по случаю постигшаго васъ тяжелаго испытанія съ утратой незабвеннаго Антона Семеновича. Исправляющій должность ректора *Алексѣевъ*.

Петербургъ. Правленіе Комитета Славянской Взаимности считаетъ долгомъ выразить вамъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины вашего мужа, въ лицѣ котораго славянство утратило выдающагося ученаго и неутомимаго борца, а Комитетъ Славянской Взаимности — одного изъ своихъ учредителей. *Холцковъ*.

Варшава. Бывшіе ученики Антона Семеновича по Нѣжину и Варшавѣ, глубоко скорбя о тяжелой утратѣ незабвеннаго своего учителя, собравшись вмѣстѣ и отслуживъ панихиду, шлютъ вамъ выраженіе искреннаго соболѣзнованія. Да пошлетъ Господь вамъ и вашему семейству силы перенести постигшее васъ тяжелое горе. *Владиміровъ, Косминскій, Бржезинскій, Мысловскій, Шимановскій, Любарскій, Тимашевъ, Варанъ, Вутовигъ, Заустинскій, Шванко, Булашевъ*.

Варшава, 14 декабря. Опечаленные грустною вѣстью о смерти незабвеннаго Антона Семеновича Будиловича, идейнаго борца за русско-славянское дѣло, шлемъ наше искреннее соболѣзнованіе семьѣ и редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. *Драгомиреуцкій, Климъ, Кургинскій, Лорошко*.

Львовъ, 30 (17) декабря. Сердечное соболѣзнованіе по поводу кончины ревностнаго защитника Галицкой Руси

Антон Семеновича шлетъ „Галицко-Русская Матица“ во Львовѣ.

Вѣна, 30 (17) декабря. Вѣчная память вѣчному другу Червонной Руси. *Депутатъ Марковъ.*

Казань, 20 декабря. Не откажите передать вдовѣ и дѣтямъ покойнаго Антона Семеновича Будиловича, что учительская инородческая семинарія въ Казани и школа при ней глубоко скорбятъ о почившемъ и усердно молятся сегодня объ упокоеніи души его. *Директоръ Воскресенскій.*

Вологда, 20 декабря. Съ горькимъ сожалѣніемъ узналъ о преждевременной кончинѣ достойнѣйшаго редактора-издателя *Московскихъ Вѣдомостей* Антона Семеновича Будиловича; недолго, къ сожалѣнію, стоялъ почивнѣй во главѣ уважаемаго московскаго органа, но съ достоинствомъ продолжалъ онъ великое и славное дѣло своихъ знаменитыхъ предшественниковъ М. Н. Каткова и В. А. Грингмута.

Попрежнему *Московскія Вѣдомости* влекли къ себѣ сотрудниковъ и читателей, поднимая и выясняя всѣ важныя государственныя русскіе вопросы, разрабатывая ихъ въ мельчайшихъ деталяхъ, строго придерживаясь вѣковаго монархическо-патріотическаго направленія, служа великую службу нашей необъятной родинѣ.

Поддерживать такое направленіе есть великая заслуга почившаго редактора!

Горячо сочувствую уважаемой семьѣ почившаго, понесшей такую тяжелую утрату. *М. Т. Рыбгевскій.*

Софія, 20 декабря. Славянское Общество въ Болгаріи оплакиваетъ кончину своего почетнаго члена, высокозаслуженнаго слависта Антона Семеновича Будиловича и высказываетъ его семьѣ глубочайшее соболѣзнованіе. *Предстатель Бобгевъ.*

**Слово при погребеніи Антона Семеновича Будило-
вича, сказанное архіепископомъ Антоніемъ Волын-
скимъ 15 дек. 1908 г. (изложенное сокращенно).**

*„Никто же себѣ живетъ и
никто же себѣ умираетъ. Аще
бо живемъ, Господеви живемъ; аще
ли умираемъ, Господеви умираемъ;
тѣмъ же, аще ли живемъ, аще ли
умираемъ, Господни есмь“.*

Эти слова писалъ своимъ ученикамъ св. Апостоль Павель въ то время, когда христіане дѣйствительно жили не для себя, а для Бога. Нося на себѣ смертный приговоръ земныхъ властей за одно то, что они принадлежали къ запрещенному законами обществу проповѣдниковъ Распятаго, они самымъ пребываніемъ своимъ въ христіанствѣ доказывали, что живутъ не для себя.

Настали теперь другія времена, особенно въ эти три-четыре послѣдніе года русской жизни, — какъ нынѣ трудно стало найти человѣка, который жилъ бы не для себя, не для цѣлей себялюбивыхъ, честолюбивыхъ или корыстолюбивыхъ, а для цѣлей вѣчныхъ и святыхъ, для Бога и для исполненія Его святой воли. Гдѣ теперь они, такіе люди, которые славы Божіей искали бы — либо въ подвигахъ воздержанія и милосердія, либо въ наукѣ, либо въ дѣятельности общественной, — славы Божіей, а не своей корысти? Еще недавно было ихъ у насъ не мало, а теперь найти такого человѣка, найти человѣка, вполне достойнаго такого

названія, очень трудно: теперь снова, какъ древнему фило-софу, приходится среди дня съ фонаремъ искать, не найдется ли гдѣ „человѣкъ“, а не двуногій европейскій звѣрь, ничего не понимающій, кромѣ своей личной выгоды.

Вотъ однимъ изъ тѣхъ оставшихся еще человѣковъ среди нравственно разложившагося русскаго общества былъ усопшій профессоръ и писатель Антонъ Семеновичъ Будилевичъ, котораго бездыханное тѣло, сраженное чрезмѣрными трудами, предлежитъ намъ здѣсь во святомъ храмѣ.

Не для себя онъ жилъ. Онъ жилъ во славу Божию для русскаго народа; жилъ онъ и трудился для этого народа не около „ликующихъ, праздноболтающихъ, омывающихъ руки въ крови“, трудился не въ бесполезной и лице-мѣрной говорильнѣ, гдѣ люди, прикрываясь попеченіемъ о народѣ, созидаютъ только личное свое благополучіе. Нѣтъ, онъ видѣлъ, онъ зналъ, онъ глубоко чувствовалъ дѣйстви-тельные, вѣковѣчныя нужды нашего народа, нужды самыя высшія, нравственныя, вѣроисповѣдныя. Онъ понималъ, что народъ нашъ это не сто милліоновъ желудковъ, но огромная сознательная семья, что это не раса даже, а прежде всего общество *вѣроисповѣдное*, живущее не о еди-номъ хлѣбѣ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Подъ русскимъ пародомъ онъ справедливо разу-мѣлъ не только тѣхъ сыновъ его, которые пребываютъ внутри границъ нашего государства, но и тѣхъ, которые поущеніемъ Божиимъ остались подъ игомъ иновѣрныхъ иноземцевъ, которыхъ въ большинствѣ ихъ обманомъ и на-силіемъ вовлекли въ еретическую унію. Ихъ-то болѣе всѣхъ жалѣлъ и любилъ усопшій русскій дѣятель, — ихъ, нашихъ единокровныхъ и по душѣ единовѣрныхъ братій, которые въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій тщетно про-стираютъ свои руки къ великой Россійской державѣ, Рос-сійской Церкви, прося принять ихъ обездоленныхъ и обма-нутыхъ въ ея материнскія нѣдра, пока чуждая еретическая, вѣрнѣе — языческая, западная жизнь, западная культура

не успѣла вытравить изъ нихъ тѣ возвышенныя стремленія духа къ небу, къ подвигу, къ совершенству, или свойства духа и быта, которыя хранятся только у послѣдователей, какъ принято говорить, православнаго или „восточнаго обряда“, вмѣщающаго, въ себя всю полноту евангельскаго ученія, возводящаго богомольцевъ въ Божій рай или низводящаго небесный рай въ смиренный сельскій храмъ, въ будущую жизнь его прихожанъ.

Почти одинокъ былъ нашъ ученый подвижникъ и учитель въ дѣлѣ ознакомленія Россіи съ Буковиной и Галиціей, въ дѣлѣ нравственной, умственной и матеріальной поддержки жителей этихъ оторванныхъ предѣловъ нашихъ. Увы, наше общество, пошедшее на поводу жидовъ и нигилистовъ въ революціонное болото, готово отречься и отъ самой своей Россіи, а объ этихъ забытыхъ братьяхъ нашихъ оно и раньше почти не знало, а теперь и знать не хочетъ; оно гораздо болѣе знаетъ и интересуется Англіей и Франціей, Парижемъ и Ниццей, и Монте-Карло, и Бадень-Баденомъ, чѣмъ тѣми древнѣйшими удѣлами Равноапостольнаго Владиміра и Данила Романовича, откуда несутся вопли нравственно и матеріально утопающихъ нашихъ братій.

Но кому теперь нужны въ нашемъ обществѣ радѣтели родины, вѣры, народности? Кому нужны теперь безкорыстные идеальные ученые труженики, кому нужна теперь наука и высокая поэзія? Выгоды, страсти плотскія, продажный развратъ всѣхъ видовъ и ложь, ложь безъ конца на трибунахъ, въ печати, на профессорской кафедрѣ, — вотъ чѣмъ питается наша гніющая жизнь. Исполнилось апостольское слово, что люди „отъ истины отвратятъ слухъ свой и обратятся къ баснямъ“. Въ этомъ смыслѣ усопшій дѣятель науки и общества и всѣ подобные ему дѣятели стали „лишними людьми“, потому что общество наше стало недостойно ихъ, сдѣлавшись окончательно чуждымъ своей Церкви и своему народу. — Вотъ почему, обрекая себя заранѣе на непонятость окружающему обществу, нашъ

усопшіи, исполняя внѣшнія обязанности свои по своему общественному положенію, и обращаясь среди людей, имѣлъ взоръ, устремленный мимо собесѣдника куда-то вдаль, либо напротивъ, — имѣлъ видъ человѣка, сосредоточеннаго въ себѣ, живущаго своимъ внутреннимъ міромъ и не отдающагося предмету своей бесѣды. Да, его душа была не здѣсь, не въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ, который такъ и не сумѣлъ воспользоваться его огромными познаніями и высокими качествами духа, — но тамъ, въ дорогой Галиціи и Буковинѣ, или тамъ, въ исторіи нашего славнаго прошлаго, когда русскіе были русскими, а не нѣмцами, говорящими на русскомъ языкѣ, когда любили, и трудились, и молились, и умирали за истину, а не лгали и лицемерили.

Не только русскій Западъ, но и Востокъ русскій, русьющіе инородцы были предметомъ исполненнаго любви изученія усопшаго, который съ великимъ тщаніемъ взялъ на себя порученіе начальства посѣтить сельскія школы нашихъ заволжскихъ инородцевъ и сказать свое вѣское слово объ ихъ духовныхъ нуждахъ. Да, онъ быстро осваивался съ интересами дѣйствительно народными, не выдуманнами, но вопіющими; онъ прислушивался къ *дыханію родной земли нашей* и понималъ ее, понималъ то, о чемъ и слушать не хотятъ наши передовые дѣятели, онъ зналъ, что русскую жизнь надо возрождать и улучшать на началахъ святого Православія, что за этими началами и нашъ, и заграничный русскій народъ пойдетъ дружно и чрезъ нихъ обрящетъ и святую добродѣтель, и даже внѣшнія условія своего быта облагородить, обезопасить, обогатить, какъ это мы и видимъ въ народныхъ большихъ монастыряхъ, которые, со времени принятія христіанства нашими предками, сдѣлались для нашего народа училищами общественности во всѣхъ отношеніяхъ.

Не оцѣнила такого мыслителя и дѣятеля наша пошлая современность: онъ умеръ въ скромномъ званіи редактора

Московскихъ Вѣдомостей, не успѣвъ еще сдѣлать ихъ органомъ стараго православнаго панславизма. Но его оцѣнить наука, его оцѣнить нана будущность, если Россіи суждено возродиться къ разумной самостоятельной жизни, а не сгнбнуть окончательно въ рукахъ еврейскихъ и еврействующихъ нигилистовъ. Тогда вспомнятъ такихъ именно *безкорыстно убѣжденныхъ* дѣятелей и будутъ учиться изъ ихъ сочиненій. Да вѣдаютъ же это всѣ его единомышленники, собравшіеся сюда въ полномъ, хотя и очень малочисленномъ, своемъ составѣ на заупокойную молитву. Не бойся же, малое стадо, ибо тебѣ, тебѣ и никому болѣе, завѣщано для возрожденія православное русское царство, если только оно не присуждено за грѣхи свои къ конечной гибели. Нѣтъ другихъ словъ, нѣтъ другихъ началъ для воззванія къ жизни нашего развращеннаго общества и нашего закордоннаго поработеннаго народа, какъ тѣ слова, тѣ вѣрованія, тѣ научныя убѣжденія, которыя соединяютъ васъ во-едино около памятниковъ нашихъ великихъ русскихъ людей — Хомякова, Аксакова, Самаринныхъ, Кирѣевскихъ, Гильѣрдинга, Достоевскаго и около гроба новопреставленнаго Антонія Будиловича.

Не прославили его современники, не получилъ онъ на землѣ полного успѣха своему дѣлу и самому себѣ, но уповаемъ, что получить его тамъ, гдѣ производится непогрѣшимая оцѣнка всѣхъ успѣховъ. Мы знаемъ, что не скажетъ о немъ Судія нелицепріятный: „Онъ воспріялъ уже мзду свою“, но мы молимся, чтобы сказалъ ему Господь, и уповаемъ, что дѣйствительно скажетъ: „Онъ подвижался предъ Отцомъ Небеснымъ въ безвѣстности и въ тайнѣ, да будетъ же благое воздаяніе ему явно. *Добрый рабе, благий и вѣрный, о малъ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего*“. Аминь.

Памяти А. С. Будиловича.

Угасъ еще одинъ изъ немногихъ свѣтильниковъ, горѣвшихъ чистымъ и яснымъ свѣтомъ любви и преданности завѣтамъ своихъ предковъ, незабвенный *Антонъ Семеновичъ Будиловичъ*, унесшій съ собою въ могилу поэтическую красоту своей души, чуткой и отзывчивой на все истинно-честное, истинно-доброе . . .

Въ немъ не было специфическаго отцвѣта, наступающаго въ старческой *періодъ усталости и переутомленія силъ* . . . Онъ, какъ ратникъ на полѣ брани, шелъ смѣло поступью впередъ, не сгибая спины, уклоняясь, по свойственному ему смиренію, отъ высокихъ постовъ начальствованія и властвованія надъ другими . . . Онъ до смерти своей былъ юнъ душою и сердцемъ, простъ — какъ проста и свята всякая истина! Зажженная Богомъ въ тайникахъ души его искра горячей любви къ родинѣ — даже по смерти — такъ и свѣтитъ предъ очами всѣхъ близко знавшихъ его . . . Крѣпостію своихъ душевныхъ силъ онъ воплотилъ и олицетворилъ возможность и необходимость объединенія славянъ подъ державнымъ скипетромъ Россіи! Въ этомъ великая и главная заслуга его — какъ ученаго и просвѣщеннаго гражданина русской земли и общеславянской семьи . . .

О безвременно сошедшемъ въ могилу А. С. Будиловичѣ Провидѣніе Божіе судило мнѣ сказать прощальное слово не въ силу однихъ только традиціонныхъ воспоми-

нашій о немъ и пережитой имъ эпохѣ, а въ силу еще особенно близкихъ отношеній моихъ къ нему — какъ къ земляку.

Отношенія эти восходятъ къ концу шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ нихъ начинаются, перерывами повторяясь въ личныхъ свиданіяхъ и бесѣдахъ (напр. на археологическихъ сѣздахъ) и заканчиваясь послѣднимъ письмомъ его ко мнѣ, присланнымъ изъ Москвы, сейчасъ послѣ принятія имъ, по его словамъ, „тяжелой роли и отвѣтственности по редактированію *Московскихъ Вѣдомостей*“, прося откликаться, попрежнему, хоть изрѣдка „живымъ словомъ неподкупной правды изъ родного (ему и мнѣ) края“ . . .

Мало того: Богъ судилъ мнѣ быть преемникомъ по священству родного дѣда его (имя котораго онъ воспріялъ къ купели св. крещенія) *о. Антонія Будиловича* въ Щитникахъ (съ 1885 по 1894 годъ), а затѣмъ блаженной памяти родителя его въ Каменцѣ-Литовскомъ (съ 1894 по 1905 г.). Родная ему и мнѣ земля, родные края, родные храмы, родной народъ — все въ совокупности ставитъ каждого изъ насъ, лицомъ къ лицу, предъ тѣми *живыми людьми*, которые, какъ и онъ, умерли тѣломъ, но никогда не умрутъ своимъ безсмертнымъ духомъ и всегда будутъ жить въ памяти народа; изъ духовной среды онъ народился, жилъ, самъ учился и другихъ училъ, мощный богатырь западно-русской земли, прахомъ почившій въ Сѣверной Пальмирѣ среди надгробныхъ памятниковъ, вѣщающихъ о тѣхъ, которые жили для Россіи, а теперь ихъ нѣтъ . . .

Невольно вспоминаются незабвенныя слова поэта; „Не говори, что ихъ нѣтъ“ . . . Да — ихъ нѣтъ; но они *жили и будутъ жить вѣчно* въ благодарной памяти своихъ потомковъ.

Пусть же легка будетъ тебѣ, дорогой и незабвенный Антонъ Семеновичъ, могила — какъ легка и мила была сердцу нашему твоя бесѣда при земномъ твоёмъ странствованіи по славянскимъ землямъ — не исключая твоихъ на-

ученыхъ трудовъ и бодрствованія на стражѣ въ той области тевтоно-ливонскихъ рыцарей, откуда они въ былыя времена производили свои вражескіе набѣги на сосѣднюю Литву, Жмудь и Бѣлороссію, распространяя здѣсь христіанство огнемъ и мечомъ, а въ бытность твою ректоромъ Юрьевскаго Университета окружающіе тебя зоилы, подъ тѣмъ же *quasi* - національнымъ флагомъ, совершали свои *демонстративныя вылазки противъ всего русскаго* . . . Замолкъ нынѣ твой голосъ; но и изъ могилы онъ начертаетъ исконнымъ врагамъ Россіи ту пальмовую вѣточку, съ которою ты шелъ впередъ смѣло и безбоязненно до самаго преддверія вѣчности! . . .

Вѣчная же тебѣ память и покой въ селесіяхъ праведныхъ!

Священникъ Левъ Паевскій.

Миречь, Виленской губерніи.

Изъ Гродненской губерніи. Какъ скоро не стало незабвеннаго для насъ и дорогаго Антона Семеновича Будиловича.

Не прошло еще и года кропотливаго редакторскаго труда, какъ уже выпало опытное перо изъ рукъ Антона Семеновича. Какъ грустно! Какъ тоскливо становится на душѣ при этой мысли!

Глубоко вѣря въ свѣтлое и великое будущее Россіи, вселяя эту вѣру и въ другихъ, будя въ сердцахъ всѣхъ славянскихъ племенъ идею возрожденія солидарности и единства на общихъ Кирилло-Мееодіевскихъ началахъ, незабвенный почившій редакторъ стяжалъ себѣ этимъ неувядаемый вѣнокъ на свою могилу.

Русскій народъ и его лѣтописи не забудутъ Антона Семеновича, какъ великаго, честнаго и неустрашимаго борца за историческія русскія начала, какъ вѣрнаго своего работника не только въ дни мира, но въ особенности въ злополучные дни „освобожденства“. Не забудетъ его любимая имъ св. Русь! Будетъ гордиться имъ, какъ добрымъ сыномъ своимъ.

Но этой гордостью преисполняются въ особенности сердца православно-русскихъ людей Гродненской губерніи, давшей въ лицѣ почившаго такого славнаго русскаго ученаго.

Изъ родной для тебя Гродненской губерніи шлемъ тебѣ, дорогой Антонъ Семеновичъ, поклонъ до сырой земли съ молитвою на устахъ — да успокоитъ Праведный Судія твою добрую и вѣрующую душу въ свѣтлыхъ своихъ обителяхъ.

Миръ праху твоему! Да будетъ память о тебѣ священна навсегда!

Священникъ Михаилъ Романовскій.

Памяти А. С. Будиловича.

Угасъ славянства вѣрный другъ,
 Всю жизнь ему служившій свято . . .
 И удрученъ славянскій духъ
 Той скорбью, тяжкою утратой . . .
 Душой и сердцемъ славянинъ,
 Хранилъ любви онъ братской пламя,
 Отъ юныхъ лѣтъ и до сѣдинъ
 Держалъ Славянское онъ знамя.
 Служилъ наукѣ Русской онъ,
 Какъ и Славянству, честно, вѣрно . . .
 И модныхъ фразъ красивый звонъ
 Своею ложью лицемѣрной

Его души не соблазнялъ
На ложный путь политиканства . . .
Въ немъ жилъ одинъ лишь идеаль:
Христосъ, Россія и Славянство . . .
Постигъ онъ чуткою душой
Славянскихъ братьевъ всѣхъ мученья
И отъ неволи вѣковой
Стоялъ за ихъ освобожденье . . .
Лелѣялъ онъ въ душѣ своей
Мечты высокія, святыя,
Въ которыхъ былъ всего святѣй
Союзъ славянства и Россіи . . .
Любилъ славянскій міръ его
За правды безкорыстной слово,
Какъ брата, друга своего,
Всему Славянству дорогого.
Скорбитъ славянскій весь народъ . . .
Молитва братская святая
Съ Балканскихъ слышится высотъ,
Съ Карпатскихъ горъ, съ береговъ Дуная, —
О немъ, — кто отдалъ жизни трудъ
Всему славянству на служенье,
О немъ, чьи долго не умрутъ
Въ славянскихъ помыслахъ творенья, —
Чей духъ среди тягостныхъ годинъ
Духъ одобрять славянскій будетъ.
Спи съ миромъ, честный славянинъ!
Тебя Славянство не забудеть.

Василій Ивановъ.

Тяжело терять такихъ людей, какимъ былъ почившій Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, и при томъ столь неожиданно и преждевременно . . . Но умирають люди, а дѣла ихъ остаются. Имя Антона Семеновича сохранится надолго. Не забудетъ его родина, которую онъ любилъ чистою, благородною любовью. Долго будетъ его помнить и чтить наша Прибалтійская окраина, для которой онъ, вѣрный сынъ Россіи, такъ много и безкорыстно работаль.

Спи же мирнымъ сномъ, дорогой другъ, до общаго для всѣхъ насъ, еще несущихъ свой крестъ на землѣ, пробужденія . . . Прости! Прощай!

Печатные труды А. С. Будиловича:

Каменецкая вежа (съ рисункомъ). Изъ письма къ проф. И. И. Срезневскому, отъ 2 авг. 1864 года. Въ книгѣ И. И. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“. I—XL. СПБ. 1867, стр. 5—10. — Характеръ, цѣли и результаты Славянскаго съѣзда. I—IV. „Голосъ“, 1867, №№ 161, 163, 165, 166. — Къ ирѣзду нашихъ славянскихъ гостей. I—III. „Голосъ“, 1867, №№ 121, 123, 131. — Славянская библиографія за 1868 годъ (рецензіи на книги: Дѣдицкаго, Сасинека, Месича, Любича, Богишича, Кукулевича-Сакцинскаго, Вильбасова, Ami Voué и др.) Журн. М. Н. Пр. 1869 г. Ч. 143, июнь, отд. II, стр. 416—436 и оттиски. — М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. Журн. М. Н. Пр. 1869, ч. 144, августъ, II, 272—333 и ч. 145, сентябрь, 48—106. Тоже отд. книгою. СПБ. 1869. Предисловіе и оглавленіе, I—VII. Предварительныя замѣчанія (1—18). А. Ученая дѣятельность Ломоносова по естествознанію 18—62. В. О филологическихъ трудахъ Ломоносова (62—120). Приложенія (1—72, здѣсь впервые напечатанныя). — Славянскія матицы и ученые дружества (библиограф. статья). „Журн. М. Н.

Пр.“ 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 459—475 и оттиски. — Пангерманизмъ и панславизмъ. „Биржевыя Вѣдомости“. 1870. № 360. — Вліяніе прусско-французской войны на правительства и народности Австро-Венгерской имперіи. „Голосъ“, 1870 г., № 299. — Сербія и сербы въ періодъ возрожденія. Критическая статья на книгу Нила Попова: „Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1896 по 1856 г.“ I и II М. 1869. „Заря“, 1870. I—VIII: августъ, 98—156 и октябрь, 143—206. — Не былъ ли православнымъ челоуѣкомъ Іеронимъ Пражскій (+ 30 мая 1416). „Христіанское Чтеніе“. 1870. Ч. I, № 4, 684—708 и оттискъ, 1—25. — Славянское обозрѣніе (положеніе западныхъ славянъ). „Голосъ“. 1870, № 320; 1871, №№ 12 и 41. — О современномъ положеніи словаковъ. „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Слав. Благовтор. Общества“. СПБ. 1883 г., стр. 66—67. — Славянская бібліографія. Журн. М. Н. Ир. 1871, ч. 157-я, октябрь, отд. II, стр. 352—378. — Въ книгѣ: „Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Н. В. Гербеля“ (СПБ. 1871), очерки: „Сербо-Хорватская литература“ (223—252). „Хорутанская литература“ (312—314), „Словацкая литература (305—308), „Польская литература (398—410), „Лужицкая литература (529—530). Статьи о Сербо-Хорватской и Польской литературахъ перепечатаны въ изданіи: „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Слав. бл. общества“. СПБ. 1883 г. стр. 133—143. — Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности ИМП. Академіи Наукъ“. Т. VIII, № 1. Предисловіе I—VII + 1—316, указатель личный и предметный 1—10, СПБ. 1872. Тоже отд. книгою. СПБ. 1871. I—VII + 1—316. — Изслѣдованіе языка древнеслав. перевода XIII словъ Григорія Богослова, по рукописи Имп. Академіи Наукъ XI вѣка. СПБ. 1871. — Чехія и Чехи, въ книгѣ: Чехія и Моравія (съ чешскаго). Съ картою. СПБ. 1871. I—VI + 1—180. — Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ, съ точки зрѣнія всеславянства. „Бесѣда“. 1871, VI, 146—164. — Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи (по поводу соч. проф. Е. Голубинскаго: „Краткій очеркъ исторіи церкви болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской“. М. 1872). Журн. М. Н. Ир. 1872, ч. 159, январь, отд. II, стр. 107—134. — Рецензія на трудъ Н. Некрасова: „Краледворская рукопись, въ двухъ транскрипціяхъ текста, съ предисловіемъ, словарями, примѣчаніями, приложеніями“. СПБ. 1872 Журн. М. Н. Ир. 1872, ч. 160, апрѣль, II, 295—301. — Мечта ли

панславизмъ? „Бесѣда“. 1872, январь, 195—215, и оттискъ, 1—21. — Путевыя замѣтки о долинь средняго и нижняго Дуная (Извлеченіе изъ отчета по ученой командировкѣ за границу). Журн. М. Н. Пр. 1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, 132—174. — О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ (Рѣчь, произн. въ СПБ. Отдѣлѣ Славян. Благ. Комитета 3 ноября 1874). „Славянскій Сборникъ“ 1675, т. I, стр. 585—604. Перепечатано въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Славян. Бл. Общества“. СПБ. 1883, стр. 273—282. — XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ, по рукописи ИМП. Публичной Библиотеки XI вѣка. Съ литограф. снимками. Критико-палеографическій трудъ. СПБ. 1875. XIV+285. Изданіе ИМП. Академіи Наукъ. — Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехи, Моравіи и Австрійской Силезіи за послѣдніе годы. „Славянскій Сборникъ“. 1875. Т. I, 205—317 и отд. оттискъ, 1—113. — Статистическія таблицы распредѣленія славянъ: а) по государствамъ и народностямъ и б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ), съ объяснительною запискою. СПБ. 1875, стр. 1—23. Перепечатано: въ кн.; „Славянскій Ежегодникъ“ на 1876 годъ. Вып. I. Кіевъ. 1876. Стр. 137—139; Вятскія Еп. Вѣд. 1876, № 21, стр. 602—604. — Очеркъ современнаго положенія Черной Горы. „Протоколы засѣданій СПБ. Славянскаго Бл. Общества“. 1875. № 5, стр. 35—45; перепечатано въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Славянскаго Бл. Общества“. СПБ. 1883, стр. 311—315, и въ изданіи: „Славянскій Ежегодникъ“ (сборникъ статей по славяновѣдѣнію). Вып. I. Кіевъ. 1876, стр. 172—181. — О причинахъ различія боевыхъ качествъ черногорцевъ и сербовъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 1876, № 328. — По вопросу объ автономіи славянскихъ областей Европейской Турціи. „Гражданинъ“. 1876, № 41—42. — О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени. Славянскій Сборникъ“. СПБ. 1877, т. II, отд. III, 1—15, и оттискъ, а также въ книгѣ: „Первыя 15 лѣтъ Славянск. Благ. Общества“. СПБ. 1883. Стр. 324—331. — Нѣсколько замѣчаній объ изученіи Славянскаго міра. „Славянскій Сборникъ“. 1877. Т. II, I—VII, 1—54 и отд. оттискъ. — Письма Челяковскаго. „Славянскій Ежегодникъ“ (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію). 1878. Вып. III, 285—295. — Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія (изъ „Извѣстій Историко-Филолог. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г., т. I, 103—208). Также отд. оттискъ. Кіевъ. 1877. Стр. 1—106. — Чехи и Австро-Венгрія. С.-Петербургскія

Вѣдомости. 1877 г. № 291. — Пора ли мириться съ турками. „Гражданинъ“. 1877, № 34—35. — О значеніи для Черногоріи порта на Адриатическомъ морѣ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 1877, № 57. — Очерки изъ сербской исторіи. I—III. (I, Паденіе сербскаго царства, II, Возстановленіе сербскаго государства, III, О взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ Русскаго и Сербскаго). „Славянскій Сборникъ“. 1877. Т. II. 290—345. — Первобытные славяне, въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. „Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1878—1879 годы и отд. книга. Часть I, Кіевъ. 1878. Посвященіе I—II, Введеніе, I—XXII 1—265. Выпускъ второй. Кіевъ. 1879. Стр. 165—408. I—XII. Часть II, выпускъ первый. 1882 г. стр. 1—153. — Рецензія на книгу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича: „Исторія славянскихъ литературъ“. Изданіе 2-ое. СПб. 1879. Томъ I. Журн. М. Н. Пр. 1879, ч. 203, іюнь, II, стр. 277—311. — Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ Хорватской исторіи. (Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Института кн. Безбородко, 30 августа 1878). Кіевъ. 1879, стр. 1—12. Изъ „Извѣстій“ того же Института. Т. IV. — Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о Пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ (Sanctus Adalbertus † 997). „Холмско-Варшавскій Еп. Вѣстникъ“ 1879 и 1880 г. г. и отд. оттискъ. Варшава, 1880, стр. 1—195. — О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ. Холмско-Варшавскій Вѣстникъ“ 1879 г., № 10 и отд. оттискъ. Перепечатано въ „Волынскихъ Епарх. Вѣд.“ 1879 г. № 16. — О славянскихъ добровольцахъ въ Россіи. Письмо въ редакцію. „Берегъ“. 1880. № 70. — Два слова объ отношеніяхъ Пушкина къ литературамъ южныхъ и западныхъ славянъ. „Московскія Вѣдомости“. 1880. № 158 (за 9 іюня). — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ моимъ рецензентамъ, „Русскій Филолог. Вѣстникъ“. 1880 г., № 2. стр. 295—309, и оттискъ, стр. 1—15. — Вступительная лекція, читанная въ Имп. Варшавскомъ университетѣ 10 сент. 1881 г.: „О значеніи церковно-славянскаго и русскаго языковъ и исторіи русской литературы въ системѣ историко-филологическихъ наукъ вообще и русско-славянскихъ въ частности“. „Русь“ И. Н. Аксакова. М. 1881 г., № 17 и оттискъ. — Отрывокъ изъ Червонорусской Мартирологіи (По поводу Львовскаго политическаго процесса объ Ад. И. Добрянскомъ, Ольгѣ Ад. Грабарь и др.). „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 1882 г. №№ 231, 232 и 234. — О пре-

подаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. Въ 1882, № 1, педаг. отд., 1—12, и оттискъ, 1—12. — Варшавскій листокъ изъ церковно-славянскаго евангелія русскаго письма XI—XII вѣка. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. 1882, № 2, стр. 177—189. — В. В. Макушевъ († 2 марта 1883). Некрологъ. Журн. М. Н. Пр. 1883, ч. 226, аир., IV, 76—83. — Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883. I—XIII + 1—349. — Рецензія на книгу Н. Засадкевича: Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса. 1883. Журн. М. Н. Пр. 1883, ч. 228, поль, отд. II, стр. 144—151. — Иеронимъ Каваньинъ, полузабытый стародалматинскій панславистъ начала XVIII в. Въ „Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленномъ и изданномъ учениками В. И. Ламанскаго по поводу 25 л. его ученой и профессорской дѣятельности“. СПб. 1883. Стр. 156—178 и отд. оттискъ. — Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній (одобренъ Учен. Комитетомъ М. Н. Пр., какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій). Варшава. 1883. Стр. 1—93. — Нѣсколько словъ о сочиненіи г. Владимира Качановскаго: „Неизданный Дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевиць“ (СПБ. 1882) и о прибавленіи къ нему: „Образцы дубровницкаго языка и письма, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру“ (1882 г.). „Русскій Филолог. Вѣстникъ“. 1883 г., № 2, стр. 321—346, и оттискъ стр. 1—26. — Памяти В. А. Мацѣвскаго. „Нов. Вр.“ 1883 г., № 2497. — Надгробное слово Викентію Васильевичу Макушеву († 2 марта 1883. „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1833 г. № 1, 156—159, и въ оттискъ: „Поминки по проф. В. В. Макушевѣ“ В. 1883, стр. 20—23. — Замѣтка о празднованіи тысячелѣтія со дня кончины Св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго. „Варшавскій Дневникъ“. 1884, № 261 и оттискъ, 1—10. Перепечатано: въ „Литовскихъ Е. Вѣд.“ 1884, № 51, 442—445 (отд. оттискъ, стр. 1—13) и въ „Извѣстіяхъ Слав. Благ. Общ.“ 1884, № 12, стр. 34—38. Тоже въ нѣмецкомъ переводѣ: Die Kyrill- und Method-Feier. Въ журналѣ „Parlamentär“. Wien. 1885, № 2 и 3. — Отчетъ о занятіяхъ въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью въ іюль и августъ 1883 г. (обзоръ важнѣйшихъ явленій германистики за послѣдніе годы). „Варшавскія Унив. Извѣстія“. В. 1884. № 5, стр. 1—24, и оттискъ. — Рецензія на книгу: „Географическій Словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилегающихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географич. карты“. Вильна.

1884, „Журн. М. Н. Пр.“ 1884 г. ч. 234, августъ, II, 298—312 и оттискъ. — Нѣсколько замѣчаній на публичную лекцію проф. Н. И. Карѣева о духѣ русской науки. „Варшавскій Дневникъ“. 1884, № 252. — Рецензія на книгу В. Ягича: „Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями“. СПБ. 1883. Журн. М. Н. Пр. 1884, ч. 232, мартъ, II, 152—169. — Новыя данныя для исторіи Восточнаго вопроса. По поводу книги проф. В. И. Ламанскаго: *Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle. Par Vladimir Lamansky. S. Petersbourg 1884.* „Журн. М. Н. Пр.“ 1885., ч. 237, февраль, отд. II (I—XI) стр. 316—348; ч. 238, апрѣль (XII—XIV), 285—299; ч. 239, май (XV—XVI), 147—166; июнь (XVII—XXVI), 238—280. — Рецензія на Историко-географическое и этнографическое изслѣдованіе А. Θ. Риттиха: „Славянскій міръ“. В. 1885. Журн. М. Н. Пр. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 52—71. — Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. В. 1885. I—IX, 1—117. Отд. оттискъ изъ книги: „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Имп. Варшавскимъ Университетомъ къ 6 апр. 1885, подъ редакціею орд. проф. А. С. Будиловича“. В. 1895. Стр. 1—117. — Рѣчь о славянскихъ первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, произнесенная на юбилейномъ актѣ ИМП. Варш. университета 6 апр. 1885 года. В. 1885. Стр. 1—22. — Добровскій и Копитаръ (По поводу изданія И. В. Ягича: „Источники для исторіи славянской филологіи. Т. I, письма Добровскаго и Копитара“. СПБ. 1885). Журн. М. Н. Пр. 1886, ч. 245, июнь, II, 397—414. — Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства, со включеніемъ червонорусскихъ, въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ. СПБ. 1886. Предисловіе, I—II+1—120+Алф. указатель, 1—23. — Рецензія на кн. Θ. Вержбовскаго: „Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія“. „Рус. Филологич. Вѣстникъ.“ 1886, кн. II, 395—404. — Историко-политическія замѣтки по вопросамъ Болгарскому и Эльзасъ-Лотарингскому. Варшава 1887, стр. 1—33. — Рѣчь по поводу празднованія 50 лѣтняго юбилея Варшавск. каѳедральнаго собора. „Холмско-Варш. Еп. Вѣстн.“ 1887, № 15, стр. 345. — Рецензія на сочиненіе И. И. Малышевскаго: „Святые Кириллѣ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. Кіевъ. 1886, Журн. М. Н. Пр. 1887, ч. 251, июнь, отд. II, стр. 373—385. — А. С. Пушкинъ въ исторіи большихъ литературныхъ языковъ. (Рѣчь на Пушкинскомъ актѣ ИМП. Варшавскаго университета 1 февраля 1887). „Извѣстія СПБ. Славянскаго Бл. Общества“. 1887,

апрѣль, № 4, стр. 205—209. — Рѣчь, произнесенная въ г. Холмѣ 8 сент. 1887 года: О значеніи церковной уіи“. „Варшавскій Дневникъ“. 1887, № 200 и оттискъ. — Рецензія на книгу: Gr. Krek. Einleitung in die Slav.-Literaturgeschichte. Graz. 1887. „Русскій Филолог. Вѣст.“, 1887, № 2, стр. 409—415. — Микрофонологія въ примѣненіи къ русской грамматикѣ. Рецензія на книгу В. А. Богородицкаго: „Курсъ грамматики русскаго языка“. Ч. I. Фонетика. В. 1887. Журн. М. Н. Пр. 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 194—210. — Отчетъ по разсмотрѣнію письменныхъ работъ учениковъ средне-учебныхъ заведеній Варш. уч. округа. Приложение къ циркуляру 1888 года. „Протоколь засѣданія совѣта попечителя Варш. уч. округа“. 10 іюня 1888 года. Стр. 15—19. — Къ вопросу объ общемъ языкѣ славянъ.“ Варшавскій Дневникъ“. 1888, № 167. — Привѣтственная рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ ИМП. Варшавскаго университета 30 авг. 1889 года“. Варшавскія университетскія Извѣстія“ 1889, № 6, стр. 1—4. — Рецензія на книгу: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ.“ Составилъ А. Потебня. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1889. Журн. М. Н. Пр. 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 206—210. — Въ какомъ видѣ возможно и желательно сближеніе славянъ на почвѣ общаго языка? „Варш. Дневникъ“ 1889. — Рецензія на книгу Н. Некрасова: Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ церковно-славянскаго языка“. СПб. 1889. Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1889, стр. 145—164. — По поводу празднованія 500-лѣтія битвы на Косовомъ полѣ. „Варшавскій Дневникъ“, 1889, № 132. — Рецензія на книгу Е. В. Барсова: „Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“. Т. III. Лексикологія Слова А — М. Москва. 1890. Журн. М. Н. Пр. 1890 г. ч. ССLXIX отд. II, стр. 172—187. — О значеніи національнаго вопроса въ современныхъ отношеніяхъ Европы. „Варшавскій Дневникъ“. 1890. — Кн. Бисмаркъ и его политика по отношенію къ Россіи. „Варшавскій Дневникъ“. 1890. — О русскомъ произношеніи (по поводу соч.: „Études sur la prononciation Russe. Par S. A. Lundell. Upsala“, 1890). „Русск. Фил. Вѣст.“ 1891, т. XXV, № I. II. 1—7. — Къ предстоящему тысячелѣтію со дня смерти патрiарха Фотія (6 февраля 1891). „Русскій филологическій Вѣстникъ“ 1890, № IV, стр. 257—269 и отд. оттискъ. В. 1890, стр. 1—12. Къ этой статьѣ: „Поправки“, въ Рус. Фил. Вѣстн. 1891 г. т. XXV, № I. — Моравская діалектологія. Отзывъ о трудахъ Франца Бартоша (по поводу перваго присужденія преміи проф. Котляревскаго). „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словености

ИМП. Академіи Наукъ“. Т. 51-ый, 1890. стр. 17—24; тоже въ Приложеніи къ Отчету ПМП. Ак. Н. за 1889 годъ“ и Записки ИМП. Ак. Н.“ 1890. Т. 63, кн. I, 66—73, и оттискъ. СПБ. 1890. Стр. 1—8. — Лондонскій конгрессъ мира и отношеніе Россіи къ вопросу о разоруженіи. „Варшавскій Дневникъ“. 1890, № 154. — Рецензія на книгу И. В. Помяловскаго; „Житіе св. Саввы Освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ, въ древнерусскомъ переводѣ“. Рус. Фил. Вѣстн. 1891 г. т. XXV, № I, стр. 142—150. — На поминкахъ по Іоаннѣ Наумовичѣ. „Первыя 15 лѣтъ существованія СПБ. Славянскаго Благотворит. Общества“. СПБ. 1891, стр. 446—448. — Рецензія на сочиненія проф. П. В. Владимірова: А, „Житіе св. Алексѣя, человѣка Божія“ и Б, „Докторъ Фр. Скоруина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“. СПБ. 1888. „Отчетъ о 32-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. СПБ. 1891, стр. 22—38. Приложение къ LXIX т. „Запис. ИМП. А. Н.“ СПБ. 1892 г. — Славянское Обзорѣніе. Ежемѣсячный журпаль. 1892. Редакторъ-издатель проф. А. С. Будиловичъ. Написанныя имъ въ журналѣ статьи отмѣчены въ подлежащихъ мѣстахъ указателя. Редактору же принадлежит „Лѣтопись“, веденная въ журналѣ. — Къ читателю. I—XVIII. Обращеніе редактора журнала „Славянское Обзорѣніе“ къ „читателю“. „Слав. Обзорѣніе“. 1892, январь, 1—18. — Іоаннъ Амосъ Коменскій (1592—1670 г.). „Славянское Обзорѣніе“, 1892, кн. II, 173—187. — Дидактика І. А. Коменскаго, въ ея отношеніяхъ къ Славянской школѣ нашего времени. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, кн. III, 329—350 и оттискъ. — Александръ Афанасьевичъ Потебня († 20 дек. 1891, въ Харьковѣ). Некрологъ, „Славянское Обзорѣніе“. 1892, январь, 80—88. — Осипъ Осиповичъ Первоульфъ († 21 дек. 1891 въ Варшавѣ) Некрологъ. „Слав. Обзорѣніе“, 1892, январь, 89—91. — Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ западническомъ освѣщеніи. „Славянское Обзорѣніе.“ 1892, кн. V и VI, 45—65, и оттискъ. — Червонорусская эмиграція. „Славянское Обзорѣніе“, 1892, кн. IX, стр. 15—34 и оттискъ. — По поводу девяностой годовщины ИМП. Дерптскаго университета (изъ рѣчи, произнесенной 12 дек. 1892 на актѣ ун-та). „Славянское Обзорѣніе“, 1892, кн. XI и XII, стр. 451—455. — Процессъ С. І. Гурбана-Ваянскаго. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, ноябрь — декабрь, 564—565. — Отвѣтъ Всеволоду Крестовскому. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, ноябрь — декабрь, 566. — Рецензія на книги: В. З. Завитневича: „Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности.“ Кіевъ. 1891 и Вл. Соловьева: „Національный вопросъ въ Россіи“. Вып. 1—2.

СПБ. 1891 г. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, янв. 121—122. — Рецензія на книгу Бендерова: „Сербско-Болгарская война 1885 года.“ СПБ. 1892. „Слав. Обзорѣніе“. 1892, январь, 122—123. — Рецензія на книгу: „Das Fürstenthum Bulgarien, v. Konst. Jrešek, Wien 1891. Слав. Обзорѣніе“. 1892, январь, 124. — Рецензія на книгу: „Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ ИМП. Академіи Наукъ. Вып. I, СПБ. 1891. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, кн. II, стр. 238—242. — Рецензія на книгу В. В. Уманова-Каплуновскаго: „Славянская Муза“ СПБ. 1891. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, II, 245—246. — Рецензія на книгу М. И. Сухомлинова: „Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями. Изд. ИМП. Академіи Наукъ. Т. I. СПБ. 1891. „Славянское Обзорѣніе“. 1892, V—VI, 193—196. — Библиографическая замѣтка о славянскомъ отдѣлѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона Т. VII, СПБ. 1891. „Слав. Обзорѣніе“. 1892, X, 256—257. — Изъ переписки кн. Вл. А. Черкаскаго и Н. А. Милютина по польскимъ дѣламъ. Предисловія ко всѣмъ главамъ переписки редактора „Слав. Обзорѣніе“. 1892. I. 54—69; III, 359—378; V—VI, 295—335; XI—XII, 206—310. — Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Удостоено первой Кирилло-Мееодіевской преміи и издано иждивеніемъ СПБ. Славянскаго Благотв. Общества. Томъ I: Очерки образованія общихъ языковъ южной и западной Европы. Къ читателю, I—IV, Введеніе, V—VIII 1—436; томъ II: Зарожденіе общаго языка на Славянскомъ Востокѣ. Предварительныя замѣчанія I—II + 1—374. Варшава. 1892. — Янъ Колларъ и западное славянофильство (Рѣчь, произнесенная въ торжеств. собраніи СПБ. Славянскаго Б. Общества 19 дек. 1893). Сборникъ „Славянское Обзорѣніе“, 1894, стр. 1—4 и оттискъ. — Образование литературныхъ языковъ и ихъ значеніе въ исторіи (Вступительная лекція 1 февр. 1893). „Ученыя записки ИМП. Юрьевскаго университета“, 1893, № 2, стр. 71—88, и отд. оттискъ, 1—18. — О значеніи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ. „Русская Бесѣда“, 1895, декабрь, 137—156, и отд. оттискъ 1—20. Переиздано въ словацкомъ переводѣ въ журналѣ: „Národné Noviny“. Turčianskú Sv. Martin, 1896. — Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ ИМП. Юрьевскаго университета, въ разные періоды его существованія. Журн. М. Н. Пр. 1895, СССІ, сентябрь, стр. 1—31, и отдѣльный оттискъ, 1—31. СПБ. 1895. — Надъ могилою проф. В. Н. Попова. „Ученыя записки ИМП. Юрьевскаго университета“, 1895, № 4, стр. 57 и оттискъ. — О задачахъ славяно-русской

археологіи по отношенію ко областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи. „Труды десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г.“ Т. I, 264—269, и оттискъ, М. 1889. — Тысячелѣтіе Мадьяръ. (Публичная лекція, прочитанная 19 апр. 1896 въ актовомъ залѣ ИМП. Юрьевскаго ун-та). „Недѣля“, 1896, № 32 и отд. оттискъ: СПБ., 1896, стр. 1—24. — Культурная отдѣльность народовъ Греко-славянскаго міра. „Русское Обозрѣніе“, 1896, ноябрь, 162—181, и отдѣльный оттискъ. М. 1896, 1—22. — Юрьевскій университетъ (нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанію „Отвѣтъ бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета“). „Рижскій Вѣстникъ“ 1897, №№ 90—95, и отд. оттискъ. Рига, 1897, стр. 1—51. — Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на Юрьевскій университетъ. „Рижскій Вѣстникъ“, 1897 №№ 149 и 150. — Университеты Юрьевскій и Страсбургскій и ихъ національно-культурныя задачи по отношенію перваго къ Россіи, а втораго къ Германіи. „Рижскій Вѣстникъ“, 1897, № 20. — О причинахъ гибели балтійскаго славянства. (Публичная лекція, читанная 13 февр. 1898). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМП. Юрьевскомъ университетѣ“. Т. I, 1899, стр. 144—158 и оттискъ. — Нѣсколько замѣчаній о научной постановкѣ славянской исторіи, ея объемѣ, содержаніи и періодахъ. „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМП. Юрьевскомъ университетѣ“. Т. I. Юрьевъ. 1898. Стр. 85—124 и оттискъ. — О значеніи въ Славянской исторіи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ. (Публичная лекція, прочитанная 27 февр. 1898). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМП. Юрьевскомъ университетѣ“. Томъ II. Юрьевъ, 1899, стр. 1—20 и оттискъ. — Къ характеристикѣ Палацкаго. 14 (20) апр. 1876 (докладъ, прочитанный въ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ 3 окт. 1898 г., по поводу 100-й годовщины рожденія чешскаго исторіографа). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества“. Т. II. Юрьевъ, 1899, стр. 21—65 и отд. оттискъ, стр. 1—47. Юрьевъ, 1899. — Нѣсколько данныхъ и соображеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи (рѣчь, прочитанная 10 мая 1898 г. въ годичномъ собраніи Учено-Литературнаго Общества). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества“, т. III. Юрьевъ, 1900. стр. 1—73 и отдѣльн. оттискъ. 1899. Юрьевъ. стр. 1—73. — Памяти Н. А. Лавровскаго (рѣчь, прочитанная въ Учено-Литературномъ Обществѣ 30 сентября. 1899). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества“. Т. III, Юрьевъ, 1900, стр. 74—92 и отд. оттискъ, 1—19, 1899, Юрьевъ. — Юбилейная рѣчь: О задачахъ православія въ Прибалт.

краѣ. Въ „Рижскихъ Еп. Вѣд.“ 1900 г., стр. 802—805 и въ изданіи „Торжество пятидесятилѣтія самостоятельнаго существованія Рижской епархіи (1850—1900).“ Рига. 1901, стр. 34—38. — Обь основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго. Протоколы СПБ. Славянскаго Благотв. Общества за 1901 г. и отд. брошюра. Стр. СПБ. 1901. — Историческая замѣтка о русскомъ Юрьевѣ стараго времени, въ связи съ житіемъ св. Исидора и съ нимъ сострадававшихъ 72 юрьевскихъ мучениковъ (чтеніе въ Юрьевскомъ семейно-общественномъ собраніи „Родникъ“ 8 янв. 1901). „Сборникъ Учено-литературнаго общества“. Т. IV. Юрьевъ, 1901. Стр. 75—144 и отд. оттискъ, стр. 1—72, Юрьевъ 1901. — Студенческія корпораціи при Юрьевскомъ университетѣ. „Рижскій Вѣстникъ“, 1901, №№ 102 и 103 и отд. оттискъ, 1—23, Рига, 1901. — Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-западной Руси. Рѣчь, прочитанная 29 мая 1900 г. въ годичномъ собраніи Учено-литературнаго Общества при ИМП. Юрьевскомъ университетѣ. „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества“. Т. IV. Юрьевъ, 1901, стр. 46—74 и отд. оттискъ. Юрьевъ, 1900, стр. 13. — Современный мадьяризмъ, въ перспективахъ угрославянской исторіи. „Изв. СПБ. Слав. бл. Общества“. 1902. № 1. стр. 1—13. — О Московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія (прочитано въ „Русскомъ Собраніи“ въ СПБ. 29 марта 1902). „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМП. Юрьевскомъ университетѣ“. Т. V. Юрьевъ, 1902. стр. 170—176. — Значеніе Македоніи въ судьбахъ Греко-славянскаго міра. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи СПБ. Слав. бл. Общества 14 февраля 1903 г. „Изв. СПБ. Слав. бл. Общества“ 1903 г. — Наука и политика. СПБ. 1905 г. (109 стр.). — Къ вопросу о запискѣ 342 ученыхъ. Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Вѣстника“. СПБ. 1905. — По вопросу обь окраинахъ Россіи. Вопросъ обь окранныхъ Россіи, въ связи съ теоріей самоопредѣленія народностей и требованіями государственнаго единства. СПБ. 1906. — Холмская Русь и поляки. Три статьи. СПБ. 1907. — О единствѣ русскаго народа. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи СПБ. Слав. бл. Общества. СПБ. 1907. — Можетъ-ли Россія отдать и народцамъ свои окраины? Изъ „библіотеки Украинъ Россіи“ № 4, СПБ. 1907.

Профессоръ М. Красноженъ.

Объ одной книгѣ изъ библіотеки Наполеона I.

[Сообщено въ открытомъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества
9 февраля 1909 года¹⁾].

Мм. гг.

Мое сегодняшнее сообщеніе не вполне, быть можетъ, соотвѣтствуетъ программѣ занятій Учено-Литературнаго Общества. Оно не будетъ состоять въ изложеніи содержація книги Наполеона, оно не займется оцѣнкою этого содержания, а коснется только внѣшней судьбы самой книги, книги, принадлежавшей Наполеону I, читанной имъ, повидимому, очень внимательно, книги, не находящейся въ городѣ Юрьевѣ Лифляндской губерніи, но, согласно одному печатному источнику, долженствовавшей храниться въ Библиотекѣ Императорскаго Юрьевского Университета. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и позволяетъ мнѣ предложить вниманію членовъ и гостей Учено-Литературнаго Общества *при* Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ пару словъ по поводу этой книги²⁾.

1) Сообщеніе печатается въ томъ видѣ, въ какомъ оно было прочитано въ засѣданіи 9 февраля; здѣсь только помѣщены еще нѣмецкій текстъ источниковъ и немногія дополнительные и пояснительныя примѣчанія.

2) Матеріалы для этого сообщенія хранятся у меня уже болѣе 10 лѣтъ; въ 1899 году я передалъ ихъ Университетской Библиотекѣ и надѣялся, что кто-нибудь воспользуется ими для доклада въ томъ или другомъ обществѣ и для наведенія справокъ по тогда еще горячимъ слѣдамъ. Но ни служащіе въ Библиотекѣ, заваленные не-

Честъ возбужденія вопроса, имѣется ли книга Наполеона въ Университетской Библіотекѣ, принадлежитъ первой нѣмецкой юрьевской газетѣ, называвшейся „Dörptsche Zeitung“ и прекратившей свое существованіе 1 февраля 1875 года.

34 года тому назадъ, за нѣсколько дней до прекращенія газеты, а именно 28 января 1875 года появилась въ „Dörptsche Zeitung“ замѣтка, которая между прочимъ касалась отношенія мѣстнаго общества къ разнаго рода сокровищамъ, таящимся въ городѣ Юрьевѣ. Неизвѣстный авторъ [по всей вѣроятности, самъ редакторъ газеты В. Глэзеръ — W. Glaeser —, сообщившій много интересныхъ данныхъ о мѣстной жизни] говоритъ, что мѣстнымъ обществомъ мало сдѣлано въ области обнаруженія и объясненія юрьевскихъ драгоценностей, и что относительно нихъ иностранцы и иногородніе большею частію лучше освѣдомлены. Въ подтвержденіе такого своего мнѣнія приводитъ онъ опубликованіе писемъ Гэтэ, Шиллера и др., занятія собраніемъ писемъ Канта, печатаніе продолженія Лифляндской Хроники Кэльха, вызванныя указаніями постороннихъ лицъ; письма Клингера, перваго попечителя бывшаго Дерптскаго Учебнаго Округа были отысканы въ Университетской Библіотекѣ [и впоследствии изданы] докторомъ Ригеромъ, тоже иностранцемъ [родственникомъ покойнаго Клингера], прибывшимъ изъ Хэссена. Затѣмъ краткому извѣстію о вышеупомянутой книгѣ Наполеона авторъ замѣтки предпосылаетъ вопросъ: „дѣйствительно ли сохранилась эта достопримѣчательность въ нашемъ городѣ?“ 1)

посильной работой, ни тогдашній г. директоръ Вибліотеки, проф. Шмурло, должно быть, не сочли нужнымъ заняться такими мелочами. Во всякомъ случаѣ по прошествіи двухъ лѣтъ взялъ я матеріалы назадъ и хранилъ ихъ какъ курьезъ въ своей библіотекѣ. Теперь же, накануне столѣтія Отечественной войны, и мелочи, относящіяся къ тому времени, быть можетъ, не лишены нѣкотораго интереса.

1) Dörptsche Zeitung, № 23, 28 I 75: „Aus Dorpat. Es ist bis-

Извѣстіе о книгѣ Наполеона помѣщено въ „Skizzen zu einer Geschichte des Russisch-Französischen Krieges im Jahr 1812“ [въ „Очеркахъ, служащихъ матеріаломъ для исторіи русско-французской войны 1812 года“], изданныхъ І. Ф. Харткнохомъ въ Лэйпцигѣ въ 1814 году [стр. 503 и 504], и гласить въ переводѣ слѣдующимъ образомъ :

„Одинъ русскій офицеръ, природный Лифляндець, видѣлъ при Березинѣ, какъ казаками была ограблена карета, изъ которой, по словамъ плѣнныхъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ вышелъ Наполеонъ и вскочилъ на лошадь. Книгу, находившуюся въ каретной сумкѣ, бросили казаки въ свѣгъ. Онъ [офицеръ] замѣтилъ это и приказалъ стоявшему вблизи казаку подать ему ее; казакъ, не мѣшкая, хотѣлъ поднять ее пикою, и послѣ нѣсколькихъ уколовъ преподнесъ ему ее на концѣ пики. Офицеръ призналъ [въ ней] томъ Плутарха, переведеннаго Дасіа, въ богатомъ сафьяновомъ переплетѣ, снабженномъ орломъ и начальной буквой N по бокамъ. Это былъ томъ, содержавшій жизнеописанія Катона и нѣкоторыхъ [другихъ] самоубійць. — Рѣдкую находку, проколотую однако въ нѣсколькихъ мѣстахъ пикою, послалъ офицеръ своей матери, согласно волѣ которой послѣ ея смерти книга эта должна достаться Дѣрптской Университетской Библіотекѣ“¹⁾.

her wenig geschehen, um die Kleinoden, die hier und da in Dorpat versteckt liegen, zu heben. Kürzlich hat Herr Fr. Sintenis Briefe von Goethe, Schiller und andere veröffentlicht, nachdem in Leipzig Hirzels neues Goetheverzeichniss auf diese Schätze hingewiesen hatte. Wie man sagt, veranlasste dies zwei hiesige Gelehrte, die Kantischen Briefsammlungen auf unserer Universitätsbibliothek in Angriff zu nehmen, wenn dieselben für die Hauptausgabe von Kants Schriften noch nicht benutzt sein sollten. Der Abdruck der Continuation von Kelchs Chronik bat endlich auch begonnen, nachdem von Petersburg dies dringend gewünscht und unterstützt wurde. Die Klingeriana in der Domruine aufzusuchen war bekanntlich Dr. Rieger aus Hessen eigends hierher gereist. — So weiss man auswärts meist besser zu schätzen, was die Dorpatenser in heimlicher Stille für sich behüten und vor den Augen der Mitwelt verbergen. Heute finden wir in einem alten Buch eines Curiosums erwähnt und möchten anfragen, ob dasselbe sich wirklich in unserer Stadt erhalten hat?

1) Тамъ же: „Bei I. F. Hartknoch in Leipzig sind 1814 „Skizzen

На вопросъ автора замѣтки не послѣдовало никакого официальнаго отвѣта ни въ „Dörptsche Zeitung“ ни въ „Neue Dörptsche Zeitung“: никого вопросъ, повидимому, не заинтересовалъ. А между тѣмъ Университетская Вибліотека могла отвѣтить слѣдующее: Въ Университетскоѣ Вибліотекѣ хранится одинъ томъ сочиненій Плутарха, въ переводѣ Дасіэ [Dacier], въ богатомъ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями, съ двумя золотомъ тисненными императорскими гербами [одноглавый орелъ, корона императорская наверху, буква N и пр.] на верхней и нижней крышкахъ переплета, съ золотымъ обрѣзомъ; за исключеніемъ 2—3 царапинъ на нижней крышкѣ, переплетъ хорошо сохранился и нигдѣ не проколотъ; страницы текста нигдѣ не повреждены; хранящійся въ Университетскоѣ Вибліотекѣ томъ составляетъ VII томъ всего собранія сочиненій Плутарха и содержитъ въ себѣ жизнеописанія Кимона,

zu einer Geschichte des Russisch-Französischen Krieges im Jahr 1812“ erschienen. «Im Auftrag des Kais.-Russ. Obersten, Generalpolizeidirectors von Sachsen, Ritters etc. etc. Baron von Rosen Hoch- und Wohlgeboren» hat Müchler, der bekannte Anekdotensammler und napoleonfeindliche Patriot sie censirt und den Druck «mit Weglassung der roth angestrichenen Stellen und mit den abgeänderten Briefen 9 und 10 gestattet». Der Octavband von 534 Seiten beginnt mit Briefen, geschrieben in Riga vom Juni bis December 1812 und gibt dann eine Geschichte des Feldzugs, der sich eine Lebensgeschichte Kutusows und eine Nachlese einzelner Züge und Anekdoten anschliessen. Unter letztern findet sich folgende Nachricht: «An der Beresyna sah ein russischer Offizier, ein geborener Livländer, von den Kosaken den Wagen plündern, von dem die Gefangenen aussagten, es sei derselbe, aus dem vor wenig Stunden Napoleon sich gerettet und auf ein Pferd geworfen babe. Ein Buch, das in der Wagentasche befindlich gewesen, hatten die Kosaken in den Schnee geworfen. Er bemerkte es und befahl einem nebenstehenden Kosaken, es ihm zu reichen, der ohne Umstände mit der Pike darnach langte, und nach mehreren Stichen es ihm an der Spitze derselben darbot. Er fand einen Band der Dacierschen Uebersetzung des Plutarch, reich in Saffian gehunden mit dem Adler und der Chiffre N auf den Seiten. Es war der Band, in dem Cato und mehrere Selbstmörder standen. — Den seltenen Fund, jedoch von Pikenstichen durchbohrt, sandte der Offizier seiner Mutter, nach deren Willen er nach ihrem Tode der Dörptschen Universitätsbibliothek zufallen soll.»

Лукулла, Никія и Марка Красса¹⁾; портреты всѣ сохранились. — Изъ такого рода отвѣта уже тогда выяснилось бы, что книга, хранящаяся въ Университетской Библиотекѣ, не та, которая описана въ „Очеркахъ“, хотя и она, согласно имѣющейся надписи на первомъ листкѣ, „взята казакомъ изъ кареты императора французовъ при отступленіи французовъ изъ Россіи“ и подарена лифляндскимъ уроженцемъ — г. ротмистромъ барономъ фонъ-Вольфомъ „изъ Ляйцэна въ Лифляндіи“²⁾. Надпись сдѣлана, какъ кажется, проф. Моргэнштэрномъ, который завѣдывалъ Библиотекою, сперва въ званіи библиотекаря, а затѣмъ директора, съ самаго ея основанія и до 1839 года, такъ что книга, по всей вѣроятности, была передана въ Библиотеку не позже конца тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія.

Прочитавши въ девяностыхъ годахъ замѣтку въ „Dörptsche Zeitung“ и познакомившись съ VII томомъ Плутарха, въ переводѣ Дасіэ, я только убѣдился въ несоотвѣтствіи особенностей этого тома нѣкоторымъ очень важнымъ даннымъ, отмѣченнымъ въ „Очеркахъ“. Получить какія бы то ни было разъясненія по поводу всего этого мнѣ не удалось.

Прошло около года. Однажды, просматривая „Биржевыя Вѣдомости“ относительно сообщеній изъ Прибалтійскаго края, я совершенно случайно наткнулся на статью г. Л. Ма-

1) „Les vies des hommes illustres de Plutarque, traduites en Français, avec des Remarques historiques et critiques par M. Dacier; et suivies des suppléments. Edition revue et augmentée des Vies d'Auguste et de Titus, par A. L. Delaroche. Avec les Portraits dessinés d'après l'antique par Garnerey et gravés par Delvaux. Tome septième. A Paris chez Louis Duprat-Duverger, rue des Grands-Augustins, n.º 21. — 1811.“ — 8º [внѣшній размѣръ книги: сантим. 17 × 10; размѣръ текста: сантим. 12,8 × 6,4]; p. [4] + 412. — Vies de ce volume; Cimon, Lucullus, Nicias, Marcus Crassus. — De l'imprimerie d' A. Egron.

2) „Geschenk des Herrn Rittmeisters Barons v. Wolf von Laizen in Iivland. Dieser Band ist von einem Kosacken aus einem Wagen des Kaisers der Franzosen beym Rückzuge der Franzosen aus Russland erbeutet.“ — То же, за исключеніемъ первыхъ одиннадцати словъ, имѣется и на карточкѣ алфавитнаго каталога.

ксимовича, озаглавленную „Книга, которую читалъ Наполеонъ I.“ Пробѣжавъ ее, я къ удивленію своему нашелъ разгадку вышеупомянутаго несоотвѣтствія.

Вотъ что писалъ въ 1898 году 25 ноября г. Л. Максимовичъ въ № 322 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ :

„Книга, которую читалъ Наполеонъ I. (Письмо въ редакцію.) Проживающій въ Петербургѣ господинъ X. передалъ пишущему эти строки весьма рѣдкую вещицу. Вещица эта — книга, которую читалъ Наполеонъ I при бѣгствѣ изъ Россіи въ 1812 году.

Раньше, чѣмъ передать тѣ историческія данныя, которыя, согласно фамильнымъ документамъ г. X., связаны съ этою книгою, скажемъ нѣсколько словъ о заглавіи и внѣшности этой нѣмой свидѣтельницы страданій и оскорбленнаго самолюбія величайшаго изъ полководцевъ, бѣжавшаго послѣ битвы при Березинѣ — одинъ въ небольшихъ саночкахъ.

Книга эта X томъ описанія жизни великихъ людей Плутарха, подъ заглавіемъ :

«Le[s] vies des hommes illustres de Plutarque, traduites en français avec des remarques historiques et critiques par M. Dacier. Avec les Portraits dessinés d'après l'antique par Garneray, et gravés par Delvaux. Tome X. Paris. Chez Louis Duprat¹⁾-Duverger. Rue des Grands-Augustins. 1811.[»] Форматъ книги — октавъ. Переплетъ изъ красной телячьей кожи съ двумя большими императорскими гербами, тисненными золотомъ, на обѣихъ крышкахъ, на которыхъ позолота гербовъ и прочихъ украшеній прекрасно сохранилась.

На двухъ мѣстахъ, а именно при описаніи жизни великаго Катона и Гракха, собственноручно Наполеономъ были завернуты загибы; въ общемъ книга хорошо сохранилась, несмотря на то, что она была бравымъ русскимъ казакомъ шесть разъ проколота пикою, причемъ крышка проколота въ шести мѣстахъ, а страницы также сильно повреждены.

Вотъ какимъ образомъ это произошло.

1) Должно быть: Duprat-Duverger.

Какъ извѣстно въ догонку бѣжавшему императору французовъ были посланы многочисленные отряды кавалеріи, особенно казаковъ. Поймать Наполеона въ плѣнъ была задача одинаково трудная и почетная.

И вотъ отряду генерала Дибича удалось напасть на слѣдъ императора. Адъютантъ генерала Дибича полковникъ Х., отецъ теперешняго обладателя книги, во главѣ отряда въ 7 казаковъ догналъ карету Наполеона (императоръ, какъ извѣстно, послѣ саней ѣхалъ въ каретѣ). Но увы — Наполеона не было въ ней!

Извѣщенный о погонѣ императоръ, вѣроятно, или гдѣ-нибудь спрятался, или-же продолжалъ путь верхомъ.

Не желая терять ни минуты драгоцѣннаго времени, г. Х. не позволилъ казакамъ слѣзть съ лошадей и осмотрѣть карету, а велѣлъ лишь взять на память лежащую на сидѣннѣ кареты книгу императора, которую онъ, видимо, въ моментъ тревоги читалъ. такъ какъ она была раскрыта. Бравый казакъ, желающій угодить начальнику и вмѣстѣ съ тѣмъ не терять времени, острымъ концемъ своей длинной пики, старался проколоть книгу и, такимъ образомъ, вытащить скорѣе изъ кареты. Толстая кожа, однако, казалось [оказалась?] такую упругую, что казаку удалось только послѣ шести проколовъ захватить книгу на остріе пики и вытащить драгоцѣнную память изъ императорской кареты.

Г. Х. взялъ книгу къ себѣ и такъ какъ поиски за императоромъ не привели ни къ чему, показалъ свой трофей начальству, которое разрѣшило ему оставить книгу у себя. Послѣ смерти его, рѣдкая добыча хранится въ библіотекѣ его сына подъ особымъ колпакомъ на бархатной подушкѣ.

Книга эта не только рѣдкость историческая, но и служить доказательствомъ рѣдкаго самообладанія и любви императора къ жизнеописанію великихъ людей.

Во время бѣгства изъ Россіи, гдѣ онъ чуть не потерялъ свою корону, жизнь и похоронилъ свое миллионное войско, Наполеонъ имѣлъ присутствіе духа и самообладаніе заняться чтеніемъ жизнеописаній великихъ людей древне-римскаго государства! ¹⁾

1) Авторъ „Очерковъ“ нѣсколько иначе смотритъ на дѣло:

Все нами переданное дословно почерпнуто изъ фамильных документовъ сына героя отечественной войны. Какъ мы уже упомянули, книга-трофей есть десятый томъ жизнеописанія великихъ людей Плутарха, изъ собственной библиотеки императора Наполеона I, чему доказательствомъ служатъ два золотыхъ императорскихъ герба на обѣихъ крышкахъ; нѣкоторые изъ остальныхъ томовъ сочиненія Плутарха, въ такихъ-же красивыхъ переплетахъ хранятся въ Парижѣ въ музеѣ вмѣстѣ съ другими вещами, бывшими въ употребленіи у великаго императора французовъ.“

Сопоставляя свѣдѣнія о книгѣ въ „Очеркахъ“ съ таковыми въ сообщеніи г. Максимовича, мы видимъ, что послѣднія 1) гораздо полнѣе 1) и 2) передаются иначе 2); жаль только, что г. Максимовичъ не называетъ полковника Х. по фамиліи и умалчиваетъ о его родинѣ. — Такъ какъ, по словамъ г. Максимовича, все сообщенное имъ основано на фамильных документахъ, то его свѣдѣнія пріобрѣтаютъ особенную цѣнность, чего нельзя сказать о разсказѣ въ „Очеркахъ“, куда онъ могъ попасть изъ третьихъ и чет-

обращая вниманіе на то, что читанный Наполеонъ томъ заключалъ въ себѣ „жизнеописанія Катона и нѣкоторыхъ [другихъ] самоубійць [„der Band, in dem Cato und mehrere Selbstmörder standen“], онъ какъ бы намекаетъ на мысль, занимавшую, быть можетъ, Наполеона во время бѣгства и навѣянную чтеніемъ X тома Плутарха: покончить тоже самоубійствомъ.

1) Обозначенъ томъ, а именно томъ X; кромѣ жизнеописанія Катона [г. Максимовичъ называетъ его „великій“; подъ этимъ названіемъ подразумѣвается, должно быть, Катонъ Старшій; но Катонъ Старшій не самоубійца; кончилъ же самоубійствомъ его правнукъ, Катонъ Младшій, въ 47 г. до Р. X. по полученіи извѣстія о побѣдѣ Цезаря при Тапсусѣ] упоминается жизнеописаніе Гракха [Гракха Младшаго?]; въ книгѣ были завернуты загибы [жаль, что не обозначены страницы!]; книга была раскрыта; начальство разрѣшаетъ полковнику Х. оставить книгу у себя; хранится книга у сына подъ колпакомъ на бархатной подушкѣ; книга шесть разъ проколота пикою; полковникъ Х. — адъютантъ генерала Дибича и начальникъ отряда въ 7 казаковъ — догналъ карету Наполеона.

2) Полковникъ Х. не позволилъ казакамъ слѣзть съ лошадей и осмотрѣть карету; книга лежала на сидѣннѣ кареты; казакъ посредствомъ пики вытащилъ книгу изъ императорской кареты.

вертыхъ рукъ, чѣмъ, быть можетъ, и обусловлены немало-важныя разногласія.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее :

1. Книга, упоминаемая въ „Очеркахъ“, и книга, которую описываетъ г. Максимовичъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — тождественны: и тамъ и тутъ мы имѣемъ дѣло съ томомъ Плутарха, въ переводѣ Дасіа, въ которомъ находится жизнеописаніе Катона; и авторъ „Очерковъ“, и г. Максимовичъ говорятъ, что книга въ нѣсколькихъ мѣстахъ проколота пикою и на остреѣ пики подана казакомъ будущему владѣльцу ея.
2. Находящаяся въ Библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета книга Наполеона не та, которая, по словамъ автора „Очерковъ“ должна была быть передана Библіотекѣ названнаго университета.
3. Исключительно по разсказу въ „Очеркахъ“ нельзя предположить, что обѣ книги были въ одной и той же каретѣ Наполеона. По даннымъ же разсказа г. Максимовича такого рода предположеніе вполне возможно: по отбытіи отряда полковника Х., ограничившагося поверхностнымъ осмотромъ кареты и удержавшаго на память десятый томъ Плутарха, другой отрядъ казаковъ [г. Максимовичъ пишетъ между прочимъ: „какъ извѣстно въ догонку бѣжавшему императору французовъ были посланы многочисленныя отряды кавалеріи, особенно казаковъ“] при тщательномъ обыскѣ кареты могъ найти въ каретной сумкѣ седьмой томъ Плутарха, переданный впослѣдствіи Библіотекѣ Университета барономъ Вольфомъ.
4. Неисполненіе матерью Лифляндца даннаго ею общація, отмѣченнаго въ „Очеркахъ“, осталось и въ разсказѣ г. Максимовича неразъясненнымъ.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы лица, имѣющія сношенія съ редакціею „Биржевыхъ Вѣдомостей“, поспособствовали внесенію еще ббльшаго свѣта въ дѣло о судьбѣ книги, почти сто лѣтъ тому назадъ обѣщанной Библіотекѣ нашего университета.

І. Змигородскій.

Изъ исторіи древне-греческой педагогики.

Знаніе исторіи педагогики древне-греческой сравнительно мало распространено. Да многіе и склонны при томъ смотрѣть на нее нѣсколько пренебрежительно, умаляя ея дѣйствительное значеніе и какъ бы серьезно полагая, что исторія педагогики начинается съ Яномъ Амосомъ Коменскимъ. Въ противоположность этому можно бы утверждать, что греческая педагогика имѣетъ даже для нашего времени и значеніе, и интересъ, и что самая стройная, самая философская система педагогики, именно педагогика Платона родилась именно на почвѣ древней Эллады.

Въ виду указываемаго нами сравнительно-малаго знакомства у насъ съ греческой педагогикою и въ виду недостаточно высокой ея оцѣнки не лишними, сдается намъ, будутъ приводимые нами ниже очерки нѣсколькихъ моментовъ изъ исторіи древне-эллинской педагогики, все достоинство которыхъ заключается въ томъ, что они написаны исключительно на основаніи первоисточниковъ.

Платонъ.

Въ исторіи европейской педагогики первымъ великимъ мыслителемъ и творцомъ замѣчательной педагогической системы былъ Платонъ. Его біографія тѣсно связана съ его взглядами. По своему происхожденію онъ при иныхъ обстоятельствахъ могъ бы играть видную роль въ Аѣинахъ.

Онъ былъ потомкомъ царей, — аристократъ по женской и мужской линіи. Ультра-аристократиченъ Платонъ былъ и по своимъ воззрѣніямъ, какъ великій противникъ и пенавистникъ демократіи. Въ началѣ предполагалъ онъ быть поэтомъ. Рѣшающую роль сыграла встрѣча его съ Сократомъ.

Существовалъ въ Аѳинахъ и Греціи особый классъ учителей-мудрецовъ. Кто желалъ пройти высшій курсъ філософій и другихъ наукъ, долженъ былъ слушать лекціи у свободныхъ учителей за плату. Сократъ же училъ безплатно. Учителей-мудрецовъ называли софистами. Наименованіе „софистъ“ въ началѣ было высокимъ, но затѣмъ оно было отравлено. Сократъ подчасъ чуть не насильно вербовалъ себѣ учениковъ, въ которыхъ онъ провидѣлъ даровитыхъ людей. Такъ, напр., онъ завербовалъ себѣ молодого офицера Ксенофонта, ставшаго потомъ величайшимъ представителемъ греческой прозаической рѣчи. Однимъ изъ учениковъ Сократа оказался и Платонъ. Личность Сократа заставила Платона измѣнить свои намѣренія.

Сократъ считалъ себя вправѣ высказывать свое мнѣніе относительно государственнаго устройства въ Аѳинахъ. Онъ не одобрялъ демократіи въ томъ видѣ, какъ она выразилась на его родинѣ; ѣдко смѣялся онъ надъ стремленіями аѳинянъ рѣшать всѣ вопросы на агорѣ большинствомъ голосовъ: „нельзя же“, полагалъ онъ, „на площади выбирать, напр., гиппарха, начальника всей конницы, всенароднымъ голосованіемъ; должны выбирать его знающіе дѣло.“ Политическіе противники Сократа подловили его и довели его до смертной казни. Поводъ, по которому онъ былъ преданъ суду, былъ совершенно неоснователенъ. Софисты преслѣдовали его за то, что онъ конкуррировалъ съ ними и обличалъ ихъ. Сократа обвинили въ томъ, что онъ „вноситъ новыя божества и развращаетъ молодежь.“ Но Сократъ не развращалъ своихъ учениковъ, хотя дѣйствительно обладалъ могущественнымъ вліяніемъ на нихъ и, въ частности, на Платона.

Всѣ направленія послѣдующихъ аѳинскихъ философскихъ школъ пошли отъ Сократа. За все время литературной дѣятельности своей величайшій изъ учениковъ его, Платонъ восхвалялъ своего учителя.

Въ Платонѣ всегда была сильна жажда активной дѣятельности. Это заставляло его, какъ философа, вырабатывать и теорію политики. Платонъ — величайшій философъ. Но между изслѣдователями ведется споръ, — былъ ли онъ специалистъ-философъ? Одни говорятъ, что онъ былъ философствующій политическій публицистъ, а вся его философія высказана „по поводу“. Другіе говорятъ, что Платонъ только государственный педагогъ — и философію онъ вырабатывалъ, какъ основу для педагогики. Третьи, — что онъ всю свою жизнь посвятилъ теоретической выработкѣ своей философской системы по заранѣе опредѣленному плану.

На это нужно сказать, что Платонъ былъ чрезвычайно живая и отзывчивая натура, разнообразный мыслитель. Онъ былъ великій философъ, великій учитель, великій политикъ, великій педагогъ, но въ основѣ жизни Платона его политическое творчество является въ тѣснѣйшей связи съ педагогикой. Педагогика есть подкладка всей его дѣятельности, она занимаетъ и главный отдѣлъ въ его сочиненіяхъ о государствѣ. Политика есть жизненная потребность Платона, но она у него тѣсно связана съ педагогикою. Такимъ образомъ можно сказать, что Платонъ великій педагогъ, но съ политическими цѣлями! Новыхъ людей хочетъ онъ создать, новое государство, новую государственную педагогику. Стимуломъ къ его порывамъ въ области политики и педагогики была неудовлетворенная жажда широкой политической дѣятельности. Его политическіе идеалы не греческіе, а скорѣе нѣсколько соотвѣтствуютъ идеаламъ восточныхъ монарховъ, какіе были, напр., въ Персіи, или, если и греческіе, то не іоническіе, а дорическіе. Основная тенденція Платоновой политики и педагогики: всѣ люди должны быть рабами

государства, цѣль педагогики — созданіе государства, государство — все, а отдѣльная индивидуальная личность — ничто. Государство пользуется ея способностями, а сама она не въ правѣ располагать собой. Вообще принципъ личности не получаетъ надлежащей оцѣнки въ греческой философіи. Онъ вносится въ философію только Декартомъ, Платонъ же вполне ее игнорировалъ и вообще, и въ своей педагогикѣ. Вся древняя Греція покоится на рабствѣ. Аристотель признавалъ даже „рабовъ по природѣ.“ Интересы, склонности Платона влекли его отъ его родныхъ Аѳинъ къ Спартѣ, гдѣ гражданинъ былъ слугою государства. Но свое политическое и педагогическое ученіе Платонъ сумѣлъ обосновать при помощи грандіозной метафизики.

Но, можетъ быть, это признаніе рабства въ нашихъ глазахъ пизвергаетъ Платона съ его пьедестала. На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только отрицательный — и вотъ почему.

Когда мы изучаемъ исторію, намъ необходимо отрѣшиться отъ своей эпохи, отъ тѣхъ чувствъ, которыми мы одушевлены въ нашъ моментъ времени. Историкъ въ цѣляхъ болѣе безпристрастнаго суждеція, болѣе тонкаго пониманія и проникновенія въ прошлое долженъ отрѣшиться отъ своего времени, отъ своихъ симпатій и антипатій. Каждая эпоха имѣетъ, конечно, свои достоинства и свои недостатки, которые отражаются и на геніи, какъ дѣтищѣ той или иной эпохи. Поэтому мы не въ правѣ произносить осуждающаго приговора надъ Платономъ, прежде чѣмъ мы ознакомились съ жизнью древняго міра, пока мы, такъ сказать, не обжились въ немъ. И Платонъ является для насъ одной изъ величайшихъ личностей европейской исторіи, онъ стоитъ такъ же высоко, какъ Тома Аквинскій, какъ Декартъ, Лейбницъ и др. Слава Платона нисколько не меркнетъ оттого, что онъ признавалъ рабство, такъ какъ этотъ недостатокъ присущъ ему, какъ личности извѣстной эпохи.

И дѣйствительно, рабство, которое немислимо съ современной точки зрѣнія, въ глазахъ афинянъ считалось необходимою. Поэтому мы, восторгаясь культурой древняго міра, не должны все-таки забывать, что тамъ, въ древней Элладѣ, гдѣ процвѣтали науки и искусства, свило себѣ прочное гнѣздо и рабство, которое ложилось чернымъ пятномъ на этотъ „потерянный рай“, — какъ смотрѣлъ на него, напр., Шиллеръ и въ какихъ краскахъ онъ изображалъ его своимъ перомъ. Рабство настолько укоренилось въ древнемъ мірѣ, что рабъ и вообще всякій трудящійся чѣловѣкъ, — ремесленникъ, земледѣлецъ — какъ бы не считались у нихъ людьми и находились въ презрѣніи. По мнѣнію древнихъ грековъ, цѣль гражданина заниматься государственными дѣлами, наукой, искусствами, дѣло же раба — кормить своего владѣльца. Отсюда рабъ у Аристотеля носитъ характерное названіе: „δοῦλος φύσει“ — „рабъ по природѣ“, т. е., какъ будто рабъ осужденъ самой природой на то, чтобы служить другимъ, трудиться, работать на другихъ. Платонъ также ничего не имѣетъ противъ такого рабства, но только дѣлаетъ маленькую оговорку въ томъ смыслѣ, что де не хорошо, когда побѣдители-греки обращаютъ въ рабство побѣжденныхъ, своихъ же единокровныхъ Эллиновъ. Общее же мнѣніе грековъ таково, что „варваръ“, т. е. не-грекъ, ничего не заслуживаетъ, кромѣ презрѣнія. И потому онъ можетъ быть только рабомъ. Тутъ между прочимъ нельзя не замѣтить, какая разница во взглядахъ на трудъ у Платона и Аристотеля съ одной стороны, и у Спинозы, напр., съ другой. По взгляду Платона и Аристотеля, чловѣкъ только тогда можетъ заниматься науками, философіею, когда онъ имѣетъ „σχολή“ (схолè) — „досугъ, свободное время“, когда онъ совершенно свободенъ отъ физическаго труда, когда у него нѣтъ необходимости работать физически. Спиноза же философъ пропитывался именно ремесломъ, физическимъ трудомъ: онъ, какъ извѣстно, занимался шлифовкой стеколъ. Въ глазахъ Платона и Ари-

стотеля Спиноза былъ бы банавзомъ, презрѣннымъ ремесленникомъ, которому, разумѣется, не къ лицу заниматься философией.

Платонъ въ описаніи идеальнаго государства дѣлитъ государство на три (3) класса: первый (1) классъ „правительственный“, второй (2) „военный“, въ третій же (3) классъ Платонъ сбываетъ всѣхъ остальныхъ гражданъ, т. е., ремесленниковъ, земледѣльцевъ и рабовъ. Роль третьяго класса, по взгляду Платона, заключается только въ томъ, чтобы съ послушаніемъ доставлять все то, что необходимо для высшихъ классовъ. А если онъ, т. е., третій классъ обнаружить неповиновеніе, то войны силой приведутъ его къ послушанію. И больше Платонъ почти ничего не говоритъ о третьемъ классѣ, сознательно игнорируя его, какъ недостойный вниманія науки. Отсюда вся педагогика Платона относится именно къ двумъ первымъ классамъ, и если Платонъ настаиваетъ на всеобщемъ обученіи, то онъ имѣетъ въ виду обученіе только старшихъ слоевъ общества. Игнорированіе трудящагося класса — одна изъ характерныхъ чертъ педагогики Платона.

До нѣкоторой степени идеалы Платона были осуществлены въ средніе вѣка. Какъ извѣстно, тогда государственное устройство было таково, что два старшіе класса были господствующими, а третій служилъ базисомъ, на которомъ покоились два старшія сословія: во Франціи, напр., господствующими классами были сословія духовенства и рыцарства, и значеніе французской революціи заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она выдвинула на сцену исторической жизни третій классъ: „буржуа“ или „мѣщанство“; лишь послѣ французской революціи „мѣщане“ получили гражданскія права. Движеніе третьяго сословія въ пользу завоеванія гражданскихъ правъ отчасти наблюдалось и въ древней Греціи, и это движеніе очень не нравилось аристократу-Платону.

Сначала греческіе города находились подъ управле-

ніемъ полудуховныхъ базилевсовъ. Въ борьбу съ царскою властью вступаетъ аристократія, которая, объединившись, образуетъ олигархическую господствующую среду. Господство объединенной аристократіи водворяется вездѣ, кромѣ Спарты, гдѣ царская власть сохраняетъ еще нѣкоторую силу. Долгая и упорная борьба аристократіи съ царскою властью и выдвигаетъ на сцену борьбы третій классъ, или такъ называемый „демосъ“. Этотъ демосъ прежде всего поднимаетъ голову въ приморскихъ городахъ, гдѣ онъ, благодаря путешествіямъ съ коммерческими цѣлями (какъ передаютъ, греки доѣзжали до нынѣшней Англии), скоро расширилъ свой умственный кругозоръ и обогатился въ отношеніи матеріальныхъ средствъ. Но демосъ выступаетъ и борется за свои права только въ странѣ іоническаго племени, главнымъ пунктомъ котораго потомъ служили Аѣины. Греки же дорическаго племени, средоточіемъ котораго служила Спарта, не были такъ способны и воспримчивы по отношенію къ культурѣ, какъ іонійцы, и вообще отличались консервативнымъ духомъ. Во время классовой борьбы у іонійцевъ, изъ среды демоса или аристократіи часто выдѣлялся „тираннъ“, даровитый человѣкъ, который захватывалъ власть въ свои руки, жестоко расправляясь со своими противниками, отъ чего „тираннъ“, — названіе такихъ узурпаторовъ, скоро получило дурное значеніе.

Платонъ по своему происхожденію и воспитанію тяготѣлъ къ старымъ порядкамъ, т. е., симпатизировалъ аристократіи и царской власти и ненавидѣлъ демократію. Впрочемъ, Платонъ не брезговалъ тираннами и даже иногда прибѣгалъ къ ихъ услугамъ, надѣясь при помощи ихъ осуществить свой проэктъ идеальнаго государства. Такъ, онъ вошелъ въ сношенія съ Сиракузскимъ тирапномъ Діонисіемъ Старшимъ, предлагая ему свои проэктъ государственной реформы. Этотъ сначала принялъ его благосклонно, но потомъ продалъ его въ рабство, изъ котораго Платонъ былъ выкупленъ друзьями. Съ теченіемъ времени Платонъ, мечтая

объ осуществленіи своихъ политическихъ идеаловъ, завязалъ сношенія съ Діонисіемъ Младшимъ, Сиракузскимъ же тиранномъ. Но и эта попытка основать идеальное государство окончилась печально: въ семьдесятъ лѣтъ онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ отъ тиранна. Окончилъ жизнь Платонъ около восьмидесяти лѣтъ и весьма достойно: какъ передаютъ, онъ умеръ со стилемъ (перомъ) въ рукѣ; писалъ онъ въ это время свой новый діалогъ „Критій“, въ которомъ дѣйствіе переносится въ міръ давно прошедшаго, опять-таки съ особымъ государственнымъ устройствомъ.

Платонъ всю свою жизнь думалъ, писалъ, мечталъ только объ одномъ, именно о великой государственной реформѣ, которую надѣялся произвести съ помощью педагогики. Поэтому Платонъ — педагогъ не частный, а государственный, общественный. Здѣсь напрашивается вопросъ: если Платонъ всю жизнь занимался педагогикою, то почему же онъ знаменитъ, преимущественно, какъ великій метафизикъ, какъ основатель идеализма? Платонъ, хотя и занимался, главнымъ образомъ, государственною педагогикою, но отъ природы великій мыслитель-философъ сказался прежде всего въ его метафизикѣ. Проще можно, пожалуй, сказать такъ: Платонъ думалъ объ одномъ, а получалось другое. Въ этомъ отношеніи Платона можно сопоставить съ другимъ великимъ философомъ — Лейбницемъ. Лейбницъ, занимая скромную должность придворнаго бібліотекаря, работалъ надъ самыми разнообразными предметами: онъ былъ и богословъ, и историкъ, и юристъ и пр. Онъ написалъ столько произведешій и писемъ по разнымъ вопросамъ, что въ настоящее время десятки издателей до сихъ поръ собираютъ то, что написано имъ однимъ. Но то, что въ дѣйствительности прославило Лейбница, именно свою „Монадологію“, онъ изложилъ только въ нѣсколькихъ страницахъ и то не по собственной инициативѣ, а по порученію принца Савойскаго, который поинтересовался его взглядами въ области философіи. Точно такъ же и Платонъ создалъ великую

метафизику, занимаясь вопросами о пересозданіи государства и воспитанія. Но мы теперь не будемъ заниматься его метафизикой, а займемся спеціально педагогикою. А, такъ какъ въ его педагогику входятъ и психологическій, и этической элементы, то мы сначала обратимся къ психологическимъ воззрѣніямъ Платона.

Въ психологіи Платона человѣческая душа раздѣляется на три части: разумъ, чувственность и гнѣвъ. Человѣкъ, какъ и животныя, пользуется внѣшними чувствами, стремится удовлетворять потребности организма. Эти стремлеція — низшаго порядка, это низшая область души. Это есть то, съ помощью чего каждый человѣкъ и ненавидитъ, и любитъ, и голодаетъ, и жаждетъ Когда человѣкъ жаждетъ, онъ ничего не хочетъ больше, какъ пить, или когда голодаетъ, то ничего ему на умъ и не идетъ, кромѣ пищи. Вся его дѣятельность въ это время направлена въ одну сторону, именно въ сторону удовлетворенія сильно ощущающейся потребности организма. И такъ первая часть — низшій слой души — это „τὸ ἐπιθυμητικόν“ — потребность организма, чувственность, похоти.

Всматриваясь въ человѣческую душу, мы замѣчаемъ, что иногда организмъ жаждетъ, а что-то въ душѣ есть, не позволяющее пить, напр., вслѣдствіе опасности заболѣть. Слѣдовательно, въ душѣ есть способность, препятствующая удовлетворенію похотей въ виду тѣхъ или иныхъ соображеній. Это и есть разумъ, λόγος, обуздывающій страсти, заставляющій ихъ умолкнуть. Страсти и похоти съ одной стороны, а разумъ съ другой — это, по сравненію Платона, двѣ руки стрѣлка, изъ которыхъ онъ одною натягиваетъ тетиву, а другой спускаетъ стрѣлу.

Третья способность души — это „гнѣвъ“ — θυμός — по Платону. Роль его такова. Иногда мы стремимся или уже удовлетворяемъ ту или другую потребность организма, а въ нашей душѣ что-то негодуетъ, что-то противится такому удовлетворенію. Вотъ въ этомъ негодованіи или со-

чувствіи и проявляется тотъ самый „гнѣвъ“, на который Платонъ смотритъ какъ на самостоятельную часть души. По сравненію Платона, разумъ это пастырь, а гнѣвъ — собака, которую можно натравлять на чувственность. Роль „гнѣва“, такимъ образомъ, заключается во вліяніи на чувственность. Гнѣвъ вообще находится въ зависимости отъ разума. „Гнѣвъ“, правильно воспитанный, является пособникомъ разума; гнѣвъ же, неправильно воспитанный, наоборотъ, становится на сторону страстей и часто поработываетъ разумъ.

И такъ, резюме психологіи Платона заключается въ слѣдующемъ. Душа человѣка состоитъ изъ трехъ частей или слоевъ. Первый, верхній слой души — *λόγος* или *τὸ λογιστικόν*. Онъ только одинъ безсмертенъ, а физическій индивидъ существуетъ только временно. Такимъ образомъ индивидуальная душа связана, по Платону, съ индивидуальнымъ тѣлеснымъ организмомъ, но съ нимъ же вмѣстѣ умираетъ и не безсмертна. (Сравненіе Лейбница: капля, выдѣлившаяся испареніемъ изъ океана, опять возвращается въ океанъ и прекращаетъ свое индивидуальное бытіе). Такъ и человѣческая душа возвращается въ божество, по взрѣнію пантеистовъ, и, теряя особность свою, обращается въ небытіе: безсмертенъ одинъ *λόγος*. Но есть у насъ способности, которыя связаны съ организмомъ, напр., различныя потребности тѣла, „*τὸ ἐπιθυμητικόν*“, т. е., влеченія, побужденія къ чему нибудь. Они способны заполнять сознаніе. Напр., когда человѣкъ хочетъ пить, онъ къ этому одному только и стремится (къ такимъ же непреодолимымъ потребностямъ Платонъ относитъ и желаніе почесаться). Когда человѣкъ удовлетворяетъ имъ, то у него является чувство удовольствія; въ случаѣ же неудовлетворенія у него является страданіе. Но есть нѣчто другое, которое находится въ контрастѣ съ чувственными потребностями — это разумъ. Третья способность души — гнѣвъ — *θυμός*. Когда происходитъ борьба между разумомъ и низшими чувствен-

ными потребностями, нами овладѣвають страсти, то разуму пособляетъ гнѣвъ, который есть благородная часть души. Платонъ всѣ способности души локализируетъ такъ. Разумъ находится въ головѣ, *θυμός* — въ сердцѣ, страсти — *ἐπιθυμίαι* — въ печени.

Слои души имѣются у многихъ животныхъ существъ, но нѣтъ у нихъ способности высшей — разума. Аристотель, пользуясь системой Платона, создалъ науку психологiи; у Платона она носитъ этическій характеръ, онъ цѣнитъ главнымъ образомъ этическую сторону душевныхъ явленiй. Правильное мышленiе и знанiе у него есть уже добродѣтель. Платонъ цѣнитъ разумъ, какъ главу бытiя, потому что при помощи его мы приобщаемся добродѣтели. Гнѣвъ — вторая способность — долженъ идти рука объ руку съ разумомъ и приводитъ насъ тоже къ добродѣтели, если только онъ не развращенъ дурнымъ воспитанiемъ. Самая низшая способность — страсти. Главенствующiй интересъ психологiи Платона — этико-политическiй.

Этика Платона базируется на трихотомiи психологiи. Добродѣтель по его системѣ бываетъ не одна, но для cadaго элемента души существуетъ особая добродѣтель. Высшая добродѣтель души — мудрость — *σοφία*. Похоти и страсти не добродѣтельны сами по себѣ, а наоборотъ, склонны ко злу, къ непослушанiю передъ разумомъ. Мудрость принадлежитъ разуму, но когда онъ правильно дѣйствуетъ, тогда онъ добродѣтеленъ, тогда онъ имѣетъ „*σοφία*“ — софiю.

Какова можетъ быть добродѣтель страстей? Разумъ съ добродѣтелью — *σοφία* главенствуетъ, похоти же норовятъ насъ увлечь. Для страстей добродѣтелью является *σωφροσύνη* — софросюне, благоразумiе, умѣренность, при которой онѣ сдерживаются и подчиняются разуму.

Добродѣтель второй способности души „*θυμός*“ есть „*ἀνδρεία*“ — андрейя, мужество. Его роль — выступать на помощь разуму въ борьбѣ съ низшими способностями,

если они бунтуютъ противъ разума. Что же требуется отъ разума? Чтобы онъ покорялъ похоти. Наконецъ, общею для всѣхъ добродѣтелью и связью ихъ является *δικαιοσύνη* — дикайосюне, справедливость, подъ которой нужно разумѣть всеобщую гармонію. Она состоитъ въ томъ, что бы каждый дѣлалъ свое (*τὰ αὐτοῦ πράττειν*); возбраняется *ἀλλότριον* — *πραγματεία* — когда кто-нибудь старается дѣлать не свое. Вотъ общая схема этического ученія Платона.

При изученіи педагогики Платона, конечно, надо знать его ученіе о государствѣ и законахъ. Это ученіе онъ развилъ въ двухъ діалогахъ „Политія“ или государственное устройство (*πολιτεία*) и „Законы“ (*νόμοι*). Кромѣ того, сюда же относятся разговоры „Политикъ“ и „Критій“.

Какъ понимаетъ Платонъ государство? Оно основывается на понятіи справедливости. Что же такое справедливость? Платонъ въ этомъ неудержимо нападаетъ на софистовъ. Каковъ же былъ отвѣтъ софистовъ на этотъ вопросъ? Нѣкоторые софисты разсуждали, напр., такъ: справедливость есть воля тиранна. Чтѣ послѣдній сдѣлаетъ, то и справедливо. Съ цѣлью опредѣлить понятіе справедливости Платонъ пишетъ діалогъ „Государство“ — „Политію“. Въ немъ онъ проводитъ параллель между чело-вѣкомъ и государствомъ. Государство, по его мнѣнію, должно состоять изъ такого же устройства, какъ и отдѣльное лицо, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Государство возникаетъ для того, чтобы оказывать помощь людямъ. Отдѣльный чело-вѣкъ не можетъ дать себѣ все нужное для жизни. Ему необходима помощь другихъ. Напр., ремесленникъ нуждается въ земледѣльцѣ, а земледѣлецъ въ свою очередь въ ремесленникѣ. Каково же должно быть государственное устройство? Платонъ, какъ мы знаемъ, былъ ярымъ противникомъ современнаго ему государственнаго устройства. Гнѣвъ его обращается на Перикла, который былъ иниціаторомъ демократической республики, Перикла, который вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ золотой вѣкъ,

вѣкъ процвѣтанія философіи и искусствъ. Такимъ образомъ все вниманіе Платона было обращено на то, какъ поправить государственную бѣду, виновникомъ которой, по его мнѣнію, былъ Периклъ. Намѣреніе Платона — начертать планъ идеальнаго государства, основаннаго на справедливости.

Въ основѣ государства Платонъ ставитъ классовое подраздѣленіе, соотвѣтственно трихотоміямъ психической и этической. Государство состоитъ изъ трехъ частей или классовъ. Первый классъ соотвѣтствуетъ разуму — правители: въ нихъ должна обитать мудрость — *σοφία*; второй классъ (воины), соотвѣтствующій гнѣву (*θυρισ* у): въ воинахъ должна быть храбрость (*ἀνδρεία*). Третій классъ, низшее сословіе, соотвѣтствуетъ „ἐπιθυμίαι“, — у него должна быть умѣренность (*σωφροσύνη*). Въ результатѣ должна осуществиться справедливость, гармонія.

Какъ достигнуть этой гармоніи, этой государственной справедливости? Кого мы должны поставить во главѣ государства? Дѣятельность политика Платонъ характеризуетъ, какъ дѣятельность пастыря. Кто же долженъ быть пастыремъ? Мудрый долженъ править государствомъ — представитель разума, познающій идеи. Онъ добродѣтеленъ потому, что чище всѣхъ созерцаетъ идеи. Ни богатый, ни красивый, а мудрецъ, философъ, долженъ стоять во главѣ государства, и тогда только государство будетъ идеальнымъ. Совершенный типъ правленія — это, когда мудрецъ стоитъ во главѣ, а несовершенный — когда законы правятъ; еще хуже, когда царитъ произволь. Законное государство бываетъ или монархическимъ, или аристократическимъ или демократическимъ, смотря по тому, одному или нѣсколькимъ, или многимъ принадлежитъ власть. Наилучшее „законное“ государство, когда правитъ одинъ; хуже, когда нѣсколько; и совсѣмъ худо, когда управляетъ народъ. Въ государствѣ же произвола образуется обратная схема: лучше, — когда управляютъ всѣ, хуже, — нѣсколько, и совсѣмъ скверно, когда во

главѣ стоитъ одинъ, тираннѣ. Но и самъ Платонъ не гнушался ими, обращался къ сиракузскимъ тираннамъ, — Діопісіямъ Старшему и Младшему въ цѣляхъ осуществленія своего идеальнаго государства. Дальше Платонъ разсыпается въ похвалахъ мудрецу; онъ говоритъ, что мудрецу не нужно знать законовъ, такъ какъ онъ постоянно созерцаетъ идеи. Законъ — буква. Законъ не можетъ связывать мудреца; ему можетъ понадобится и даже необходимо измѣнять законы. (Напр. врачъ, когда возвращается, можетъ измѣнить діету, данную при отъѣздѣ; врачъ можетъ рѣзать для того, чтобы сохранить жизнь; точно такъ же и правитель можетъ дѣлать, чтобы сохранить государство отъ порчи). При этомъ Платонъ имѣетъ въ виду правителя-философа. „Такихъ мудрыхъ дѣятелей для государства не скоро найдешь“, — говоритъ Платонъ, „ихъ и немного, да и какъ ихъ узнать“! У пчелъ вотъ сразу узнаютъ царицу. Главное требованіе отъ правителя — его нравственное и научное совершенство; по этому признаку и нужно отличать правителя.

Разбирая систему Платона, мы подошли и къ его педагогическому ученію. Но прежде чѣмъ излагать это ученіе, мы бросимъ общій взглядъ на ту обстановку, среди которой сложилась его педагогика, чтобы намъ можно было судить о томъ, какія мысли у Платона являются вполне самостоятельными и оригинальными, и какія заимствованы имъ изъ условій воспитанія современной ему эпохи.

Педагогическая практика древней Греціи.

Въ исторіи Греціи рѣзко различаются два теченія: дорическое и іоническое, по двумъ племенамъ тѣхъ же именъ. Главнымъ городомъ дорическаго племени была Спарта, а іоническаго — Аѣны. Въ этихъ городахъ господствовали различныя цѣли, различные идеалы, а слѣдовательно, и неодинаковая культура. Различіе культурныхъ направленій

привело эти племена къ великой междоусобной борьбѣ, слѣдствіемъ которой явилась потеря обоими политической самостоятельности: Эллада сначала попала подъ власть Македонянъ — сосѣдняго родственнаго народа, а потомъ испытала зависимость и отъ различныхъ чужихъ народовъ.

Что касается спеціально педагогики, то въ Спартѣ стремились воспитать не столько изощренность ума, изящество, сколько воинственный духъ. Идеаль дорянъ — крѣпкій, сильный воинъ, приученный ко всевозможнымъ трудностямъ и воспитанный въ гражданскихъ добродѣтеляхъ. Особенностью спартанцевъ считалось здоровое сужденіе и избѣжаніе многословія: спартанцы любили выражаться рѣдко, но мѣтко; у насъ до сихъ поръ употребляется слово „лаконически“ для обозначенія выражений краткихъ, но сильныхъ. Такимъ образомъ спартанцы главное вниманіе обращали на развитіе нравственнаго духа, физической силы, гибкости и ловкости тѣла, но пренебрегали научнымъ развитіемъ умственныхъ силъ.

Если въ Спартѣ считали возможнымъ игнорировать воспитаніе ума, то въ Аѣинахъ, наоборотъ: отнюдь не оставляя заботъ о тѣлѣ, обращалось вниманіе на развитіе умственныхъ силъ, почему Аѣины и являлись центромъ просвѣщенія въ древнемъ мірѣ; науки, искусства, и особенно философія стояли здѣсь на высокой ступени развитія. Въ отношеніи образованія, какъ умственнаго, такъ, сообразно съ этимъ, и внѣшняго, заключавшагося въ умѣніи красиво говорить и въ изящныхъ манерахъ, аѣиняне на столько же отличились отъ спартанцевъ, насколько теперь парижане и французы вообще отличаются отъ остальныхъ европейцевъ и особенно отъ своихъ сосѣдей, нѣмцевъ. Образованіе, обязательное, конечно, только для гражданина, а не для раба (почему первый и рѣзко отличался отъ второго), особенно высоко стояло въ Аѣинахъ въ вѣкъ Перикла.

Присматриваясь къ воспитанію въ Аѣинахъ, мы должны прежде всего отмѣтить, что это воспитаніе не находилось

подъ опекой государства, не регулировалось какими-либо законами, въ родѣ, напр., закона о всеобщей грамотности и школьной повинности; но былъ, впрочемъ, и законъ, который косвеннымъ образомъ давалъ стимулъ къ воспитанію: если сынъ могъ доказать, что отецъ не прилагалъ усилій къ тому, чтобы дать сыну воспитаніе, то сынъ не обязанъ былъ кормить отца. Отецъ не только не обязывался государствомъ воспитывать ребенка, но онъ даже свободно могъ отказаться отъ него, не признавъ его своимъ. Для признанія ребенка своимъ отецъ долженъ былъ совершить особый обрядъ обнесенія его вокругъ жертвенника и поклясться, что дитя принадлежитъ имъ съ женой, послѣ чего ребенокъ являлся уже полноправнымъ наслѣдникомъ отца. Воспитаніе ребенка въ дѣтскіе годы велось подъ руководствомъ нянекъ и особаго рода людей, извѣстнаго подъ именемъ „педагоговъ“ (или „педономовъ“), откуда и произошло нынѣшнее названіе науки „педагогика“. Педагоги — это лица, обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы смотрѣть за дѣтьми, „водить“ ихъ (παῖς — дитя и ἄγω — веду). Въ педагоги избирался обычно рабъ — и такой рабъ, котораго нельзя было иначе эксплуатировать, т. е., дряхлый старикъ или несчастный калѣка, обыкновенно инородецъ, т. е., варваръ. Относительно же дѣвочекъ нужно замѣтить, что воспитаніе ихъ не только не считалось необходимостью, но въ Аѣинахъ даже совершенно игнорировали его. Поэтому женщины аѣинскія, проводя почти всю жизнь въ гинекейонѣ (теремѣ), въ домашней обстановкѣ, рѣзко отличались отъ мужчинъ своей умственной ограниченностью и отсутствіемъ внѣшней культурности; самая рѣчь у женщинъ была другая, чѣмъ у мужчинъ, именно, она страдала излишней архаичностью. Вообще у аѣинянъ ни для раба, ни для женщины не полагалось никакого воспитанія.

Педагоги, какъ сказано выше, обязаны были „водить“ дѣтей (напр., гулять) и оберегать ихъ, чтобы они не причинили себѣ какого либо зла и не подверглись какому-либо

насилію. На эти обязанности педагоговъ можно найти указаніе и у Платона; одинъ изъ своихъ діалоговъ онъ заканчиваетъ такъ: „хотѣли-было побесѣдовать съ молодыми людьми, но подскочили педагоги и, несмотря на всѣ просьбы учителей, увели юношей домой“.

Казенныхъ училищъ въ древней Греціи не было, и обученіе юношества находилось исключительно въ частныхъ рукахъ, велось частными лицами, извѣстными подъ разными именами, напр., софистовъ. Софистъ (отъ σοφία, мудрость) — это мудрый человѣкъ, обладающій способностью передавать свою мудрость другимъ; сначала это званіе было почетнымъ. Развѣнчали софистовъ Сократъ и Платонъ, выставивши въ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ ихъ самихъ за то, что они брали деньги за свое ученіе, такъ и самое ихъ ученіе. А ученіе софистовъ, какъ извѣстно, имѣло слабыя стороны; напр., какъ мы видѣли выше, они доказывали, что основнымъ принципомъ человѣческихъ отношеній является сила; справедливость заключается въ силѣ: кто силенъ, тотъ и справедливъ. Сократъ же рѣзко отличался отъ софистовъ, во-первыхъ, тѣмъ, что не бралъ денегъ со своихъ слушателей: Сократъ даже самъ навязывался въ учителя, вступая съ учениками въ разговоръ, а, во-вторыхъ, сущностью ученія, такъ какъ Сократъ старался доказать всѣмъ, что никто въ сущности ничего не знаетъ. Платонъ же лично нападалъ на софистовъ еще потому, что ихъ воззрѣнія были философски-слабы, а еще и за то, что они были людьми, настроенными демократически и склонными къ тиранніи, а самъ Платонъ, хотя и прибѣгалъ иногда къ помощи тиранновъ, но въ душѣ былъ аристократомъ.

Между тѣмъ современники не отличали Сократа, какъ вообще учителя, отъ прочихъ софистовъ. Сократъ самъ пытался учиться у софистовъ; мы знаемъ, что однажды онъ слушалъ низшій курсъ у софиста Продика и заплатилъ ему одну драхму, а высшій курсъ, за который плата была 50 драхмъ, Сократу не пришлось прослушать за не-

имѣніемъ денегъ. Аристофанъ, считая Сократа за софиста, осмѣялъ въ лицѣ его софистовъ въ своей комедіи „Облака“. Въ этой комедіи Аристофанъ бичевалъ софистовъ: по его мнѣнію, они развращаютъ юношество, проповѣдая ему о новыхъ божествахъ, — „Облакахъ“, и все ихъ ученіе — туманъ, облака (откуда и самое названіе пьесы), за которое они понапрасну берутъ деньги; Сократъ въ этой пьесѣ между прочимъ почитаетъ „Облака“ — намекъ на натур-философію, которою Сократъ, кажется, на самомъ дѣлѣ никогда не занимался.

Софисты устраивали курсы двухъ видовъ: низшіе и высшіе, которые могъ слушать всякій внесшій установленную плату по таксѣ. Программа школьная, сначала довольно узкая, возрастала постепенно съ увеличеніемъ научной эрудиціи грековъ и съ появленіемъ новыхъ наукъ. Въ Александрійскій періодъ у грековъ установился уже опредѣленный циклъ наукъ, который считался необходимымъ для человѣка, желающаго получить образованіе. Этотъ циклъ состоялъ изъ семи наукъ, напр., грамматики, реторики и философіи, а также математическихъ наукъ: ариеметики, геометріи, астрономіи и музыки. Во времена же Платона школы ставили себѣ цѣлью обученіе грамотности и физическое развитіе. Грамотность не вызывалась требованіемъ государства, а являлась необходимостью для афинянина, какъ гражданина, долженствующаго принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и практически годилась ему, напр., въ торговлѣ.

Обученіе грамотѣ въ то время было дѣломъ нелегкимъ; писали буквы желѣзными грифелями на навощенныхъ доскахъ, и притомъ (во время Платона) буквы не скорописныя, а печатныя. Поэтому написаніе даже отдѣльныхъ словъ, не говоря уже о предложеніяхъ, брало много времени. Самая метода обученія грамотѣ была несовершенною: дѣти сначала заучивали названія буквъ (альфа, бета и т. д.) и знакомились съ ихъ начертаніемъ, а потомъ усвоили самое

произношеніе этихъ буквъ. Платонъ уже упоминаетъ о томъ, что есть буквы главныя (гласныя), есть полугласныя (полугласныя) и есть незвучащія (согласныя); слѣдовательно, у грековъ уже было дѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя. Затѣмъ дѣтямъ показывали сочетаніе буквъ въ слоги и въ цѣлыя слова, которыя и заставляли ихъ срисовывать; послѣ этого уже дѣти приступали къ чтенію сначала по складамъ, а потомъ и цѣлыми словами. Отсутствие удобнаго метода обученія значительно затрудняло успѣшность грамотности.

Чѣмъ же занимались въ низшихъ школахъ? Занятія въ школахъ состояли въ чтеніи поэтовъ и заучиваніи ихъ наизусть. Но такъ какъ книгъ въ то время не было, а рукописи были очень дороги, то учитель долженъ былъ самъ знать поэтовъ наизусть, а ученики заучивали уже съ его словъ. Главнымъ предметомъ изученія былъ Гомеръ, котораго и Платонъ, и Аристотель часто цитируютъ въ своихъ сочиненіяхъ; кромѣ того, изучались стихотворенія Солѳона, имѣющія нравственный характеръ, и басни Эзопа. Поэтому аѳинянамъ въ силу необходимости приходилось упражнять свою память настолько, чтобы она была въ состояніи удерживать все то, что полагалось знать образованному греку; у нихъ держался преувеличенный взглядъ на память, какъ на источникъ знанія, откуда пошло правило: „только то мы знаемъ, что хранимъ въ памяти“; по ихъ мнѣнію, знающимъ являлся только тотъ, кто могъ обнаруживать свои знанія въ каждый данный моментъ по требованію обстоятельствъ безъ всякихъ записей.

Другимъ предметомъ обученія въ школахъ являлась музыка. Слово музыка, по гречески *μουσική*, прилагательное отъ „Муза“, у грековъ имѣло болѣе общее значеніе, чѣмъ теперь: оно обозначало все, что принадлежитъ музамъ, — въ данномъ случаѣ слово, музыку въ нашемъ смыслѣ и вообще способность, привычку къ ритму, къ гармоніи. Учителями музыки были киваристы, получившіе свое

названіе отъ музыкальнаго инструмента, называвшагося китарою. Обязанность китаристовъ заключалась въ томъ, чтобы подъ тактъ заучивать съ учениками различныя пѣсни религіознаго и героическаго характера, т. е., прославленіе боговъ, героевъ и т. д. Эти пѣсни распѣвались съ приплясываніемъ на особыхъ празднествахъ; пѣніе подъ музыку и религіозные танцы хороводами носили названіе оркестрики.

Музыкальными инструментами, кромѣ китары, служили еще лира и флейта. Лира имѣла одну только струну, причемъ ящика для усиленія звука не было у нея; флейта же была во всеобщемъ употребленіи до времени знаменитаго щеголя Алкивіада, который нашель, что этотъ музыкальный инструментъ искажаетъ челоуѣка: „во время игры на флейтѣ приходится надувать щеки“; со времени Алкивіада флейта постепенно вышла изъ употребленія и замѣнена пастушеской свирѣлью.

Музыка считалась настолько же необходимою для древняго грека, насколько и образованность; поэтому музыкѣ греки учились даже въ старости: такъ, Сократъ, напр., въ старости уже бралъ уроки у нѣкоего учителя Конна, который поэтому и прозванъ былъ „*γεροντοδιδάσκαλος*“ — стариковскимъ учителемъ.

Важнымъ предметомъ въ греческомъ воспитаніи была еще гимнастика. Для гимнастики были отведены особые дворы съ хорошо устроенными зданіями. Гимнастическія упражненія дѣтей и взрослыхъ производились сначала совмѣстно, въ одной школѣ; съ теченіемъ же времени для дѣтей отведены были особыя отдѣленія, и школамъ усвоено было названіе „гимназій“ (отъ слова *γυμνός* — нагой). Совокупность гимнастическихъ упражненій называлась „*πένταθλον*“, т. е., было пять главныхъ способовъ упражненій, и заканчивались они кулачнымъ боемъ — панкратиємъ.

Педагогическимъ средствомъ въ греческомъ воспитаніи служило, во-первыхъ, увѣщаніе, а, во-вторыхъ, тѣлесное наказаніе; послѣднее было особенно развито, какъ въ

школахъ, такъ и внѣ школъ, такъ какъ мальчика могъ показывать не только родители и учитель, но и всякій проходящій по улицѣ старецъ (напр., въ Спартѣ), если только мальчикъ велъ себя не подобающимъ ему образомъ.

Совсѣмъ иной, чѣмъ въ Аѣинахъ, характеръ носило воспитаніе у спартанцевъ. Въ Аѣинахъ воспитаніе носило частный характеръ, принадлежало семейной инициативѣ, находилось въ зависимости отъ усмотрѣнія родителей ребенка, или, точнѣе, отъ главы семейства. Въ Спартѣ же ребенокъ принадлежалъ всецѣло государству, а не семьѣ. Самая жизнь ребенка послѣ рожденія зависѣла отъ государства, которое въ лицѣ своихъ старѣйшинъ опредѣляло, годенъ ли ребенокъ для цѣлей государства или нѣтъ; если только ребенокъ выглядѣлъ хилымъ и слабымъ, то его предавали смерти. Воспитаніе ребенка, признаннаго старѣйшинами здоровымъ и оставленнаго жить, до семи лѣтъ находилось въ рукахъ матери: ребенокъ въ этотъ періодъ жилъ въ семьѣ и пользовался ласками матери. Послѣ семилѣтняго возраста ребенокъ передавался въ руки государства. Не смотря на то, что ребенокъ теперь отнимался отъ матери, взаимная привязанность ихъ сохранялась на всю жизнь, и отношенія сына къ матери носили всегда самый трогательный характеръ — черта, которая заслуживаетъ особаго вниманія въ спартанскомъ воспитаніи. Семилѣтки-мальчики собирались въ одну общую группу; эта группа дѣлилась на разряды или роты, подобно тому, какъ въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ, и отдавалась подъ надзоръ особыхъ государственныхъ чиновниковъ. Въ Аѣинахъ воспитаніе имѣло цѣлью развитіе внутренней, духовной стороны и упорядоченіе челоѣка съ внѣшней стороны, т. е., обращалось вниманіе на то, чтобы привить мальчику изящныя манеры, внѣшній лоскъ. Въ Спартѣ же задавались иными цѣлями: здѣсь главное вниманіе обращалось на то, чтобы стереть, уничтожить черты индивидуализма у челоѣка и сдѣлать изъ него гражданина вообще, до самозабвенія покорнаго

своему государству и его правителямъ. Спартанецъ былъ долженъ позабыть о собственной волѣ: личная его воля — ничто передъ волей государства, выраженной въ законахъ; поэтому прежде всего спартанецъ долженъ цѣнить законы государства и всецѣло подчиняться имъ. Отсюда становится понятнымъ для насъ характеръ надписи, сдѣланной на мѣстѣ гибели 300 спартанцевъ во главѣ съ храбрымъ вождемъ ихъ — Леонидомъ. „Странникъ, возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы погибли здѣсь всѣ триста, вѣрные законамъ своего отечества!“

Какія средства примѣнялись для достиженія указанной цѣли воспитанія, цѣли полного повиновенія законамъ государства? Здѣсь прежде всего нужно отмѣнить материнскій авторитетъ, который спартанка стяжала себѣ лаской и любовью, соединенной съ безусловнымъ подчиненіемъ принципу государственности, принципу законности. Спартанскія матери, проникнутыя сознаниемъ важности законовъ, могли, конечно, это сознание прививать и своимъ дѣтямъ. Вотъ почему естественно было въ ту эпоху слышать изъ устъ спартанки, провожающей сына на войну и подающей ему щитъ: „съ нимъ или на немъ“, т. е., или побѣди и возвратись со щитомъ — или же умри, — тогда тебя мертвого принесутъ на щитѣ. И бывали примѣры въ спартанской жизни, что мать убивала собственными руками сына, бѣжавшаго съ поля битвы. Въ виду такого сильнаго вліянія, какимъ располагаетъ мать въ отношеніи своихъ дѣтей, нельзя не признать справедливыми нѣкоторыхъ современныхъ педагоговъ, которые указываютъ, что прежде, чѣмъ говорить о воспитаніи дѣтей, нужно позаботиться о воспитаніи матерей.

Самое воспитаніе спартанское носило очень суровый характеръ. Суровость вообще одна изъ отличительныхъ чертъ дорическаго племени, которая проявилась и въ его отношеніяхъ къ рабскому сословію, такъ какъ у дорянъ съ рабами и илотами обращались очень жестоко. По отношенію къ воспитанникамъ примѣнялись частыя и тяжелыя тѣ-

лесныя наказанія, какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея. По улицамъ обычно ходили особыя чиновники въ сопровожденіи мастигъ форовъ, палачей, вооруженныхъ мастигами, т. е., бичами, и устраивали порки тѣмъ изъ учениковъ, которыхъ замѣчали въ какомъ-нибудь проступкѣ. Право наказанія имѣли въ Спартѣ также и всѣ, старшіе возрастомъ: наказывали или сами собственноручно, или же отводили для наказанія къ чиновнику. Тѣлесныя наказанія пользовались такимъ культомъ среди спартанцевъ, что даже устраивались особыя празднества, на которыхъ сѣкли мальчиковъ; считалось признакомъ особаго мужества, если кто вынесъ истязаніе, не издавъ ни одного стона. Бичеваніе практиковалось не только, какъ средство воспитанія, но и въ нѣкоторыхъ другихъ цѣляхъ; такъ, если ребенокъ толстѣлъ, то эту полноту старались остановить тоже путемъ сѣченія. Такимъ образомъ средствами спартанскаго воспитанія служили: материнскій авторитетъ и тѣлесныя наказанія. Послѣднія практиковались и въ Аѣинахъ, но все же не въ такой степени.

Что же касается аѣинскихъ матерей, то онѣ не имѣли въ дѣлѣ воспитанія почти никакого значенія, такъ какъ онѣ вообще были мало уважаемыми существами и проводили уединенную жизнь въ особомъ отдѣленіи дома; сообщницами ихъ по большей части являлись однѣ рабыни. И, если посмотрѣть съ исторической точки зрѣнія на положеніе женщины въ Аѣинахъ, то мы невольно замѣтимъ такое явленіе: чѣмъ сильнѣе развивается демократическій духъ въ Аѣинахъ, тѣмъ положеніе женщины болѣе ухудшается. Явленіе это нужно объяснить тѣмъ, что съ демократизаціей правленія, когда Аѣинскій гражданинъ большую часть времени проводилъ внѣ дома, на площади (*ἀγορά*), женщина совсѣмъ забывалась. Единственный выходъ изъ безправнаго положенія для женщины — это было сдѣлаться „гетерою“. Изъ среды этихъ „гетеръ“ выдѣлялись иногда замѣчательныя женщины, отмѣченныя даже исторіей, какъ, напр., Аспазія — подруга Перикла, въ сообществѣ которой самъ Сократъ

проводилъ много времени, такъ какъ она была интеллигентною женщиной.

Положеніе спартанской женщины было гораздо выше, чѣмъ положеніе аѣинской: спартанка пользовалась почти одинаковыми правами съ мужчиной. Воспитаніе въ Спартѣ было болѣе физическимъ, чѣмъ умственнымъ, и этого воспитанія не лишены были и женщины. Получая же одинаковое воспитаніе съ мужчинами, женщины стояли на томъ же уровнѣ умственнаго развитія, на какомъ и мужчины, а это самое главное условіе эмансипаціи женщинъ. Проводя свое дѣтство въ гимнастическихъ упражненіяхъ, женщина спартанская сильно укрѣплялась и развивалась физически. Отсюда понятна зависть аѣинянки по отношенію къ спартанкѣ, выраженная въ одной комедіи у Аристофана; тамъ аѣинянка говоритъ спартанкѣ: „какія у тебя плечи, какія у тебя груди; вѣдь ты могла бы укротить вола“ . . . И аѣиняне, не смотря на свою непріязнь къ спартанцамъ, предпочитали брать въ кормилицы къ своимъ дѣтямъ крѣпкихъ, сильныхъ и многообильныхъ спартанокъ.

Программой учебной спартанцы если не совсѣмъ пренебрегали, то во всякомъ случаѣ, относились къ ней равнодушно, почему она въ ихъ школахъ не играла роли и заключена была въ самыя узкіе предѣлы. Спартанцы далеко не всѣ умѣли читать, не говоря уже о письмѣ, которое и въ Аѣинахъ, не смотря на все стремленіе послѣднихъ къ образованію, къ наукѣ, было дѣломъ очень труднымъ. Счетъ у спартанцевъ велся по пальцамъ, тогда какъ у аѣинянъ хорошо знали всѣ четыре ариѣметическія дѣйствія. Необходимость знанія ариѣметики вызывалась въ Аѣинахъ между прочимъ торговыми сношеніями; въ Спартѣ же этой побудительной причины не было, такъ какъ тамъ торговля находилась въ рукахъ періэковъ, полусвободнаго сословія. Реторики и діалектики, философіи, — науки, которыми аѣиняне занимались съ особеннымъ пристрастіемъ, спартанцы вовсе не знали; лакедемоняне вообще говорили

мало, но дѣловито и въ этомъ отношеніи являлись полной противоположностью аѳинянамъ, которые любили поболтать. Аѳиняне смотрѣли на спартанцевъ, какъ на народъ грубый, неученый, а спартанцы на аѳинянь, какъ на болтуновъ.

Въ большой чести у спартанцевъ, какъ и у аѳинянь, была музыка. Но музыку спартанцы изучали не ради самой музыки, а потому что она, во-первыхъ, была необходима при религіозныхъ обрядахъ и для хороводовъ и танцевъ, а, во-вторыхъ, музыка, по законамъ мнемотехники, помогала имъ скорѣе запоминать законы Ликурга и божественныя пѣсни, такъ какъ они разучивали ихъ подъ аккомпаниментъ лиры. По отношенію къ музыкѣ и пѣвнью спартанцы отличались закоренѣлымъ консерватизмомъ; музыкальными инструментами у нихъ, какъ и у аѳинянь, служили лира и кивара, и спартанцы строго слѣдили за тѣмъ, чтобы на нихъ не увеличивалось количество струнъ: спартанцы полагали, что, если измѣнятся ихъ традиціонныя мелодіи, если увеличится количество струнъ, то государство ихъ ослабнетъ. На основаніи такого предразсудка у одного музыканта, который явился къ нимъ не съ 7-ю, а 9-ю струнами на киварѣ, они постановили обрѣзать двѣ новыя, лишнія струны.

Какъ мы уже говорили, воспитаніе спартанскаго ребенка начиналось съ семилѣтняго возраста, и съ этого времени его отрывали отъ семьи. Кто же замѣнялъ ребенку материнскія ласки? Тутъ кроется причина развитія такъ называемой педофиліи старшихъ возрастомъ юношей, а иногда и самихъ надзирателей по отношенію къ младшимъ. Чтобы парализовать это зло, питомцы были раздѣлены на три группы: въ первой группѣ находились имѣющіе отъ 7—12 лѣтъ, во второй отъ 12—15 и въ третьей отъ 15—18. Воспитывающіеся мальчики жили въ особыхъ колоціяхъ, отдѣленныхъ отъ общенія со внѣшнимъ міромъ, и образъ жизни былъ у нихъ очень суровый. Эта суровость находитъ свое объясненіе въ той цѣли, какую преслѣдовало спартанское воспитаніе вообще: изъ молодого поколѣнія нужно было

сдѣлать крѣпкихъ, сильныхъ воиновъ, способныхъ къ перенесенію всевозможныхъ лишеній и трудностей. Поэтому пища была скудная и приготовлена самымъ простымъ образомъ. Спали воспитанники на тростникѣ, который должны были собственноручно безъ помощи ножа наломать въ рѣкѣ. Одежду носили короткую, изъ шерсти: правда, климатъ южный позволялъ ходить въ легкой одеждѣ, но не нужно забывать, что Спарта находилась на гористой мѣстности, а на горахъ бываютъ довольно чувствительные холода.

Остается сказать нѣсколько словъ объ ихъ хороводахъ, на которыхъ музыка являлась необходимою спутницей. Въ хороводахъ принимали участіе мужчины и женщины, но только мужчины въ одной группѣ, а женщины въ другой. Мужская группа распадалась на отдѣленія, состоящія изъ стариковъ, мужей и юношей. Каждое отдѣленіе выполняло особую программу движеній и пѣснй, подъ аккомпаниментъ музыки, при этомъ юноши выражали желаніе скорѣе сдѣлаться воинами, мужчины пѣли, что они уже достигли воинскаго званія, а старцы давали понять, что они еще не утратили своихъ силъ, и, кто хочетъ, можетъ съ ними помѣряться.

Гимнастикой спартанцы занимались съ особенной любовью, такъ какъ она имѣла прямое отношеніе къ воинскому воспитанію. Но Лакедемоняне не заходили такъ далеко въ отношеніи гимнастики, какъ жители Аттики; у послѣднихъ было два рода гимнастики: общая и атлетическая, Лакедемоняне же занимались гимнастическими упражненіями только въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она необходима была для военныхъ цѣлей. Поэтому у лакедемонянъ не практиковался кулачный бой, бывшій въ большомъ ходу у аѣинянъ. И здѣсь нельзя не отмѣнить практическаго превосходства лакедемонянъ передъ Аѣинянами: кулачный бой не столько могъ развить ловкость, сколько повредить и поранить члены борющихся сторонъ. Впрочемъ, пораненіе членовъ (уха, носа и пр.) не только не считалось позоромъ у аѣинянъ,

но даже пользовалось особымъ уваженіемъ, и поэтому мы встрѣчаемъ въ аеинской скульптурѣ фигуры съ поврежденными членами.

Для гимнастическихъ упражненій, какъ у аеинянъ, такъ и у спартанцевъ не было никакихъ приспособленій въ родѣ современныхъ машинъ, параллельныхъ брусьевъ, деревянныхъ кобылъ, козловъ, резиновыхъ тяжей и пр. Гимнастика у эллиновъ была элементарная, и основными пятью формами ея являлись: бѣгъ, прыганіе, борьба, метаніе диска и бросаніе копья. Главная форма гимнастики, она же и болѣе употребительная — это бѣгъ; такъ на Олимпійскихъ играхъ, которыя играли настолько видную роль въ жизни грековъ, что по нимъ даже велось лѣтосчисленіе, побѣдителемъ считался тотъ, кто одерживалъ верхъ въ бѣгѣ. Въ этой формѣ гимнастики обращалось вниманіе прежде всего на скорость, а потомъ и на выносливость, а, если бѣгъ былъ съ препятствіями, то и на ловкость. Бѣгъ былъ простой, въ его естественной формѣ, и фигурный, сопровождавшійся различными выбрасываніями рукъ и ногъ, такъ, чтобы работалъ и развивался весь организмъ. Специально для дѣвушекъ рекомендовался такой бѣгъ, при которомъ ноги отбрасывались бы позади настолько высоко, чтобы онѣ ударяли пятками въ заднюю часть корпуса; съ соблюденіемъ послѣдняго правила дѣвушкамъ рекомендовалось еще подпрыгиваніе, которое являлось тоже женскою гимнастикой. Затѣмъ въ программу гимнастическихъ упражненій входило бросаніе диска и метаніе копья. Дискъ — это круглая металлическая пластинка, которую старались бросить на возможно — далекое пространство съ сохраненіемъ благородной позы; въ такомъ же родѣ производились упражненія и съ копьемъ.

Преимущественно у аеинянъ практиковался еще всеобщій бой, или *παρχατίον*, въ которомъ участвовали тѣ, которые занимались атлетикой. Тутъ дѣло не обходилось безъ ранъ, такъ какъ руки обматывались иногда кожей, набитой гвоздями. Были еще военныя упражненія, ко-

торыя совершались въ полномъ вооруженіи (*δπλα*), или безъ него.

Теперь остается сказать о такъ называемомъ институтѣ эфебовъ, который существовалъ, какъ у іонянъ, такъ и у дорянъ. Въ Спартѣ періодъ воспитанія заканчивался 18-ти лѣтъ, и юноша по достиженіи этого возраста получалъ право носить длинные волосы, которые до сего времени стриглись (у аеинянъ же наоборотъ дѣти носили длинные волосы). Но это не значитъ, что спартанскій юноша дѣлался полноправнымъ гражданиномъ: въ 18-ть лѣтъ онъ только попадалъ въ приготовительный разрядъ, въ которомъ числился два года, а потомъ переходилъ въ разрядъ эреновъ, по-аеински — эфебовъ; тогда переводили его въ особыя казармы, гдѣ онъ отбывалъ воинскую повинность до 30-ти лѣтъ. По достиженіи тридцатилѣтняго возраста онъ дѣлался полноправнымъ гражданиномъ.

У аеинянъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Аеинскій юноша уже 16-ти лѣтъ поступалъ въ разрядъ эфебовъ, а 18-ти лѣтъ онъ заносился въ книги и считался уже гражданиномъ, хотя и неполноправнымъ, такъ какъ не имѣлъ права вступать на государственную должность ранѣе 30-ти лѣтъ.

Эфебы составляли братства, или компаніи и совершали различныя предпріятія; вмѣстѣ съ этимъ начинался для нихъ періодъ отбыванія воинской повинности. Предпріятія эти заключались главнымъ образомъ въ иутешествіи по странѣ въ полномъ вооруженіи. Вступленіе въ разрядъ отбывающихъ воинскую повинность сопровождалось у аеинянъ особымъ обрядомъ, именно: эфебы сначала остригали и бросали въ воду волосы, въ жертву богу рѣки; затѣмъ каждый изъ нихъ получалъ хламиду и плащъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вооруженіе, состоявшее изъ копья и круглаго щита, и отправлялся путешествовать. Это путешествіе имѣло и научную цѣль, такъ какъ на практикѣ знакомило ихъ съ отечествомъ дѣнѣмъ.

Обязанности эфебовъ при отбываніи воинской повинности

заклучались въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, они охраняли границы государства отъ нападенія непріятелей, такъ что эфебы должны были составлять гарнизоны на границахъ отечества. Во-вторыхъ, они должны были: а) являться почетнымъ конвоемъ знатныхъ иностранцевъ, встрѣчать и провожать ихъ до Аѳинъ, б) во время празднествъ въ качествѣ почетной стражи охранять порядокъ и в) готовить суда для плаванія, спускать ихъ въ воду и втаскивать на землю.

Упражненія эфебовъ состояли 1) въ ѣздѣ на колесницахъ и верхомъ, 2) въ стрѣльбѣ изъ лука или пращи и, наконецъ, 3) въ охотѣ. Страсть къ ѣздѣ на лошадяхъ особенно замѣтна была въ Аѳинахъ, и Аристофанъ осмѣиваетъ ее въ „Облакахъ“: у одного де старика сынъ любилъ лошадей, промоталъ на нихъ всѣ деньги, и даже впалъ въ долги; старикъ упрекаетъ сына и говоритъ ему, что лучше бы онъ отправился къ софистамъ и научился, какъ на законномъ основаніи не платить долговъ, но сынъ отвѣчаетъ, что его лицо потеряетъ цвѣтъ отъ занятія науками и ему стыдно будетъ показаться конникамъ; тогда старикъ самъ отправляется учиться къ Сократу. Стрѣляніе изъ лука или пращи въ качествѣ упражненія практиковалось у дорянъ: тамъ часто юношѣ не давали ѣсть, пока онъ не убьетъ для себя какую-либо дичь. Что касается охоты, то она, будучи въ большемъ примѣненіи у спартанцевъ, какъ хорошій способъ практики въ военныхъ цѣляхъ, существовала также и у аѳинянъ; такъ, извѣстно, что, напр., Алкивіаду одна охота обошлась приблизительно въ 3000 рублей.

Сдѣлавши общій обзоръ воспитанія у аѳинянъ и спартанцевъ, мы можемъ теперь подчеркнуть характерныя различія въ дѣлѣ воспитанія у этихъ родственныхъ греческихъ народовъ. Во-первыхъ, аѳиняне заботились о всестороннемъ воспитаніи, физическомъ и умственномъ; Спартанцы же стремились изъ подрастающаго поколѣнія подготовить вѣрныхъ защитниковъ отечества, и потому ихъ воспитаніе сводилось къ укрѣпленію физической организаціи, при игнорированіи

умственной стороны, и къ привитію нравственныхъ правилъ (покорность законамъ, лаконизмъ и др.). Во-вторыхъ, воспитаніе въ Аѳинахъ относилось только къ мужскому полу, женщина же не обращала на себя вниманіе, какъ объектъ воспитанія; въ Спартѣ наоборотъ получали воспитаніе одинаково, какъ дѣти мужского пола, такъ и женскаго. И, въ третьихъ, воспитаніе въ Аѳинахъ носило частный характеръ, находилось въ частныхъ рукахъ, а у Спартанцевъ оно было государственнымъ, составляло обязанность и заботу государства, которое, сообразно со своими цѣлями, выработало и типъ воспитанія.

Ученія Платона о воспитаніи.

Педагогическія доктрины Платона не разъ уже были излагаемы; главною и обычною ошибкой почти всѣхъ приступавшихъ къ изложенію платоновой педагогики было то, что не дѣлалось различія между двумя главными источниками для ознакомленія съ платоновой педагогикой, его двумя наибольшими по объему діалогами: „Государствомъ“ и „Законами“. А эти два діалога совершенно отличаются другъ отъ друга по времени написанія и различіемъ проводимаго устройства, а въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, и всей государственной педагогики. Излагая Платона по обоимъ діалогамъ сразу, обыкновенно впадали въ путаницу и противорѣчіе. Главнымъ образомъ имѣли въ виду педагогику по „Государству“ и не указывали, что у Платона, собственно говоря, двѣ педагогики, т. е. „Законы“ по своему педагогическому значенію игнорировались, какъ особая система, и изъ нихъ брался лишь дополнительный матеріалъ.

Въ цѣляхъ исторической истины, наше изложеніе строго различаетъ обѣ платоновы педагогическія системы, и представляетъ ихъ раздѣльно, въ двухъ самостоятельныхъ главахъ. Наболѣе важною, конечно, является ранняя, первая система („по Государству“); позднѣйшая, вторая система (по „Законамъ“) менѣе интересна и менѣе философична.

I. Воспитаніе по „Государству“.

По мнѣнію „Сократа“, главнаго персонажа въ діалогѣ „Государство“, всякое государство рождается отъ того, что одинъ человѣкъ въ отдѣльности, самъ по себѣ не имѣетъ возможности удовлетворить своимъ потребностямъ и нуждается въ помощи другихъ. А что нужно человѣку для жизни? — Нужна пища, безъ которой нельзя поддерживать существованіе, потомъ нужны жилище и одежда, чтобы защищать тѣло отъ стужи и зноя, и вообще многое другое еще нужно для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ. Итакъ, государство должно состоять изъ земледѣльцевъ, плотниковъ, ткачей, кожевниковъ и многихъ другихъ мастеровыхъ, которые своими занятіями поддерживаютъ жизнь гражданъ; каждый такой мастеръ будетъ дѣлать свое дѣло и помогать другъ другу. При дальнѣйшемъ развитіи государства появляется у людей потребность въ вещахъ, служащихъ и зяществу и украшенію жизни — родится роскошь и нѣга не безъ порчи для государства; отсюда выйдетъ то, что понадобятся еще художники, которые своими занятіями будутъ уже удовлетворять не необходимымъ потребностямъ жизни, а только удобствамъ. Съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа гражданъ придется для наиболѣе легкаго удовлетворенія желаній всѣхъ вести войны съ пограничными государствами; поэтому понадобится особое сословіе воиновъ, безъ которыхъ нельзя обезпечить безопасность и благосостояніе общества. Всѣмъ гражданамъ сразу заниматься военнымъ дѣломъ неудобно, всякій занимается своимъ собственнымъ дѣломъ. Не каждый имѣетъ возможность и способность къ веденію войнъ; такимъ образомъ сословіе воиновъ получаетъ особенную важность. Но чѣмъ это сословіе становится важнѣе, тѣмъ болѣе необходимо совершать ихъ выборъ внимательно, т. е., предпочитать людей, по своей тѣлесной и душевной природѣ наиболѣе годныхъ

для военной дѣятельности. По мнѣнію Платона, къ воинамъ нужно относить тѣхъ, которые одарены остротою чувствъ, быстрыми ногами, крѣпкими силами и горячностью души.

При выборѣ воиновъ необходима величайшая осторожность. Сила и горячность души могутъ переродиться въ дерзость и насиліе по отношенію къ другимъ гражданамъ: поэтому Платонъ думаетъ, что можно воспитаніемъ пересоздавать людей и что можно будущимъ воинамъ давать такое воспитаніе, посредствомъ котораго въ нихъ удалось бы совмѣщать добродѣтель съ кротостью и любовью къ мудрости. Воспитаніе воиновъ получаетъ въ педагогикѣ Платона особенную важность. Какія же къ тому средства? Таковыхъ два главныхъ: тѣло надо развивать гимнастикой, а душу музыкою.

Къ музыкѣ прежде всего относятся разнаго рода рассказы и рѣчи, а изъ рѣчей однѣ бываютъ истинныя, другія преисполнены лишь обмана; обманныхъ рѣчей надо всячески остерегаться, чтобы ими не развратить дѣтскихъ душъ; особенно опасны обаятельные, но пустые рассказы поэтовъ; изъ поэтовъ нужно дѣлать старательный выборъ, а лживыя рѣчи ихъ нужно отвергать и всячески скрывать; таковы рассказы Гомера, Гезіода и другихъ поэтовъ, приписавшихъ богамъ дѣла, недостойныя божеской природы. Поэты говорятъ, якобы боги совершали дѣла безчестныя, развратныя, питали другъ къ другу вражду; а дѣтямъ надо предлагать такіе рассказы, чтобы они помогли пробужденію въ нихъ добродѣтели, развитію и укрѣпленію ея. Бога нужно описывать такимъ, какой онъ есть въ дѣйствительности, т. е., благимъ и добрымъ. Нельзя выставлять кого бы то ни было изъ боговъ въ видѣ обманщика, принимающаго на себя разные виды и метаморфозы; вѣдь природа его проста и не подлежитъ перемѣнѣ; нечестиво думать, будто богъ станетъ принимать разные образы, чтобы обманывать людей. Богъ есть величайшая истина, чуждая всякой лжи.

Какія стороны души нужно развивать въ будущихъ воинахъ? Во первыхъ, набожность и благочестіе, во вторыхъ, мужество. Надобно опасаться, чтобы юноши не читали такихъ вещей, которыя могутъ ослабить ихъ храбрость: нельзя давать имъ рассказы о будущей смерти, о тяжестяхъ жизни за гробомъ въ аду, сообщаемыя поэтами жалобы и плачь боговъ и великихъ мужей или рассказывать объ ихъ неумѣренномъ смѣхѣ, который свидѣтельствуеетъ, что въ душѣ мало твердости и мужества. Затѣмъ нужна будущимъ воинамъ любовь къ истинѣ; отступать отъ правды разрѣшается лишь правителямъ государства въ нѣкоторыхъ случаяхъ — для сохраненія общаго блага, но частнымъ лицамъ всякаго рода неправда возбраняется. Потомъ нужно прививать юношамъ разсудительность, которая выскажется въ нихъ тогда, когда они будутъ покорны правителямъ и не станутъ рабствовать страстямъ. Мы должны заботливо скрывать отъ будущихъ воиновъ все, чѣмъ ослабляется должное повиновеніе закону и властямъ и то, чѣмъ воспламеняются страсти, а не разсудительность; потомъ нельзя въ глазахъ юношей въ рѣчахъ и разсужденіяхъ унижать достоинство справедливости; опять-таки поэты въ этомъ отношеніи опасны, когда они изображаютъ, что справедливость въ жизни приноситъ человѣку бѣдствія и опасности, а несправедливое соединено съ большими выгодами и удобствами.

Какіе роды поэтическихъ произведеній наиболѣе пригодны для собесѣдованія и чтенія юношамъ? Все, что рассказывается поэтами, относится либо 1) къ настоящему, 2) либо къ прошедшему, 3) либо къ будущему; притомъ рассказъ бываетъ либо простой, когда мы сами рассказываемъ кому-нибудь другому, либо подражательный, когда мы говоримъ отъ лица другихъ, подражая ихъ образу мыслей или нравамъ, или смѣшанный изъ простаго и подражательнаго. Отсюда истекаетъ три рода поэзіи:

первый — лирической, когда поэт высказывает свои собственные чувствованія, второй — драматической, когда поэт ограничивается и подражаніемъ другому, въ третьихъ — эпической, когда къ простому повѣствованію присоединяется подражаніе. Спрашивается, можно ли въ идеальномъ государствѣ терпѣть поэзію подражательную? или, наоборотъ, слѣдуетъ запретить всякаго рода подражательность? Общимъ закономъ государства служить правило *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*, каждому дѣлать свое собственное дѣло, не мѣшаться въ дѣла другихъ; слабость нашей человѣческой природы не допускаетъ того ожиданія, что де, занимаясь сразу многими дѣлами, мы можемъ достигнуть хоть въ одномъ какомъ-либо нѣкотораго совершенства.

Дѣло стражей государства, воиновъ (фюлаковъ) заключается въ томъ, чтобы защищать свободу и независимость своего отечества и, слѣдовательно, имъ надо избѣгать занятій, состоящихъ въ подражаніи чужимъ занятіямъ. При томъ, если мы въ юные годы будемъ подражать другимъ, то эта чужая природа, нами передразниваемая, вѣдряется въ нашъ характеръ и повреждаетъ его. Представимъ себѣ, что будущій воинъ подражаетъ женѣ, ссорящейся съ мужемъ, или хвастающей, или плачущей; или онъ станетъ передразнивать слугу, либо пьянаго — все это не соотвѣтствуетъ обязанностямъ военнаго человѣка; съ этимъ подражаніемъ онъ приметъ въ душу многое, недостойное стража государства. Пожалуй, можно допустить подражаніе рѣчамъ и нравамъ добрыхъ и храбрыхъ людей; это нѣсколько еще способствуетъ возвышенію и утвержденію добродѣтели.

Что касается стиховъ, то стихъ составляется изъ трехъ частей: изъ самыхъ словъ, гармоніи и ритма, — два послѣдніе должны быть приурочены къ словамъ. Не могутъ быть допускаемы слова плаксивыя и жалобы; стало быть, нельзя въ идеальномъ городѣ допускать мелодіи жалобныя, лады и тоны мягкіе, расслабляющіе, изнѣживающіе душу

юношей; можно терпѣть только тоны, свойственные людямъ мужественнымъ и разсудительнымъ, — тѣмъ болѣе, что эти тоны не требуютъ ни артистовъ, ни многихъ инструментовъ. Ритмы должны соблюдать простоту, свойственную мужеству и разсудительности. Вообще же характеръ стиховъ и зависящая отъ нихъ достойная гармонія могутъ быть порождены только благою душою. Поэтовъ нужно закономъ ставить въ извѣстныя рамки и предѣлы. И вообще необходимо заботиться, чтобы всякаго рода художники и мастера стремились изгонять изъ своихъ произведеній все, враждебное чувствамъ добраго и честнаго. Правильное преподаваніе музыки зарождаетъ въ душѣ прекрасную гармонію всѣхъ добродѣтелей: разсудительности, мужества, благородства; а великодушіе изгоняетъ всякую похоть, которая лишаетъ душу постоянства.

Обратимся къ изученію гимнастики. Душа дѣлается доброю не отъ тѣла, а наоборотъ, тѣло становится добрымъ отъ души. Надобно знать: что здоровая душа повелѣваетъ, чтобы сохранить здоровье тѣлесное? Прежде всего стражи должны воздерживаться отъ пьянства, ибо стражу стыдно имѣть нужду для себя самого въ стражѣ, затѣмъ стражъ не долженъ жирѣть отъ разнаго рода излишествъ — излишества не укрѣпляютъ, а расслабляютъ тѣло, зарождая множество болѣзней, дѣлаютъ его неспособнымъ переносить жаръ и холодъ. Для воиновъ, для стражей нужно довольствоваться пищею простою и умѣренной, отвергая всякія лакомства. Съ неумѣренностью зарождается въ городѣ много судебныхъ мѣстъ и врачей, а потребность въ судьяхъ и врачахъ указываетъ на худое состояніе государства. Искусства судебное и врачебное, какъ средства противъ неводержанія и болѣзней, не нужны въ идеальномъ государствѣ. Граждане, неся свои обязанности, не имѣютъ времени хворать. Нужно постановить опредѣленные законы относительно хорошихъ врачей и судей въ государствѣ. Вообще юношей нужно воспитывать съ помощью простой музыки и гимнастики

такъ, чтобы они не нуждались ни въ судьбѣ, ни во врачѣ. Гимнастика необходима не столько для того, чтобы возвысить силу тѣлесную, сколько для того, чтобы въ душѣ развить характеръ пылкости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кротости. Поэтому гимнастику всегда нужно соединять съ музыкою. Одна только гимнастика — безъ музыки — производитъ въ юношѣ жестокость и дикость; одна музыка — безъ гимнастики — изнѣживаеъ человѣка и даетъ ему характеръ женоподобный.

Высшее правленіе въ государствѣ нужно ввѣрять старшимъ и превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ стражей на томъ основаніи, что они знаютъ всѣ способы сохранить государство и управлять имъ. Изъ этихъ старшихъ надо привлекать къ управленію тѣхъ, кто особенно проявилъ свою ревность и любовь къ государству. Чтобы не ошибиться въ выборѣ, приготовляемые къ избранію должны быть наблюдаемы съ самаго ихъ дѣтства: тогда можно совершенно увѣриться въ ихъ характерѣ и образѣ мыслей. Такіе избранники, которые всю жизнь выказывали себя съ лучшей стороны, сумѣютъ предохранить городъ отъ внѣшнихъ опасностей, а еще болѣе отъ внутреннихъ волненій.

Для того, чтобы всѣ граждане жили между собой согласнo, надобно имъ внушать, что, положимъ, они — всѣ братья между собой, но не всѣ по своимъ природнымъ дарованіямъ способны къ несенію одинаковыхъ должностей; одни рождаются для управленія, другіе для помощи управителямъ въ качествѣ воиновъ, а третьи — для низшаго сословія ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Людей по ихъ природнымъ дарованіямъ можно раздѣлять, какъ металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо; бываетъ, что отъ отца золотого родится сынъ желѣзный и наоборотъ. Нужно стараться, чтобы всякій гражданинъ попадалъ въ то сословіе, и несъ тѣ занятія, къ которымъ предназначила его природа; если этимъ пренебрегать, то государство можетъ быть разрушено до основанія. Мѣсто жительства воиновъ должно быть расположено такъ, чтобы имъ удобно было удержать

внѣшняго врага и обуздывать внутреннихъ возмутителей: а чтобы они сами не явились расхитителями государства, изъ ихъ души необходимо искоренить корыстолюбіе. Пусть они помнятъ, что, разъ у нихъ душа золотая, то не на что имъ металлическое золото! Воинамъ нельзя давать никакихъ владѣній, личныхъ или наслѣдственныхъ, содержать ихъ нужно на счетъ государства, имъ нельзя даже прикасаться къ золоту.

Если не держать воиновъ или стражей (фюлаковъ) въ такой строгой, простой и неприхотливой жизни, то они не станутъ исполнять своихъ обязанностей, отчего погибнетъ государство. Вообще два обстоятельства особенно мѣшаютъ несенію гражданскихъ обязанностей: съ одной стороны, чрезмѣрное богатство, поражающее роскошь, лѣность и нѣгу, съ другой, недостатокъ средствъ, отчего происходятъ въ обществѣ волненія, преступленія и пороки. Но можно ли безъ богатства и безъ матеріальныхъ средствъ государству вести войну съ сосѣднимъ государствомъ? По мнѣнію Платона, можно, потому что его идеальные граждане будутъ чужды изнѣженности, расслабляющей ихъ силы, и далеко превзойдутъ воиновъ у сосѣдей, во вторыхъ, прославившись своимъ воздержаніемъ у богатыхъ сосѣдей, они легко будутъ съ ними входить въ дружескія отношенія; у сосѣдей же, благодаря неравному богатству гражданъ, будетъ не одно государство, но много враждебныхъ другъ другу сословій и классовъ, значить, неостанетъ согласія.

Что касается положенія женщины, то, хотя женщины отъ природы и слабѣе мужчины, но ихъ нельзя и отстранять отъ изученія гражданскихъ обязанностей. Онѣ способны къ нимъ, ихъ тоже наравнѣ съ мужчинами нужно учить и образовывать съ помощью музыки и гимнастики, чтобы онѣ упражнялись въ добродѣтели. У женщинъ природныя наклонности и способности тоже не одинаковы; однѣ изъ нихъ будутъ поступать въ сословіе воиновъ или фюлаковъ, другія съ высшими способностями

могутъ быть допускаемы и въ званіе архонтовъ, или правителей.

Жены въ сословіи фюлаковъ и дѣти ихъ должны быть общими для государства: очень полезно имѣть самыхъ превосходныхъ гражданъ, отличающихся въ добродѣтели. Чтобы поколѣніе стражей не вымирало, необходимо архонтамъ соединять бракомъ самыхъ лучшихъ юношей и дѣвицъ. Для наилучшаго успѣха браками должно завѣдывать само правительство; именно, въ извѣстные праздничные дни оно будетъ собирать молодежь, бросать жребіи, искусно поддѣланные, и устраивать такъ, чтобы лучшія пары соединились между собой, а худшія съ худшими; чтобы не было обиды и досады, необходимо держаться жребія, но въ интересахъ государства жребіи надобно поддѣлывать. Предѣлъ дѣтороженія для мужчинъ съ 30 до 35 лѣтъ; брачныхъ соединеній по собственному избранію и безъ указанія правительства отнюдь допускать нельзя. Для того, чтобы число хорошихъ фюлаковъ росло, наиболѣе отличившіеся въ добродѣтели получаютъ отъ старцевъ разрѣшеніе сходиться съ женами чаще и внѣ установленныхъ сроковъ. Рожденныхъ дѣтей нужно воспитывать на счетъ государства, въ такомъ мѣстѣ, которое недоступно для прочихъ гражданъ, гдѣ дѣтей будутъ питать кормилицы, избираемая изъ числа родившихъ женщинъ, особенно богатыхъ молокомъ; родившіеся отъ худшихъ паръ, или отъ браковъ, черезчуръ раннихъ или позднихъ, или отъ соединеній, происшедшихъ безъ опредѣленія со стороны старцевъ, воспитывать надо отдѣльно, чтобы не смѣшать благородныхъ плодовъ съ испорченными. Особенно надо опасаться, чтобы матери не узнавали своихъ дѣтей, и чтобы дѣти тоже никакъ не могли угадать, кто именно ихъ родители. Имена отца, матери, сына и дочери прилагаются къ старшимъ безразлично и обусловливаются лишь возрастомъ. Благодаря этому, между всѣми возникнетъ величайшая любовь и согласіе, потому что всѣ будутъ считать другъ друга

роднею ; если что случится съ однимъ, всѣ будутъ относить несчастье къ себѣ, какъ бываетъ и въ человѣческомъ тѣлѣ, когда при пораженіи одного органа всѣ прочіе чувствуютъ эту болѣзнь.

Эти законы будутъ спасительны для общества. Самое высшее благо государства есть единство и согласіе, которыя этими законами утверждаются. Правители и стражи не будутъ господами, а будутъ лишь охранителями и защитниками отечества, а нисшія сословія не будутъ рабами, а будутъ лишь кормильцами, поильцами и одѣятелями высшихъ сословій ; правители не будутъ имѣть собственности, все будутъ получать отъ государства. Не будетъ повода къ тяжбѣ изъ-за наслѣдства, не будетъ дерзости, насилія, — все будетъ держаться въ предѣлахъ долга, благодаря уваженію, стыду и страху передъ старшими ; всѣ граждане будутъ вести жизнь самую счастливую, да и стражи не лишены будутъ счастья, потому что принимаютъ участіе въ общемъ благоденствіи, а послѣ смерти, какъ и при жизни, удостоиваются величайшихъ почестей.

Съ самаго нѣжнаго возраста дѣтей нужно приучать къ воинскому мужеству ; для этого матери носятъ ихъ съ собой на войну. Военная дисциплина должна быть самая наистрожайшая ; покидающіе строй должны быть подвергаемы суровымъ наказаніямъ, а мужественно сражающіеся или жертвующіе жизнью имѣютъ право на награды. И получающіе почести воины различаются какъ воины противъ варваровъ, и воины противъ соплеменныхъ эллиновъ. Варвары суть враги грековъ по природѣ : ихъ надо поборать неумолимо ; грековъ же надо щадить, нельзя плѣнныхъ продавать въ рабство, опустошать поля, жечь дома.

Для того, чтобы поскорѣе осуществить идеальное государство, необходимо, чтобы впредь высшее управленіе государствомъ связывалось съ философіею. Нельзя ожидать ничего хорошаго, пока не будутъ философы царствовать или цари философствовать. Философъ есть тотъ, кто

любить мудрость и стремится къ ней, увлекаясь ненасытною жаждою познания; философы не увлекаются тѣлесными образами вещей, но погружаются въ изученіе вѣчныхъ идей, особенно идей добра и высшей справедливости. Находя удовольствіе преимущественно въ мудрости, философы не будутъ думать о тѣлесныхъ удовольствіяхъ, будутъ разсудительны и умѣренны; вращаясь постоянно мыслью въ кругу вѣчныхъ, божественныхъ вещей, философы-правители будутъ презирать смерть, не обнаруживать ни малодушія, ни трусливости, будутъ великодушны, мужественны, воздержны, благородны, справедливы, благодущны. Философъ-правитель долженъ быть ученымъ, долженъ быть одаренъ хорошей памятью, безъ которой онъ не могъ бы заниматься наукой. Истина сродна симметріи и гармоніи; поэтому невозможно, чтобы человѣкъ, изучающій научную истину, былъ суровъ и непривѣтливъ, т. е., обладалъ бы дурнымъ характеромъ.

II.

Педагогика Платона по его сочиненію „Законы“.

Сочиненіе „Законы“ является вторымъ опытомъ Платона построить идеальное государство. Здѣсь онъ менѣе предается порывамъ своей фантазіи и болѣе считается съ требованіями дѣйствительности. Прежде всего неумѣренныя и фантастическія построенія значительно ограничиваются въ „Законахъ“; но, разумѣется, нѣкоторыя общія черты остаются и здѣсь по сравненію съ „Государствомъ“; и здѣсь женщина равноправна съ мужчиной, считается способной занимать общественныя и начальственныя должности, нести военную службу. Разница съ „Государствомъ“ та, что въ „Государствѣ“ для женщинъ - стражей военная служба ихъ главное дѣло, а здѣсь женскій полъ образуетъ собою только вспомогательныя войска, на примѣръ, онѣ занимаютъ, во время войны, когда всѣ мужчины идутъ сражаться, въ городѣ караулы.

Вступить въ бракъ подъ страхомъ наказанія обязательно для мужчины отъ 30 до 35 лѣтъ, а дѣвушки обязаны выйти замужъ въ возрастѣ съ 17 до 20 лѣтъ. Періодъ чадорожденія продолжается 10 лѣтъ, но изъ каждаго брака обязательно долженъ произойти, по меньшей мѣрѣ, одинъ мальчикъ и одна дѣвочка. Для бѣльшаго сближенія гражданъ введены, по образцу обычая острова Крита, общественные обѣды (сисситіи); продукты земли собираются всѣ вмѣстѣ и потомъ уже дѣлятся между гражданами.

Среди гражданъ принципъ „дѣлай каждый свое дѣло“ и здѣсь проводится строго. Главною задачей полноправнаго гражданина является дѣятельность политическая; ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права заниматься торговлею или ремесломъ; эти занятія разрѣшаются лишь полусвободнымъ поселенцамъ, но и для послѣднихъ законъ подъ самымъ строгимъ наказаніемъ разрѣшаетъ заниматься только однимъ искусствомъ или однимъ какимъ-нибудь ремесломъ.

Что касается самаго воспитанія дѣтей, то Платонъ значительно умаляетъ свои идеалы, какіе онъ высказалъ въ „Государствѣ“. Воспитаніе по классамъ или сословіямъ не проводится; оно не лежитъ уже непосредственно въ рукахъ самаго государства, но носитъ болѣе семейный характеръ. Правда, произвола въ отдѣльныхъ семействахъ въ дѣлѣ воспитанія быть не должно; все еще семейства должны воспитывать дѣтей по одному образцу, одинаково.

Воспитаніе ребенка начинается съ заботы о немъ еще до его рожденія; именно: беременная женщина, будущая мать, должна много гулять, воздерживаться отъ излишествъ въ удовольствіяхъ, избѣгать мрачнаго настроенія духа. Для общаго наблюденія за воспитаніемъ будущихъ гражданъ есть особый чиновникъ, называемый эпимелетъ; эта должность самая важная въ государствѣ; онъ долженъ быть не моложе 50-ти лѣтъ и имѣть по возможности дѣтей обоого пола. Эпимелетъ наблюдаетъ за воспитаніемъ какъ

мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ во всемъ государствѣ; но не только онъ, но вообще всѣ граждане имѣютъ право и даже обязаны въ случаѣ очевиднаго нарушенія законовъ наказывать не только дѣтей, но даже ихъ руководителей и учителей. Главное ученіе состоитъ въ наблюденіи дѣтьми хорошаго образа жизни ихъ родителей и вообще старшихъ.

Въ первые годы жизни ребенку нужно движеніе; кормилицы обязываются закономъ носить дѣтей въ поле или въ священныя рощи, находящіяся вокругъ храмовъ или, наконецъ, къ ихъ родственникамъ; нужно наблюдать, чтобы нѣжные члены малаго ребенка не искривлялись; особенное вниманіе обращаетъ Платонъ на одинаковое развитіе обѣихъ рукъ, какъ правой, такъ и лѣвой, что важно для гимнастики и для военныхъ дѣйствій. Необходимо обращать вниманіе на правильное развитіе чувствованій — съ самой ранней поры нужно приучить ненавидѣть то, что заслуживаетъ ненависти, и любить то, что слѣдуетъ любить. Нравственныя стремленія прививаются дѣтямъ путемъ навыка и привычки, пока они сами еще не въ состояніи давать себѣ сознательный отчетъ и направлять свою дуню, согласно требованіямъ разума; правильная жизнь состоитъ въ спокойномъ, ровномъ настроеніи, а это пріобрѣтается только привычкой съ ранняго младенчества.

Съ 3 лѣтъ отъ роду начинается второй періодъ воспитанія. Здѣсь у дѣтей появляется потребность въ играхъ и забавахъ, врожденная въ этомъ возрастѣ; какъ только дѣти соберутся вмѣстѣ, они начинаютъ придумывать себѣ игры. Дѣти этого возраста безъ раздѣленія по поламъ должны собираться вмѣстѣ по кружкамъ (*ἀγέλαι*) въ сосѣднихъ рощахъ по мѣсту жительства родителей. Игры по возможности должны заключать въ себѣ поучительный элементъ. Дѣти все время находятся подъ бдительнымъ наблюденіемъ нянекъ, но самыя няньки находятся подъ наблюденіемъ 12 почтенныхъ женщинъ, которымъ ввѣряется полная власть надъ дѣтскими кружками. Рабовъ и рабынь

эти женщины наказывают сами. За неисполненіе законныхъ требованій граждане въ спорныхъ случаяхъ отсылають къ властямъ, къ номофюлакамъ, а въ несомнѣнныхъ случаяхъ наказываютъ сами.

Третій возрастъ начинается съ 6-ти лѣтъ; здѣсь уже полы раздѣляются, — мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно, но все-таки, играя, учатся; поучительный элементъ въ этихъ играхъ долженъ быть уже серьезнѣе, чѣмъ во второмъ періодѣ. Еще съ этого возраста надо внушать дѣтямъ необходимость подчиняться законамъ и строго ихъ сохранять. Правила игры должны оставаться неизмѣнными, — кто въ этомъ возрастѣ не будетъ соблюдать правилъ игръ, изъ того впослѣдствіи выйдетъ революціонеръ, тотъ привыкнетъ все измѣнять и дѣлать по своему, по новому. Въ этомъ же возрастѣ рассказываютъ дѣтямъ и сказки. Платонъ запрещаетъ рассказывать страшныя сказки, потому что дѣти не должны знать ложнаго страха, но, такъ какъ няньки и матери не могутъ отъ страшныхъ сказокъ удержаться, то сказки дѣтямъ Платонъ опредѣляетъ рассказывать только 60-ти лѣтнихъ стариковъ, сказочниковъ. Что касается наказанія дѣтей, то Платонъ требуетъ середины; баловство дѣлаетъ характеръ дѣтей тяжелымъ, вспыльчивымъ и раздражительнымъ, суровое наказаніе принижаетъ ребенка, лишаетъ самостоятельности, вызываетъ нелюбовь къ людямъ. Съ дѣтьми надо поступать такъ же, какъ и съ рабами, т. е. не слѣдуетъ вызывать ихъ раздраженіе слишкомъ суровымъ наказаніемъ, но не слѣдуетъ оставлять безъ наказанія и терпѣть распушенность.

Главные предметы обученія и въ „Законахъ“ гимнастика и музыка; полегоньку можно начать заниматься ими и въ этомъ третьемъ періодѣ, т. е. еще до 10 лѣтъ. Къ гимнастикѣ относятся и танцы, и борьба; танцы — тѣ, которые нужны для священныхъ процессій, борьба — такая, которая развивала бы здоровье и силу. Ариѳметикѣ надо

учиться по египетской системѣ: во время игръ дѣти считаютъ число бойцовъ и дѣлятъ яблоки и т. д.

Съ 10 лѣтъ начинается уже серьезное обученіе, продолжающееся еще 10 лѣтъ, т. е. до 20 лѣтъ. Предметы обученія грамота, музыка, гимнастика и математика. Грамота, т. е. умѣніе читать и писать, занимаетъ времени три года; когда дѣти немного научились читать, ихъ заставляютъ учить наизусть назидательныя произведенія поэзіи, гдѣ есть нравственное наставленіе или перечисленіе доблестныхъ героевъ, какъ примѣровъ для будущихъ гражданъ. Съ 13 лѣтъ назначается еще три года для изученія музыки. Трехлѣтній срокъ для музыки обязательнъ; ничто не можетъ его измѣнить, ни родители, ни способности дѣтей. Съ музыкою соединяется изученіе лирической поэзіи; къ игрѣ на инструментѣ присоединяется унисонное пѣніе. Съ 16 лѣтъ начинается обученіе наиболѣе сложнымъ и труднымъ гимнастическимъ приѣмамъ, а также ознакомленіе съ военными приѣмами; молодые люди учатся владѣть оружіемъ, учатся военному строю и верховой ѣздѣ. Этой военной гимнастикѣ учатся не только юноши, но и дѣвочки. При такомъ условіи въ случаѣ надобности весь народъ можетъ выступить въ походъ на защиту родины. Съ гимнастикой соединяются танцы, полныя красоты и граціи; но не зная дурного, нельзя знать и хорошаго, поэтому нужно изучать и другого рода танцы: смѣшныя или безобразныя. Дѣти должны видѣть и такіе танцы, но сами ихъ отнюдь не должны исполнять; исполненіе смѣшныхъ танцевъ поручается рабамъ или иностранцамъ. Математика раздѣляется на три отдѣла: логистика, геометрія и астрономія; какое между ними различіе, не совсѣмъ ясно, равно не ясно, какъ распредѣляются эти отдѣлы при обученіи. Математикѣ учатся до 18 лѣтъ. Съ 18 л. молодые люди отбываютъ воинскую повинность, уже не учатся наукамъ. Къ 20 годамъ общій курсъ воспитанія кончается.

Педагогика Аристотеля.

Изъ сочиненій Аристотеля особенное значеніе для исторіи педагогики имѣетъ его „Политика“. По свидѣтельству Аристотеля, въ его время уже существовала у грековъ довольно обширная педагогическая литература, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшая. Аристотель не даетъ такой единообразной и идейной системы, какъ Платонъ; сообразно общему характеру своей ученой дѣятельности, Аристотель изображаетъ современное ему положеніе науки, приводитъ тогдашніе научные споры и вообще старается освѣтить всякую проблему съ разныхъ точекъ зрѣнія.

По отношенію къ своему старому учителю Платону, или вѣрнѣе, къ его первой педагогикѣ (въ „Государствѣ“) Аристотель относится очень критически и отнюдь не раздѣляетъ его крайнихъ воззрѣній. Всѣ, такъ сказать, „буржуазныя“ опроверженія, какія можно привести противъ государственныхъ теорій Платона, приведены уже у Аристотеля.

Въ противоположность Платону съ его теоретическими увлеченіями Аристотель всюду старается опереться на опытъ, на историческіе и этнографическіе факты, на наблюденія въ прошломъ, на наблюденія у чужихъ племенъ, и даже на факты изъ животной психологіи.

Особенную цѣну придаетъ замѣчаніямъ Аристотеля то обстоятельство, что онъ былъ по своему образованію и по своей наслѣдственной профессіи врачомъ и педагогическія свои положенія подкрѣплялъ свѣдѣніями медицинскими.

Платонъ, какъ мы видѣли, съ одной стороны, рвался мыслию въ будущее, а съ другой, искалъ идеаловъ отчасти и въ исторіи, а именно, заимствовалъ для своего идеальнаго государства многое изъ государственнаго быта и педагогической практики спартанцевъ. Въ глазахъ Аристотеля спартанцы не имѣютъ такого высокаго авторитета; онъ одобряетъ, правда, ихъ принципъ государственнаго воспита-

нія, но не преклоняется предъ ихъ системою воспитанія и не вѣритъ въ ихъ превосходство даже въ отношеніи гимнастики и физическихъ упражненій.

Переходимъ къ ученію Аристотеля о воспитаніи.

По мнѣнію Аристотеля, заботы воспитателя о ребенкѣ должны начинаться еще до его рожденія на свѣтъ. Законодателю необходимо имѣть въ виду, чтобы будущіе граждане имѣли, какъ можно, лучшее тѣлосложеніе; поэтому его первою заботою является опредѣлить условія брачнаго союза, — тѣ условія, при которыхъ люди должны вступать въ бракъ. Нужно смотрѣть и на качества сочетающихся бракомъ лицъ и на ихъ возрастъ, чтобы сходились между собой лица, соотвѣтствующія одинъ другому по возрасту, и чтобы силы ихъ не расходились такъ, что мужъ еще въ состояніи рождать, а жена уже неспособна къ дѣтороженію, или наоборотъ. Это, говоритъ онъ, обыкновенно служитъ причиной супружескихъ раздоровъ и взаимныхъ несогласій. Во вторыхъ, законодатель долженъ установить время, въ которое дѣти должны оставлять своихъ родителей. Это не должно быть съ одной стороны въ очень раннемъ возрастѣ дѣтей, потому что въ такомъ случаѣ и родители не могли бы пользоваться благодарностью дѣтей за воспитаніе, и дѣти не получали бы отъ родителей надлежащей помощи, но съ другой стороны, нельзя и оставаться дѣтямъ при родителяхъ вмѣстѣ черезчуръ долго, потому что взрослая дѣти уже менѣе почтительны къ родителямъ. Третья задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы дѣти самымъ тѣломъ своимъ соотвѣтствовали потребностямъ государства; впрочемъ, всѣ эти три вопроса сводятся къ одному основному — къ вопросу о бракѣ.

Возрастъ, способный къ роженію дѣтей, Аристотель опредѣляетъ для мужчинъ въ 17 лѣтъ, для женщинъ — въ 15. Съ этого возраста и можно вступать въ бракъ. Бракъ черезчуръ молодыхъ лицъ обыкновенно неблагопріятенъ для чадороженія. И у животныхъ дѣти молодыхъ

производителей обыкновенно не отличаются совершенством: малы ростомъ и выходятъ женскаго пола; также въ тѣхъ государствахъ, гдѣ по обычаю слишкомъ рано вступаютъ въ бракъ, поколѣніе обыкновенно слабо и мало ростомъ, а молодыя матери во время родовъ страдаютъ болѣе, многія даже умираютъ, — и ради умѣренности чувственнаго наслажденія слѣдуетъ отдавать за мужъ болѣе взрослыхъ дѣвиць, ибо смолоду женщины, по мнѣнію Аристотеля, менѣе умѣренны въ брачныхъ удовольствіяхъ. Слишкомъ ранній бракъ вреденъ и для мужчинъ, особенно если жениться въ томъ періодѣ, когда еще не прекратился ростъ тѣла. Поэтому всего благоразумнѣе вступать въ бракъ дѣвицамъ около 18 лѣтъ, а мужчинамъ съ 37 л. или нѣсколько ранѣе. Преимущества такого брака вотъ въ чемъ: бракъ будетъ между лицами еще въ цвѣтущемъ здоровьи, способность къ чадорожденію прекращается у обѣихъ сторонъ почти въ одно и то же время. При этихъ условіяхъ и дѣти наследуютъ родителямъ въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и въ періодъ увядающаго возраста родителей, примерно около 70 лѣтъ ихъ жизни. Что касается времени года, когда всего лучше заключать бракъ, то Аристотель одобряетъ современный ему обычай вступать въ бракъ зимою. Что касается тѣлосложесія людей, то Аристотель считаетъ не благоприятнымъ для брака ни атлетическое тѣлосложеніе, ни болѣзненное и худо переносящее труды, а нѣчто среднее между обѣими крайностями. Тѣло обоеихъ родителей должно быть обработано гимнастикой, но не одностороннею и не тяжелой атлетическою гимнастикой.

Беременные матери должны особенно заботиться о своемъ тѣлѣ: не употреблять изысканной пищи, не оставаться въ бездѣйствіи; хорошо куда-нибудь отправляться на поклоненіе божествамъ, покровителямъ родовъ. Но, если полезно для беременныхъ физическое движеніе, то мысль ихъ должна оставаться какъ можно болѣе въ покоѣ, по-

тому что на дѣтяхъ всегда отпечатлѣвается слѣдъ состоянія матери во время беременности.

Что касается права родившихся дѣтей на жизнь, то Аристотель полагаетъ, что безъ воспитанія, т. е. умерщвлять, можно оставлять только увѣчныхъ дѣтей. Государству важно увеличивать число рождаемости, — лучше было бы не покидать ни одного младенца; скорѣе должно опредѣлить число рожденій въ каждомъ бракѣ, и тогда уже, если у нѣкоторыхъ супруговъ рождалось бы болѣе дѣтей, нежели сколько опредѣлено закономъ, то только въ этомъ случаѣ Аристотель позволяетъ зародышъ вытравлять, но непременно прежде, чѣмъ онъ начнетъ чувствовать.

Что касается срока дѣторожденія, то Аристотель думаетъ, что дѣти слинкомъ старыхъ и слинкомъ молодыхъ родителей бывають слабы и тѣломъ, и духомъ, а дѣти очень старыхъ супруговъ и вовсе безсильны. Предѣлъ дѣторожденія долженъ совпадать съ полнымъ развитіемъ умственныхъ силъ у человѣка, что бываетъ, по Аристотелю, около 50 лѣтъ. Люди пережившіе этотъ возрастъ 7-ю или 5-ю годами, должны воздерживаться отъ чадорожденія, но ради здоровья, или по другой уважительной причинѣ можно дозволить оставаться въ бракѣ и долѣе. Невѣрность кого-либо изъ супруговъ въ періодъ дѣторожденія должна быть наказываема безчестіемъ.

О воспитаніи дѣтей перваго возраста Аристотель полагаетъ слѣдующее: пища, употребляемая дѣтьми, оказываетъ огромное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе ихъ тѣла; особенно пригодна пища молочная. Полезно дѣтямъ дѣлать нѣкоторыя движенія: чтобы они себя не повредили, можно примѣнять различныя механическія орудія для поддержанія тѣла. Полезно даже съ малыхъ лѣтъ пріучать дѣтей къ холоду — это очень хорошо для здоровья, а впоследствии для воинскихъ упражненій. Дѣтское тѣло, вслѣдствіе большей теплоты организма, способно къ перенесенію холода. Аристотель очень цѣнитъ привычки въ

воспитаніи и говорить: къ чему можно привыкнуть, къ тому лучше начинать приучать съ ранняго возраста, такъ чтобы съ теченіемъ времени постепенно эту привычку развивать.

Первый возрастъ воспитанія продолжается до 5 лѣтъ. Не хорошо въ это время принуждать дитя къ ученію или къ какому либо полезному въ жизни труду — это можетъ повредить его росту. Но слѣдуетъ заставлятъ дѣлать движенія, чтобы уничтожить неповоротливость тѣла. Движеніе доставляется посредствомъ разнаго рода занятій и различныхъ игръ. Игры по возможности должны походить на то, чѣмъ дѣти впослѣдствіи будутъ заниматься въ жизни взрослыми. Поэтому игры не должны быть недостойны свободныхъ людей, не должны быть азартны и слишкомъ утомительны. Педагоги должны заботиться, чтобы до слуха дѣтей не доходили непристойныя рѣчи и сказки. Не слѣдуетъ запрещать дѣтямъ кричать и плакать, — крикъ и плачь доставляютъ дѣтямъ упражненіе ихъ тѣла и полезны для развитія. По мнѣнію Аристотеля, дѣти до 7 лѣтъ непремѣнно должны воспитываться дома, не въ общественныхъ школахъ, но они должны быть какъ можно менѣе въ обществѣ рабовъ; вообще нужно удалять дѣтей отъ всего того, чтò оскорбительно для уха и глазъ свободного человѣка. Законодатель вообще долженъ изгнать изъ государства сквернословіе, ибо отъ слова близко къ дѣлу. Нужно наблюдать за дѣтьми, чтобы они сами не говорили и не слышали отъ другихъ ничего дурного. Людей, на глазахъ дѣтей говорящихъ или дѣлающихъ постыдное, слѣдуетъ карать побоями и лишеніемъ чести. Не нужно показывать дѣтямъ неприличныхъ картинъ или статуй. Нельзя допускать ранѣе извѣстнаго возраста къ участію въ оргіастическихъ культахъ. Нужно запрещать смотрѣть юношамъ въ театрѣ комедіи и ямбы, т. е. драматическіе пасквили, не нужно позволять участвовать вмѣстѣ съ другими взрослыми въ общихъ обѣдахъ и пить вино. Все это доз-

волительно для молодыхъ людей только тогда, когда воспитаніе, полученное ими, будетъ въ состоящій предохранить ихъ отъ возможнаго вреда. Всякое первое впечатлѣніе для насъ наиболѣе завлекательно; поэтому нужно устранять отъ дѣтей все дурное, ослабляющее ихъ въ отношеніи нравственности.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ, съ 5 до 7 дѣти должны уже наглядно познакомиться съ тѣмъ, что имъ впослѣдствіи придется изучать. Нѣкоторые педагоги дѣлили возрасты по седмицамъ, т. е. по семи лѣтъ: первый періодъ отъ семи лѣтъ до появленія бороды, второй отъ бороды до 21 года. Но это раздѣленіе по седмицамъ, по мнѣнію Аристотеля, не совсѣмъ удобно; лучше слѣдовать тому раздѣленію, какое даетъ сама природа, потому что, говоритъ Аристотель, всякое искусство, значить, въ томъ числѣ и воспитаніе, имѣетъ въ виду восполнять недостатки природы. Что касается программы изучаемыхъ предметовъ, то Аристотель подробно останавливается на вопросѣ о томъ, чему слѣдуетъ отдавать предпочтеніе — знанію, непосредственно необходимому и полезному въ жизни, или знанію идеальному, идущему выше текущихъ интересовъ жизни. Изъ области полезнаго, говоритъ Аристотель, дѣти должны учиться только тому, что необходимо, но и не всему необходимому. Вѣдь необходимыя въ жизни занятія дѣлятся на занятія людей свободно рожденныхъ и рабскія. Свободныя дѣти должны быть допускаемы къ занятію только тѣми полезными предметами, которѣ не сдѣлаютъ ихъ ремесленниками (банавзами). Всѣ искусства, которыя ухудшаютъ тѣло, а также всѣ промышленныя занятія Аристотели называетъ банавзическими, потому что они дѣлаютъ мысль человѣка тупой, неспособною къ высшаго рода занятіямъ. Вообще банавзическія занятія дѣлаютъ тѣло, душу и мышленіе людей свободныхъ неспособными къ добродѣтели. Не слѣдуетъ исключительно заниматься даже искусствомъ свободнымъ (свободныя искусства Аристотеля

въ средніе вѣка получили названіе artes liberales), потому что исключительность тоже приводитъ къ банавизму. Большая разница въ томъ, съ какой цѣлью мы что-либо дѣлаемъ или изучаемъ; если для себя, или для друзей, или просто изъ добродѣтели, то никакое занятіе не можетъ быть недостойнымъ свободнаго человѣка; если же мы то же самое дѣлаемъ по волѣ и приказанію другихъ, то мы уже работаемъ, какъ наемники и рабы.

По сообщенію Аристотеля, въ его время юношество обыкновенно воспитывалось въ четырехъ наукахъ: грамотѣ, гимнастикѣ, музыкѣ и графיקѣ. Но графיקу признавали не всѣ тогдашніе педагоги; она заключала въ себѣ нынѣшнее чистописаніе и рисованіе. Грамоту и графיקу, говоритъ Аристотель, изучали какъ предметы, полезные въ жизни, имѣющіе въ ней большое приложеніе, гимнастику же для развитія мужественности. Относительно цѣли музыки Аристотель пускается въ очень подробное разсужденіе.

Аристотель различаетъ три состоянія жизни: 1) трудъ, 2) отдыхъ и 3) досугъ или схоле. Отдыхъ есть послѣдствіе труда; кто трудится, тотъ нуждается въ отдыхѣ. Тогда какъ время труда есть время утомленія и напряженія силъ, досугъ, схоле есть обезпеченный покой человѣка свободнаго, не принужденнаго трудиться ради своего пропитанія, потому что для — и за него трудятся его рабы. Теперь возникаетъ очень важный вопросъ: чему же надобно посвятить это схоле, какимъ занятіямъ, какіе предметы должны быть схолическими. Аристотель стоитъ за то, чтобы схоле, или время досуга посвящалось высшимъ интересамъ; исторія этого слова въ новое время подтверждаетъ взглядъ Аристотеля, потому что въ нашемъ произношеніи „школа“ оно имѣетъ содержаніемъ занятіе науками или искусствами.

По мнѣнію Аристотеля, досугъ есть высшее состояніе человѣческой жизни. Вообще трудъ имѣетъ своей конечной цѣлью обезпеченіе досуга; поэтому и вопросъ о схоли-

ческих занятіяхъ имѣеть для Аристотеля особенную важность. Схолическое состояніе доставляетъ и удовольствіе, и счастье, и блаженство, блага, которыя невозможны для людей, удрученныхъ повседневными трудами. Человѣкъ, занятый трудомъ, работаетъ для осуществленія цѣли, которой еще сейчасъ нѣтъ, а схолическое наслажденіе есть само для себя цѣль, такое состояніе, находясь въ которомъ, мы живемъ безъ тоски и печали, но въ удовольствіи. Правда, представленіе объ этомъ удовольствіи не у всѣхъ одно и то же, но каждый понимаетъ его по своему, сообразно своему собственному настроенію; но чѣмъ кто самъ нравственно лучше и чище, тѣмъ тотъ себѣ и схолическихъ удовольствій ищетъ лучшихъ.

Время препровожденія отдыха и досуга, по мнѣнію Аристотеля, должно быть не одинаково. Къ забавѣ можно прибѣгать только во время отдыха отъ трудовъ, обращаясь къ ней, какъ къ лекарству, потому что душа человѣка во время забавы отдыхаетъ, наслаждаясь тѣмъ удовольствіемъ, которое ей доставляетъ забава. Но забава не можетъ служить содержаніемъ схолическаго времени, которое должно быть посвящено занятію возвышенными и прекрасными предметами. Для достойнаго провозженія схолическаго времени необходимо нужно подготовиться, т. е. учиться и воспитываться, при чемъ содержаніе этого обученія и воспитанія должно быть для насъ интереснымъ само по себѣ, тогда какъ занятія, приготовляющія къ жизни трудовой, суть порожденія горькой нужды и служатъ для цѣли внѣшней. Съ издавна, говоритъ Аристотель, введена въ воспитаніе музыка, какъ достойное наполненіе схолическаго времени для свободныхъ людей; она не есть что-нибудь необходимое и не введена была въ воспитаніе, какъ нѣчто полезное — въ томъ смыслѣ, какъ, на примѣръ, полезна грамота въ коммерціи, въ хозяйствѣ, въ политикѣ, для занятій науками или, какъ графика, полезная для правильнаго сужденія о произведеніяхъ художниковъ

или, какъ гимнастика, необходимая для здоровья и укрѣпленія тѣла.

Въ воспитаніе, по мнѣнію Аристотеля, должны войти нѣкоторыя такіе предметы, заниматься которыми дѣти должны не какъ предметами полезными и необходимыми, а какъ предметами прекрасными, достойными свободныхъ людей. Аристотель предполагаетъ разобрать, одинъ ли такой предметъ или ихъ имѣется нѣсколько, и какіе они именно, и какъ ими должно заниматься. Искать повсюду одного только полезнаго неприлично людямъ съ возвышенною душою и свободнымъ по самой природѣ. При обученіи полезнымъ предметамъ нужно учить, какъ, наиримѣръ, грамоту не только ради непосредственной пользы, но еще потому, что грамота открываетъ пути къ познанію другихъ наукъ, да и графику не должно изучать только ради хозяйственныхъ счетовъ, или, чтобы избѣжать обмана при покупкѣ и продажѣ домашнихъ вещей, но ради изощренія чувствъ пластической красоты.

Прежде всего дѣтей нужно воспитывать не въ наукахъ, а въ привычкахъ и ранѣе — не мышленіе, а самое тѣло. Напередъ нужно поручать своихъ дѣтей искусному гимнасту и специалисту — педотрибу (педотрибъ — нѣчто въ родѣ врача-ортопеда); затѣмъ, чтобы развить тѣло ребенка, сдѣлать его способнымъ къ той или другой дѣятельности, не нужно заботиться объ атлетикѣ, — избытокъ гимнастики вредитъ граціи и росту дѣтей. Наконецъ, хотя и не стремясь къ атлетикѣ, но, приучая дѣтей къ постояннымъ трудамъ и лишеніямъ, дѣлаютъ дѣтей, по мнѣнію Аристотеля, какими-то звѣроподобными, какъ будто это особенно полезно для развитія мужества въ дѣтяхъ. При воспитаніи всякая односторонность опасна, въ особенности развитіе звѣроподобнаго или суроваго мужества. И лакедемоняне въ этомъ отношеніи не вполне достигаютъ цѣли. И на животныхъ, и на нѣкоторыхъ дикихъ племенахъ мы видимъ, что мужество не составляетъ

принадлежности натуръ звѣрскихъ, напротивъ, оно бываетъ свойственно болѣе нѣжнымъ людямъ, натурамъ львиного характера. Да и сами Лаконцы, продолжаетъ Аристотель, прежде столь славные, теперь уступаютъ другимъ какъ въ военныхъ битвахъ, такъ и на гимнастическихъ агонахъ. Прежде они превосходили другихъ только потому, что имѣли дѣло съ людьми незнакомыми съ такого рода упражненіями. Первая роль воспитанія должна принадлежать красотѣ, а не звѣрству, говоритъ Аристотель. Ни волкъ, ни другое дикое животное не въ силахъ выиграть такой блестящей побѣды, къ какой способенъ человѣкъ, развитый умственно и нравственно. Поэтому кто старается развивать дѣтей только съ физической стороны и оставляетъ безъ воспитанія другія стороны, тотъ готовитъ изъ нихъ только ремесленниковъ, которые даже и въ своей специальности-тѣлеснаго соревнованія могутъ оказаться хуже другихъ.

Взглядъ Аристотеля на гимнастику таковъ. Польза упражненій въ гимнастикѣ въ немъ не возбуждаетъ сомнѣнія, но онъ предостерегаетъ отъ чрезмѣрности. До зрѣлаго возраста гимнастическія упражненія должны быть возможно легкими. Надо избѣгать слишкомъ большихъ трудовъ и тяжелой пищи; чрезмѣрные труды могутъ повредить пользѣ здоровья. Аристотель приводитъ этому то доказательство, что среди побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, добывшихъ себѣ вѣнокъ въ дѣтскомъ возрастѣ, едва ли двое или трое найдется такихъ, которые могли бы ту же побѣду одержать потомъ, уже будучи въ мужескомъ возрастѣ. Причина здѣсь та, что эти люди съ дѣтства зря растрачиваютъ свою силу въ ущербъ будущему, вынося принудительныя и чрезмѣрныя гимнастическія упражненія. Начальное время юношескаго возраста въ продолженіе лѣтъ трехъ нужно посвящать изученію другихъ предметовъ воспитанія — и только слѣдующее время, когда опасность уже не такъ велика, можно посвящать себя болѣе тяжелымъ трудамъ и вести болѣе строгую діету. Очень важно ука-

запіе Аристотеля на то, что нельзя въ одно и то же время трудиться сразу и умственно, и физически, это — потому, что каждый изъ этихъ трудовъ оказываетъ противоположныя дѣйствія. Физическій трудъ, по мнѣнію Аристотеля, ослабляетъ мышленіе, а трудъ умственный въ свою очередь такъ же ослабляетъ тѣло. Работая сразу въ двухъ направле-ніяхъ — и умомъ, и тѣломъ, мы сразу ослабляемъ себя съ двухъ концовъ: говоря по нынѣшнему, жжемъ свѣчу съ обоихъ концовъ сразу.

Очень подробно Аристотель разсуждаетъ о значеніи музыки. Онъ спрашиваетъ себя, не слѣдуетъ ли обращаться къ музыкѣ только для забавы и отдыха, какъ другіе прибѣгаютъ въ тѣхъ же цѣляхъ ко сну и къ вину? Во вторыхъ, можно думать, что музыка доставляетъ чело-вѣку нравственное образованіе; какъ гимнастика образуетъ тѣло, какъ музыка приучала бы душу чело-вѣка наслаждаться удовольствіями чистыми; или, въ третьихъ, музыка годится только какъ достойное содержаніе схолическаго времени; но какъ же примѣнять ее къ дѣтямъ? Воспитаніе дѣтей не можетъ быть забавой, вѣдь учащіеся не заба-вляются — ученіе всегда горько. Съ другой стороны, и схолическія удовольствія не для дѣтей и не для юношей: все пригодное для средняго возраста неприлично тѣмъ, которые сами еще не зрѣлы; есть и другія разныя возраженія: если учить дѣтей музыкѣ ради того развлеченія, которое они могли бы найти въ ней, выросши, — то тогда зачѣмъ имъ учиться самимъ; не проще ли слушать музыку, производимую специалистами-музыкантами, — тѣмъ болѣе, что специалистъ всегда дѣлаетъ свое дѣло лучше, чѣмъ простой диллетантъ. Но если уже каждому самому всякимъ дѣломъ заниматься, отчего не пойти тогда въ кухню зани-маться повареннымъ искусствомъ, а вѣдь это нелѣпо, по мнѣнію Аристотеля. Если музыка можетъ улучшить харак-теръ чело-вѣка, опять-таки развѣ нельзя наслаждаться музыкой, производимую другими? Аристотель говоритъ,

что музыка пригодна во всѣхъ трехъ указанныхъ имъ выше отношеніяхъ и какъ воспитательное средство, и какъ забава, и какъ схолическое препровожденіе времени; оно должно состоять не только въ прекрасномъ, но и пріятномъ, а музыка вмѣстѣ съ пѣніемъ, какъ всѣ согласны, есть нѣчто пріятное; вотъ почему музыка принята вездѣ въ общественныхъ собраніяхъ и дома, какъ самое лучшее средство — провести время весело; уже этого одного достаточно, чтобы учить дѣтей музыкѣ; всѣ невинныя удовольствія, не противорѣча цѣли человѣческой жизни, служатъ наилучшимъ средствомъ къ отдыху.

Музыка доставляетъ для всѣхъ простое физическое удовольствіе; поэтому слушать ее любятъ обыкновенно люди всякаго возраста и всякаго характера; однако, по своей природѣ музыка гораздо выше того, чтобы пользоваться ею только ради этихъ низшихъ цѣлей. Не оказываетъ ли музыка какого-нибудь существеннаго вліянія на самый характеръ и душевное расположеніе человѣка? По его мнѣнію, опытъ доказываетъ намъ, что мы посредствомъ музыки можемъ развивать въ себѣ тѣ или другія нравственныя наклонности: на примѣръ, музыка можетъ наполнить душу энтузіазмомъ, а энтузіазмъ есть нравственное измѣненіе, происходящее въ нашей душѣ. При объясненіи Аристотелевой теоріи музыки необходимо имѣть въ виду его общую теорію искусства, по которой искусство есть мѣмесисъ - подражаніе. Моральное основаніе музыки, по Аристотелю, состоитъ въ томъ, что подъ ея вліяніемъ мы испытываемъ чистое удовольствіе, истинно любимъ или истинно ненавидимъ. Музыкѣ учиться необходимо для того, чтобы съ ея помощью правильно судить и о своихъ собственныхъ душевныхъ аффектахъ и находить удовольствіе только въ истинно-нравственныхъ чувствованіяхъ и въ однихъ только прекрасныхъ дѣйствіяхъ. Аристотель воображаетъ, что музыка посредствомъ своихъ ритмовъ и мелодій можетъ подражать настроеніямъ гнѣва и кротости, и также

мужества и спокойной разсудительности, равно и всѣмъ прочимъ состояніямъ души, притомъ подражать такъ близко къ проявленіямъ этихъ настроеній, что, слушая эти ритмы и мелодіи, мы сами настраиваемся соотвѣтственнымъ образомъ.

Испытывая печаль и радость отъ подобія, мы привыкаемъ чувствовать то же и въ дѣйствительности. Въ предметахъ, подлежащихъ другимъ нашимъ чувствамъ, напр., чувствамъ осязанія и вкуса, нѣтъ никакихъ подражацій нашимъ нравственнымъ состояніямъ. Подражаніе есть только въ произведеніяхъ живописи и ваянія, подлежащихъ зрѣнію, но все таки фигуры на картинѣ или въ статуѣ суть только знаки состояній, а не подражаніе имъ. Различіе сюжетовъ заставляеть педагога дѣлать строгій выборъ. Музыкальныя мелодіи непосредственно сами по себѣ выражаютъ наше нравственное состояніе и возбуждаютъ въ слушателяхъ, особенно-же гармоніи, различное настроеніе духа. Гармоніи (по нынѣшнему, лады), напимѣръ, лидійская — настраиваетъ насъ печально, угнетенно, дорическая мелодія даетъ настроеніе среднее, ровное и спокойное, фригійская возбуждаетъ до энтузіазма. Подобно мелодіямъ и гармоніямъ, настраиваютъ насъ и ритмы: одни спокойны, другіе подвижныѣ; одни порывисты, другіе плавны. Если музыка, дѣйствительно, можетъ пробуждать въ нашей душѣ нравственное настроеніе, то музыка непремѣнно должна входить въ программу воспитанія; очевидно, осьтъ какое-то родство нашей души съ гармоніями и ритмами.

Дальнѣйшій вопросъ о педагогическомъ знаніи музыки такой: какъ нужно учить дѣтей музыкѣ, заставлять ли ихъ самихъ пѣть и играть, или достаточно имъ только слушать игру и пѣніе другихъ? Разумѣется, тѣмъ болѣе мы подвергаемся вліянію каждаго нашего дѣла, чѣмъ ближе и непосредственнѣе участвуемъ въ немъ сами, да и безъ собственнаго участія нельзя быть хорошимъ судьей въ этомъ дѣлѣ. По мнѣнію Аристотеля, только активное занятіе музыкой можетъ имѣть настоящее образовательное значе-

ніе. Неправильно возражаютъ тѣ, которые говорятъ, будто активное занятіе музыкою произведетъ музыкальныхъ ремесленниковъ. Дѣти, выросши, могутъ музыку бросить, но всетаки будутъ въ состояніи правильно судить и болѣе наслаждаться эстетически исполняемою музыкой. Чтобы избѣжать ремесла въ музыкѣ, нужно разсмотрѣть: 1) въ какой мѣрѣ достаточно ею заниматься для будущихъ гражданъ, 2) въ какихъ мелодіяхъ, гармоніяхъ и ритмахъ имъ упражняться и 3) на какихъ инструментахъ? Во всемъ этомъ большая разница.

Что касается размѣра музыкальныхъ занятій, то общее правило то, чтобы музыкальныя занятія отнюдь не мѣшали ни успѣху послѣдующей дѣятельности гражданъ, ни ихъ военнымъ, ни политическимъ дѣламъ. Затѣмъ нужно избѣгать артистической стороны: не изучать тонкостей разныхъ эффектовъ, изысканныхъ пассажей, которые приличны только музыкальнымъ спеціалистамъ, наемникамъ, ремесленникамъ.

Что касается инструментовъ, то Аристотель не рекомендуетъ ни флейты, ни кивары: это — инструменты для спеціалистовъ — артистовъ. вмѣстѣ съ Платономъ, тоже отвергающимъ флейту, но рекомендующимъ кивару, особенно нападаетъ Аристотель на флейту. Флейта неспособна возбуждать нравственныя чувства, а только дѣйствуетъ на страсти. Играющимъ на флейтѣ нельзя къ своей игрѣ подпѣвать. Флейта обезображиваетъ лицо играющаго, заставляя его надуть щеки. Богиня Аѳина, изобрѣтательница этого инструмента, потомъ будто бы сама бросила его. Правда, было время, что флейта была очень популярна, и въ Аѳинахъ большинство свободныхъ гражданъ играло на ней, равно и руководители хоровода обыкновенно аккомпанировали хору на флейтѣ; но впослѣдствіи флейта была заброшена вмѣстѣ со многими другими инструментами, звуки которыхъ доставляютъ только чувственное удовольствіе, и игра па которыхъ требуетъ особенной ловкости рукъ.

Артистическимъ образоваіемъ въ музыкѣ, котораго при воспитаніи надобно избѣгать, Аристотель считаетъ спеціальное изученіе музыки для участія въ музыкальныхъ состязаніяхъ. Тутъ приходится играть не съ цѣлью своего собственнаго нравственнаго усовершенствованія, а только ради того, чтобы доставить слушателямъ наибольшее удовольствіе; это недостойно людей свободныхъ. Артистъ не повинуется самому себѣ, а долженъ въ угоду слушателямъ, иногда очень грубымъ, переходить изъ одного настроенія въ другое. Относительно музыкальныхъ тонкостей Аристотель отсылаетъ къ спеціальнымъ сочиненіямъ теоретиковъ музыки. Мелодіи онъ раздѣляетъ на этическія, практическія и энтузіастическія. Этимъ разрядамъ мелодій соотвѣтствуютъ и спеціальныя гармоніи. Чтобы вѣрно выбрать нужныя для воспитанія разряды мелодій, нужно ясно сознавать, что музыка необходима въ воспитаніи не по одному побужденію, а по многимъ; во-первыхъ для образованія вообще, во-вторыхъ для очищенія страстей, о чемъ Аристотель спеціалью говоритъ въ своемъ сочиненіи „Поэтика“ по поводу трагедіи, въ третьихъ для препровожденія досуга, а также для развлеченія во время отдыха послѣ труда.

Для педагогическихъ цѣлей Аристотель считаетъ необходимыми только этическія гармоніи, но разрѣшаетъ слушать и другія гармоніи, потому что какъ энтузіазмъ, такъ и душевныя аффекты, вродѣ страданія и страха, очищаютъ душу, облегчаютъ ее или доставляютъ невинную радость. Но въ дѣлѣ музыкальнаго наслажденія нѣтъ нормъ, обязательныхъ для всѣхъ; чтобы доставить челювѣку эстетическое наслажденіе отъ музыки, нужно сообразоваться съ его характеромъ. Въ музыкѣ для каждаго пріятнѣе то, что свойственно его природѣ.

Въ воспитаніи Аристотель требуетъ преимущественно дорической мелодіи и опровергаетъ Платона, рекомендовавшаго въ своемъ государствѣ на ряду съ дорической еще и фригійскую, но въ то же время отвергавшаго флейту.

Аристотель говоритъ, что фригійская мелодія тѣсно связана съ музыкой флейты, по характеру своему и та и другая возбуждательны и страстны, и особенно пригодны для вакхическихъ произведеній.

Дорическая мелодія — самая плавная и преимущественно мужественнаго характера. Если между гармоніями есть еще одна, приличная дѣтскому возрасту, — то можно указать еще на гармонію лидійскую. Она вмѣстѣ съ воспитаніемъ можетъ дать еще украшеніе юному возрасту. Пожилымъ людямъ нельзя пѣть воодушевленныхъ мелодій. Платонъ не понималъ изученія спокойныхъ гармоній для воспитанія, считая ихъ разслабляющими, какъ бы опьяняющими. Вообще, по мнѣнію Аристотеля, въ дѣлѣ музыкальнаго воспитанія нужно выполнять три слѣдующія условія: первое, нужно избѣгать крайностей, второе, учиться тому, что возможно, третье, соблюдать приличіе, изучать то, что приличествуетъ возрасту.

По мнѣнію Аристотеля, никакъ нельзя оспаривать того положенія, что о воспитаніи юношества всего болѣе долженъ заботиться законодатель. Отъ невниманія къ дѣлу воспитанія страдаетъ само устройство государства, потому что жизнь гражданъ въ каждомъ государствѣ должна соотвѣтствовать его политическому устройству. Характеръ нравственнаго состоянія общества служитъ охраною его политическаго устройства и опредѣляетъ собой ту или другую форму его быта. Демократическое настроеніе стоитъ въ связи съ демократическимъ устройствомъ государства, олигархическое съ олигархическимъ устройствомъ и т. д., а самое лучшее нравственное настроеніе общества обуславливаетъ наилучшую форму политическаго быта. Такъ какъ цѣль государства одна, то и воспитаніе всѣхъ гражданъ въ этомъ государствѣ должно быть одно и то же, другими словами: воспитаніе можетъ быть дѣломъ только государственнымъ, но никакъ не предметомъ частной инициативы, какъ это, говоритъ Аристотель, бываетъ теперь въ

Аѳинахъ, гдѣ каждый по своему заботится о своихъ дѣтяхъ и учить ихъ, чему самъ вздумаетъ. Нельзя достаточно хвалить спартанцевъ за то, что они такъ много заботятся о своихъ дѣтяхъ и при томъ общими усиліями. Образованіе будущихъ гражданъ должно быть дѣломъ государства, и никто изъ его гражданъ не можетъ считать себя принадлежащимъ только себѣ самому; напротивъ того, всѣ должны считать себя только принадлежащими государству. Значить, относительно воспитанія дѣтей должны быть непременно обще-обязательныя постановленія закона.

Аристотель указываетъ, что еще въ его время среди теоретиковъ-педагоговъ существовало значительное разномысліе относительно предметовъ воспитанія и его цѣлей. Въ чемъ должно состоять воспитаніе и какъ должно воспитывать — вотъ вопросы, которыми задается Аристотель. Не всѣ, говоритъ онъ, держатся одинаковаго мнѣнія относительно того, чему имѣетъ учиться юношество какъ для развитія въ себѣ добродѣтели, какъ и просто для наилучшаго успѣха въ практической жизни. Не выяснено, говоритъ онъ, должно ли состоять воспитаніе въ развитіи мышленія или въ развитіи нравственности, да и тѣ, которые считаютъ цѣлью воспитанія развитіе добродѣтели, расходятся въ пріисканіи средствъ для достиженія этой цѣли, потому что не всѣ одинаково понимаютъ о добродѣтели. Относительно задачи воспитанія тоже не выяснено, въ чемъ же нужно упражнять дѣтей и юношей: въ томъ ли, что полезно для жизни или въ томъ, что ведетъ къ добродѣтели или наконецъ въ томъ, что вынѣ интересовъ обыденной жизни. Всѣ эти системы воспитанія, говоритъ Аристотель, находятъ себѣ и нынѣ защитниковъ.

Критика Аристотеля на „Государство“ Платона.

Взглядъ Платона въ его „Государствѣ“ на воспитаніе воиновъ и на общность имущества Аристотель считаетъ не-

правильнымъ и недоказаннымъ. Нужно ли государству, полезно-ли ему такое проектируемое компактное единство? Если углубиться въ разсмотрѣніе государства Платона, то оно представится далеко не похожимъ на идеальное государство, а скорѣе на какой-то военный лагерь. Истинное государство обязательно предполагаетъ въ себѣ множество и различіе. Нужно уяснить себѣ, какое значеніе, какой смыслъ имѣетъ въ государствѣ Платона слово „весь“. Платонъ этого не выяснилъ. Аристотель высказалъ трезвое замѣчаніе, что если „весь“ понимать такъ: „что все — всѣмъ вообще и никому въ особенности“, то „все“ — это общее — представляетъ мало интереса для каждаго въ отдѣльности. Такъ и тамъ, гдѣ больше имѣется слугъ, тамъ всегда меньше служатъ. Изъ общенія имуществъ и женъ выходитъ, что на каждаго гражданина приходится по 1000 сыновей, о которыхъ каждый въ частности гражданинъ мало будетъ заботиться. Каждому извѣстно, что родители наиболѣе заботятся только о своемъ дитяти, а тутъ родители не могутъ узнать, кѣмъ кто рожденъ, чей кто ребенокъ.

Такимъ образомъ, по Платону, люди порвутъ родство крови. Платонъ говоритъ, что люди будутъ объединены всѣ, и возможно, что всѣ будутъ питать симпатію ко всѣмъ дѣтямъ. Аристотель высказываетъ въ этомъ сомнѣніе, считаетъ на практикѣ такое объединеніе невозможнымъ и высказывается, что лучше, чтобы каждый имѣлъ право смѣло сказать „мое“. Конечно, лучше имѣть настоящаго двоюроднаго брата-сродника, чѣмъ фиктивнаго родного сына при общности женъ. Симпатія же у каждаго свойственна только къ своему дитяти. Предположимъ, что и будетъ къ своимъ дѣтямъ симпатія. — Но Платонъ вѣдь старательно заботится о томъ, чтобы матери не могли узнавать своихъ собственныхъ дѣтей. Но зато, узнавъ своего сына, каждый проявитъ больше симпатіи къ своему дитяти, чѣмъ къ чужимъ; тогда общая симпатія нарушится и гармонія

будеть отсутствовать. Какъ знатокъ фактовъ, Аристотель ссылается на дикарей Африки, которые имѣютъ общихъ женъ, но дѣтей всетаки дѣляютъ. Ссылается также на лошадей и коровъ, т. е. на животныхъ.

А низшее сословіе, земледѣльцы, имѣютъ-ли общеніе женъ? Практикуется-ли и для нихъ общеніе женъ и дѣтей? Платонъ этого вопроса не формулируетъ и этимъ самымъ общеніе женъ и дѣтей предоставилъ какъ будто бы однимъ лишь привилегированнымъ классамъ. Аристотель говорить, что, если это полезно первымъ, то полезно и низшимъ. Есть два условія, когда люди прилагаютъ къ чему-либо свою заботу, это: собственность и симпатія. Люди, по Платону, могутъ быть по природѣ лишь различныхъ дарованій, но соціальной наслѣдственности ни у кого изъ нихъ какъ будто бы не бываетъ. А вѣдь можетъ же у золотого отца родиться сынъ желѣзный, или у отца съ душой желѣзною родиться сынъ, обладающій золотою душой. Если въ высшемъ сословіи окажутся люди, слабые по уму, то они должны бы быть переводимы въ низшее сословіе; наоборотъ, люди сильнаго ума должны быть повышаемы въ привилегированное сословіе воиновъ-стражей. Такимъ образомъ придется вталкивать людей въ чужую имъ среду. Но, если часть воиновъ перейдетъ къ земледѣльцамъ, то они окажутся въ презрѣніи, будутъ нелюбимыми.

Что касается собственности, то Аристотель вообще былъ ея самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ и защитникомъ и всегда стоялъ противъ общины. Общинное землевладѣніе онъ допускалъ только отчасти, но большее предпочтеніе отдавалъ землевладѣнію частному. Собственность, по его мнѣнію, имѣетъ для человѣка особый интересъ, который никогда не удастся истребить никакими законами, какъ бы хитро ихъ ни придумывать. Намъ дорого сознаніе, что эта вещь принадлежитъ исключительно мнѣ. А изъ насъ кто не имѣетъ любви къ самому себѣ?

Исходя изъ этихъ соображеній, Аристотель никогда не

могъ раздѣлять государственныхъ теорій Платона въ ихъ идеальной конструкціи и не увлекался и его педагогическими планами, рассчитанными на перевоспитаніе людей съ цѣлю построенія и поддержанія этого искусственнаго, фантастическаго „лучшаго государства“

Педагогика Ксенофонта.

Педагогика Ксенофонта въ учебникахъ исторіи педагогическихъ ученій обыкновенно не излагается; о ней даже и не упоминаютъ. Между тѣмъ она любопытна, и обходитъ ее молчаніемъ имѣется основаній тѣмъ менѣе, что изъ области греческой педагогической литературы, довольно обширной, судя по словамъ Аристотеля, до насъ, къ сожалѣнію, сохранилось такъ мало.

Къ числу литературныхъ современниковъ Платона относится тотъ знаменитый писатель, сочиненія котораго непременно даются въ руки для изученія всякому, кто бы ни принимался за греческій языкъ; мы разумѣемъ Ксенофонта, сына Грюлла, „аттическую пчелу“. Ксенофонтъ былъ ученикомъ Сократа.

Сочиненія Ксенофонта отличаются особеннымъ изяществомъ стиля и замѣчательною чистотою греческой рѣчи.

По своей профессіи Ксенофонтъ былъ военнымъ, генераломъ. Въ отношеніи политическихъ воззрѣній своихъ онъ склонялся къ симпатіи къ спартамцамъ, съ которыми онъ постоянно водилъ дружбу. За это его сородичи-аѳиняне въ послѣдствіи подвергли изгнанію. Въ его личной біографіи играетъ важную роль походъ, имъ самимъ описанный, въ числѣ десяти тысячъ грековъ, наёмныхъ воиновъ въ Персію. Главныя его сочиненія обыкновенно прочтываются въ средней школѣ, какъ то: его „Анабазисъ“, описаніе указаннаго похода, затѣмъ „Кирупедія“, на которой мы остановимся особенно, „Воспомянія о Сократѣ“, гдѣ онъ пытается защитить память своего учителя отъ выставлен-

ныхъ противъ него государственныхъ обвиненій въ развращеніи юношества и въ непочитаніи отечественныхъ боговъ. Ксенофонтъ не былъ одаренъ философскимъ талантомъ, и его изображеніе философіи Сократа не всегда свидѣтельствуеъ о вѣрности пониманія личности и ученія своего великаго учителя. Содержаніе остальныхъ сочиненій историческое, политическое и даже техническое. Отмѣтимъ еще его „Эленика“, т. е. исторію Греціи, гдѣ онъ является продолжателемъ знаменитыхъ историковъ Геродота и Фукидида.

Обратимся къ „Кирупедіи“. Какъ показываетъ заглавіе, это есть разсказъ о воспитаніи персидскаго царя Кира Старшаго, не того, къ которому ходилъ съ войсками самъ Ксенофонтъ, ибо тотъ именуется Киromъ Младшимъ. Заглавіе не совсѣмъ точно — здѣсь разсказывается не только о воспитаніи Старшаго Кира, но излагается и вся его біографія вплоть до основанія имъ новаго, могущественнаго персидскаго царства. Было бы неосторожнымъ считать это произведеніе Ксенофонта историческимъ; вѣрнѣе его назвать историческимъ романомъ съ наставительною цѣлью, при чемъ для изображенія избираются дѣйствительныя лица или историческія событія, но они пересоздаются авторомъ въ его цѣляхъ съ поэтической вольностью; теперь большинство изслѣдователей видитъ въ „Кирупедіи“ романъ политическаго и философскаго направленія.

Какова цѣль написанія этого романа? На этотъ счетъ имѣется три взгляда ученыхъ: по мнѣнію однихъ, Ксенофонтъ желалъ въ Кирѣ представить идеаль царя въ противоположность демократически настроеннымъ политикамъ своего города Аѣннъ; другой взглядъ тотъ, будто Ксенофонтъ хотѣлъ изобразить здѣсь идеаль государства, высказывая свое предпочтеніе монархической формѣ вообще и въ частности неограниченному самодержавію въ укоръ гибнущимъ отъ хозяйства демократовъ Аѣицамъ; по третьему взгляду, Ксенофонтъ хотѣлъ показать, какими

средствами и съ помощью какихъ хитростей во время мира и войны можно установить и поддерживать свое могущество. Противъ всѣхъ этихъ взглядовъ имѣются возраженія (см. въ извѣстномъ трудѣ Гильденбрандта). Противъ того, что „Кирупедія“ есть идеализація личности персидскаго царя указываютъ на то, что Киръ въ большей части „Кирупедіи“ еще не выступаетъ царемъ; многія стороны дѣятельности, необходимыя въ царѣ, здѣсь не затрагиваются.

Противъ того, что „Кирупедія“ есть идеализація абсолютной монархіи, указываютъ на то, что изображеніе государственнаго устройства опять таки занимаетъ очень малую часть „Кирупедіи“, преимущественно, во введеніи и заключеніи; при этомъ въ введеніи и заключеніи изображаются два совершенно различныя царства, которыя Ксенофонтъ не могъ бы одновременно выставлять въ качествѣ образца: именно, царство древне-персидское, въ началѣ изображаемое, имѣло очень ограниченныи монархическій элементъ, тогда какъ основанная Киromъ абсолютная монархія ново-персидскаго царства, которая изображена въ концѣ, распространялась не на сородичей Кира, персовъ, а на народы, покоренныя имъ въ его войнахъ; при томъ Киръ по б ѣ ж д а е т ъ не демократію, которая гибла бы, благодаря своему плохому устройству, а монархію съ плохимъ управленіемъ; въ заключеніе Ксенофонтъ и самъ указываетъ, что персидское царство того времени, не смотря на сохраненіе Кирова образа правленія, находилось уже въ упадкѣ, потому что утратился старо-персидскій духъ.

Наконецъ противъ третьяго взгляда возражаютъ, что и здѣсь соотношеніе частей было бы весьма неравномѣрнымъ, и средствамъ войны больше отведено мѣста, чѣмъ средствамъ мирнымъ, — и средствамъ, съ помощью которыхъ пріобрѣтается господство, — гораздо больше, нежели тѣмъ, съ помощью которыхъ оно поддерживается.

Романъ въ общемъ раздѣляется на три части, именно:

1) образованіе, полученное Киромъ въ старомъ персидскомъ государствѣ, 2) его походы противъ ассирійцевъ и 3) дѣятельность вплоть до покоренія Вавилона и основанія царства надъ покореннымъ народомъ. Второй отдѣлъ по объему самый большой (три книги). Первый отдѣлъ занимаетъ лишь первую книгу, третій лишь послѣднюю книгу и конечныя главы предпослѣдней книги: смыслъ романа раскрывается преимущественно во второй части. Историческій процессъ, изображаемый въ этой части, состоитъ въ томъ, что Киръ проводитъ въ практическомъ примѣненіи къ жизни тѣ принципы, которые ему были усвоены въ первой стадіи его жизни, и превозносится какъ надъ своими могущественными друзьями, такъ и надъ еще болѣе могущественными врагами, не знающими или пренебрегающими этимъ Кировымъ принципомъ. Мысль Ксенофонта та, что Кира дѣлаетъ могущественнымъ и превозноситъ знаніе. Это — основная мысль Сократовой философіи, и такимъ образомъ Ксенофонта здѣсь является ученикомъ Сократа. Знаніе даетъ могущество, недостатокъ знанія дѣлаетъ враговъ Кира безсильными. „Кирупедія“ есть изображеніе могущественной побѣды, которую въ области политической жизни одерживаетъ истинное знаніе надъ незнающими. Киръ есть представитель знанія (*ἐπιστάμενος ἄρχει*). Повелители народовъ, лишеныя истиннаго знанія, принуждены повиноваться обладателю знанія — добровольно или недобровольно. Триумфъ Кира надъ друзьями и врагами есть триумфъ знанія. Представителями этой морали, царями и повелителями на самомъ дѣлѣ являются не тѣ, кто носятъ скипетръ, или кого избираетъ народъ, или на кого падалъ жребій, и не тѣ, которые достигали власти обманомъ или насиліемъ, по тѣ, кто умѣетъ властвовать.

Основная мысль „Кирупедіи“ до нѣкоторой степени родственна мыслямъ Платона, который тоже въ знаніи видитъ непремѣнное условіе власти. Но отличается Ксенофонтъ отъ Платона тѣмъ, что Платонъ это знаніе, преиму-

щественно, видитъ въ знаніи идей и въ философіи, тогда какъ Ксенофонтъ никогда не былъ самъ философомъ-специалистомъ. Ксенофонтъ иодъ знаніемъ понимаетъ практическую, осторожность, житейскую мудрость, умѣніе жить, расчетливое самообладаніе ради достиженія поставленныхъ себѣ эгоистическихъ цѣлей въ области политики. Родственной чертой Платона и Ксенофонта является еще ихъ нескрываема симпатія къ духу дорическому, къ спартанцамъ и недовольство порядками своей родной стороны, аѣинскаго государства.

Фабула „Кирупедіи“ въ основныхъ чертахъ слѣдующая: герой романа Киръ есть сынъ персидскаго царя Камбиза и его жены Манданы, дочери Астіага, царя мидяпъ. Природа наградила Кира замѣчательными дарованіями, любознательностью и любовью къ славѣ.

Эти свои природныя дарованія онъ развиваетъ, благодаря старо-персидской системѣ воспитанія и государственному устройству тогдашняго персидскаго царства. О воспитаніи специально скажемъ мы еще ниже; что же касается государственнаго устройства персовъ, то Ксенофонтъ рисуетъ его по образцу дорическихъ государствъ и заимствуетъ, преимущественно, изъ законовъ Ликурга. Персидское царство, по изображенію Ксенофонта, заключало въ себѣ элементы и демократическіе, и аристократическіе, и монархическіе. Не смотря на различіе въ происхожденіи, законъ никого не исключалъ отъ повышеній и отличій, всѣмъ открывалъ возможность высшихъ ступеней; самъ царь персовъ изображается только, какъ первый между равными, его дѣятельность состоитъ въ исполненіи порученій со стороны народа, его доходъ состоитъ въ томъ, что ему даетъ государство, его дѣятельность регулируется не произволомъ, но закономъ; иностранные посланники посылаются и къ нему, и къ народу одинаково; полководцы избираются не имъ, но совѣтомъ старѣйшинъ.

Эта ограниченная власть противопоставляется неограни-

ченной власти стараго царя мидянъ. Аристократическій элементъ древне-персидскаго государства выражается въ классѣ старѣйшинъ, которые представляютъ собой аристократію духа и за заслуги предъ государствомъ попадаютъ въ избранный классъ: они играютъ большую роль въ государствѣ только послѣ того, когда уже испытаны во всевозможныхъ добродѣтеляхъ и практической мудрости.

Киръ выходитъ на историческую сцену, благодаря тому, что на царство мидянъ, гдѣ на тронѣ сидитъ уже сынъ Астиага, Кіаксаръ, нападаютъ ассиріане; побѣжденные завоевателями мидяне просятъ о помощи персовъ, и персы отправляютъ вспомогательную армію, командиромъ которой назначается молодой Киръ, избранный на эту должность совѣтомъ старѣйшинъ. Киръ выступаетъ въ походъ. На границѣ государства съ пимъ прощается его отецъ и въ знаменитой среди читателей „Кирупедіи“ рѣчи объясняетъ своему сыну задачи и средства полководца и военнаго искусства. Это искусство, по мнѣнію Ксенофонта, не есть только военная тактика, но искусство всесторонне руководить людьми ради цѣли борьбы съ врагами и съ обстоятельствами. Опять-таки военное искусство есть знаніе, есть умѣніе управлять. Преимущество полководца надъ его подчиненными не въ томъ, чтобы пользоваться большими наслажденіями и выгодами, но въ томъ, что ему предоставляется болѣе широкій кругъ обязанностей и высшая ступень дѣятельности. Недостаточно вести своихъ воиновъ въ бой, но надобно сначала снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, сохранить ихъ здоровье, вселить въ нихъ любовь къ славѣ, храбрость, дисциплину, приучить ихъ къ перенесенію военныхъ тягостей — все это возможно только при самомъ большомъ знаніи и неутомимой энергіи. Это есть искусство вести людей противъ людей.

При этомъ Ксенофонтъ высказываетъ идею не совсѣмъ сократическую, именно: что друзьямъ приносить пользу, врагамъ же всячески вредить — справедливо. По отношенію

ко врагу для полководца позволительны всѣ средства обмана и хитрости; по отношенію ко врагу можно быть обманщикомъ, воромъ, разбойникомъ. На удивленіе Кира, указывающаго, что ему, когда онъ былъ мальчикомъ и юношею, такія дѣйствія возбранялись, Камбизъ отвѣчаетъ, что это запрещено только по отношенію ко своимъ, согражданамъ и друзьямъ, но позволительно противъ враговъ. Мы обходимъ молчаніемъ описаніе военныхъ подвиговъ Кира, которые заканчиваются пораженіемъ всѣхъ его враговъ и покореніемъ вражеской столицы, Вавилона, который Киръ дѣлаетъ центромъ новаго, могущественнаго персидскаго царства. Киръ основываетъ въ Вавилонѣ абсолютную монархію. Средства его управленія совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыми пользовались его предки, правившіе древнеперсидскимъ государствомъ. Здѣсь, въ этомъ новомъ государствѣ все устроено въ пользу властителя: о воспитаніи же и образованіи покоренныхъ народовъ и о предоставленіи имъ правъ гражданства нѣтъ и рѣчи.

Изложимъ воспитаніе по „древне-персидскимъ“ законамъ. Воспитаніе это, говоритъ Ксенофонтъ, начинается съ заботы объ о б щ е м ъ благѣ. Другія государства позволяютъ воспитывать своихъ дѣтей каждому, какъ ему угодно; только внушаютъ дѣтямъ не воровать, не грабить, не врываться насильно въ домъ, не бить, кого не слѣдуетъ, не развратничать, оказывать повиновеніе начальнику и т. д. Если кто нарушаетъ эти приказанія, на того налагается наказаніе. Персидскіе законы уже напередъ заботятся, чтобы гражданинъ не стремился къ лукавству и пороку. Отъ мѣста, гдѣ воспитываются юноши, удалены товары и торговцы со своими криками, чтобы ихъ галдежь и шумъ не имѣли никакого вліянія на образованіе молодежи. Такъ называемый „свободный дворъ“ раздѣленъ на четыре части. Одно отдѣленіе для мальчиковъ, другое для юношей, третье для взрослыхъ, четвертое для лицъ выше возраста воинской повинности. По принятому обычаю всѣ они являются

на свои мѣста съ наступленіемъ утра, за исключеніемъ старшихъ, которые приходятъ только когда имъ удобно, но и они въ извѣстные дни непремѣнно должны быть на лицо. Юноши ночуютъ при этихъ зданіяхъ вмѣстѣ со своимъ оружіемъ. Въ каждомъ отдѣленіи 12 начальниковъ по числу персидскихъ родовъ. Для мальчиковъ выбраны начальниками такіе старшіе, на которыхъ можно надѣяться, что они доведутъ этихъ своихъ подчиненныхъ мальчиковъ до совершенства; для юношей выбираютъ начальниками взрослыхъ; для взрослыхъ выбраны такіе начальники, которые могутъ превосходно исполнять приказанія высшей власти.

Педагогическія требованія въ отношеніи къ каждому возрасту у персовъ таковы: посѣщая „свободный дворъ“, мальчики проводятъ тамъ время въ изученіи справедливости — такъ же, какъ у грековъ въ училищахъ изучали чтеніе и письмо. Бѣольшую часть дня начальники разбирали ссоры и взаимныя жалобы мальчиковъ, произносили приговоры и налагали наказанія за воровство, насиліе, обманъ, злословіе; наказывали и за несправедливыя жалобы. Особенно строго наказывали за неблагодарность тѣхъ, которые имѣли возможность быть благодарными, а благодарности не оказали. По мнѣнію персовъ, человѣкъ неблагодарный всѣхъ скорѣе можетъ нарушить обязанности къ богамъ, къ отечеству, къ родителямъ и друзьямъ.

За неблагодарностью идетъ безстыдство, которое есть главный проводникъ къ пороку. Глядя на цѣломудренную жизнь старшихъ, мальчики учились цѣломудрію; видя строгое повиновеніе своихъ старшихъ по отношенію къ своимъ начальникамъ, они и сами учились повиноваться.

Кушали мальчики не у матери, а въ училищѣ по указанію начальниковъ; здѣсь они пріучались къ воздержности въ пищѣ и питьѣ, опять-таки по образцу старшихъ, которые на ихъ глазахъ приступали къ пищѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Для ѣды изъ дому приносили только одинъ хлѣбъ, для приправы салатъ, для

воды брали кувшинъ, чтобы при случаѣ напиться изъ рѣки. Кромѣ того, мальчики учились дѣйствовать копьемъ и стрѣлять изъ лука.

Такъ проводили мальчики время до 16 или 17 лѣтъ: тогда они переходили въ разрядъ юношей и оставались таковыми десять лѣтъ. Юношескій возрастъ считался особенно требующимъ надзора; поэтому юноши спали при государственныхъ зданіяхъ, — какъ ради охраны города, такъ и ради цѣломудрія. Днемъ ими распоряжались начальники по разнымъ общественнымъ дѣламъ. На царскія охоты, обыкновенно, разъ въ мѣсяцъ, половина всей этой юношеской стражи отправлялась съ царемъ. Каждый охотникъ вооружался лукомъ при колчанѣ, короткимъ кинжаломъ въ ножнахъ, легкимъ щитомъ, метательнымъ дротикомъ и копьемъ для ручного боя.

Охота считалась у древнихъ персовъ особенно важнымъ дѣломъ и настоящимъ упражненіемъ въ военныхъ занятіяхъ. Главнымъ распорядителемъ охоты бывалъ, какъ и на войнѣ, самъ царь, наблюдавшій за юношами, чтобы они хорошо упражнялись въ охотѣ. Охота, какъ говоритъ Ксенофонтъ, пріучаетъ человѣка рано вставать, переносить холодъ и зной, много ходить и бѣгать, поражать животное стрѣлою или копьемъ, закаляетъ душу отъ страха. На охоту пищу берутъ съ собой на одинъ день для установленія привычки и на войнѣ обходиться съ малымъ припасомъ. Во время самой охоты не ѣдятъ ничего; на отдыхъ ѣдятъ хлѣбъ; приправою служатъ охотничья добыча.

Юноши, остающіеся дома, продолжаютъ заниматься тѣми же упражненіями, какими они занимались, будучи еще мальчиками. Устанавливается между ними соревнованіе и состязанія съ назначеніемъ наградъ. Если въ какомъ-либо родѣ окажется наибольшее число юношей вполне искусныхъ, храбрыхъ и почтительныхъ, граждане выражаютъ признательность не только нынѣшнему начальнику юношей, но и всѣмъ прежнимъ ихъ воспитателямъ изъ того вре-

мени, когда эти юноши еще были мальчиками. Юноши употребляются для карауловъ, открытія преступниковъ, достиженія разбойниковъ и вообще вездѣ, гдѣ требуется искусство и скорость.

Перейдя въ третій разрядъ, въ разрядъ взрослыхъ, остаются въ немъ 25 лѣтъ; теперь взрослые, они остаются въ полномъ распоряженіи своихъ пачальниковъ въ видахъ общаго блага. Главная обязанность ихъ отбываніе военной повинности; на войну они выходятъ съ ручнымъ оружіемъ, съ панцыремъ на груди, легкимъ плетенымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ и короткимъ мечемъ въ правой рукѣ. Изъ нихъ же выбираются и всѣ пачальствующія лица, за исключеніемъ воспитателей для мальчиковъ.

Дойдя до возраста нѣсколько старше 50 лѣтъ, взрослые переходятъ въ разрядъ старѣйшинъ. Этотъ, четвертый, возрастъ уже не выходитъ на войну, а остается дома, разбирая дѣла общественныя и частныя; старѣйшины избираются во всѣ должности и имѣютъ право произносить даже смертныя приговоры въ случаяхъ важнаго нарушенія закона юношами или взрослыми. Объ этомъ заявляютъ старѣйшіе представители рода или другихъ родовъ. Старѣйшины заслушиваютъ заявленіе и въ случаѣ надобности исключаютъ виновныхъ изъ среды гражданъ съ лишеніемъ чести на всю жизнь.

По общему закону, какъ мы сказали выше, никто изъ персовъ по своему происхожденію не лишенъ права на почести и должности. Всякій имѣетъ право посылать своихъ дѣтей въ общественное училище. Не посылаютъ дѣтей только тѣ, которые не имѣютъ возможности содержать дѣтей и заставляютъ ихъ работать ради куска хлѣба: кто не обезпеченъ, тотъ и дѣтей не посылаетъ въ училище. Состоять въ числѣ юношей имѣютъ право только тѣ мальчики, которые получили общественное воспитаніе; бѣдныя дѣти, не ходившія въ училище, уже лишены возможности проходить дальнѣйшія ступени воспитанія и дости-

гать въ послѣдствіи высокихъ должностей. Лица, не проводившія своей юности вышеуказаннымъ образомъ, не зачисляются въ отдѣленіе взрослыхъ. Наконецъ старѣйшинами становятся исключительно тѣ, которые безукоризненно провели возрастъ взрослыхъ, т. е. прошли, какъ говоритъ Ксенофонтъ, чрезо всѣ ступени прекраснаго.

Если бы свѣдѣнія, сообщаемыя Ксенофонтъ, были достовѣрны, то въ „Кирупедіи“ мы обладали бы историческимъ документомъ первостатейной важности. Вѣдь о культурной исторіи древнѣйшей Персіи мы знаемъ очень мало. Ксенофонтъ былъ и служилъ въ Персіи и, дѣйствительно, могъ кое-что узнать и услышать на мѣстѣ. Но историческая достовѣрность показаній Ксенофонта и въ „Меморабиліяхъ“ и въ „Кирупедіи“ подвергается сильному и справедливому сомнѣнію. „Кирупедія“ есть романъ, да и въ добавокъ къ тому — романъ не столько даже историческій, сколько тенденціозный. Не персидскаго воспитанія должны мы искать въ „Кирупедіи“ ; здѣсь нужно видѣть употребленіе кой-какихъ дошедшихъ до Ксенофонта во время его пребыванія въ Персіи историческихъ преданій — употребленіе этихъ преданій съ тенденціозною и полемическою цѣлью. Если бы и точно у Ксенофонта, прежде всего, имѣлись здѣсь въ виду древніе персы, то не за чѣмъ было бы и включать этого обзора въ исторію древне-греческой педагогики.

За персами нужно видѣть спартанцевъ, столь любезныхъ сердцу и Ксенофонта, и Платона (но не Аристотеля), за ихъ воспитаніемъ тѣ идеалы дорическаго происхожденія, которые, по мнѣнію автора „Кирупедіи“, хорошо бы осуществить и въ Аѣинахъ ; рекомендуется, преимущественно, принципъ общественнаго воспитанія (за чтò стоитъ и Платонъ) въ противоположность свободной семейной воспитательной системѣ, бывшей въ Аѣинахъ ¹⁾.

1) Аристотель признавалъ необходимость принудительной единообразной регуляціи семейнаго воспитанія со стороны государства.

Затѣмъ Ксенофонтъ затрогиваетъ вѣчный вопросъ педагогики о томъ, что предпочтительнѣе въ дѣлѣ воспитанія — добрыя нравы или научныя познанія. Ксенофонтъ стоитъ за благоправіе, какъ цѣль воспитательнаго процесса. Объ училищахъ у него упоминается лишь вскользь. Главное дѣло — преуспѣваніе въ справедливости и другихъ индивидуальныхъ и социальныхъ добродѣтеляхъ. А все это, какъ и у Платона, и у Аристотеля, нужно на благо и потребу не самой индивидуальной личности, но высшаго цѣлаго — государства. Имѣя гражданъ, такъ воспитанныхъ, государство будетъ сильно, могущественно, и съ знающимъ монархомъ одолѣетъ всѣхъ сосѣдей и подчинитъ ихъ своей власти. Ничто не мѣшаетъ и Аѣинамъ исполнить эту программу. А въ Аѣинахъ, по указанію Ксенофонта, изучаютъ грамоту, тогда какъ у древнихъ персовъ съ такимъ же рвеніемъ изучали нѣчто несравненно болѣе важное — справедливость.

Типъ педагогики Ксенофонта, не впадая въ крайность педагогики Платона, можетъ, однако, имѣть право на самостоятельное, наряду съ нимъ значеніе. Это даетъ Ксенофонту мѣсто среди греческихъ педагоговъ-теоретиковъ, и изложеніе его мыслей о воспитаніи естественно восполняетъ обычный пробѣлъ въ общихъ обзорахъ исторіи педагогики.

Общія замѣчанія о древне-греческой педагогикѣ.

Древне-греческая педагогика при сравненіи ея съ педагогикою новоевропейскою обладаетъ многими своеобразными чертами; нѣкоторыя изъ нихъ мы попытаемся указать ниже.

Древне-греческіе педагоги-теоретики пытались построить систему педагогической науки чисто-абстрактно, исходя изъ основныхъ философскихъ принциповъ. Педагогика въ ихъ рукахъ должна была стать одною изъ прикладныхъ философскихъ дисциплинъ, частью общей, великой философской

системы; у Платона педагогика есть послѣднее слово, вѣнецъ и заключеніе философіи, необходимый выводъ, эпилогъ къ единосвязной тріадѣ психологіи, этики, политики. У Аристотеля его педагогика есть тоже глава и окончательный выводъ его политики.

Этотъ философскій типъ педагогики въ культурной исторіи новаго времени ни разу не возобновлялся съ такою чистотой, какъ въ древней Греціи.

Педагогика новаго времени, хотя бы и построенная въ видѣ абстрактной, выводной науки, тоже по заданію, — обладаетъ болѣе сложною структурой. Чистота и простота древне-греческой педагогики — только исходъ изъ философскихъ основъ, — оказывается черезчуръ элементарною. Въ видѣ основъ привлекается теперь къ дѣлу не одна философія, — но наряду и на равныхъ правахъ — еще и другія науки, самостоятельныя и пезависимыя отъ философіи, хотя бы по конкретному матеріалу своихъ штудій, какъ, напр., политическая экономія и естествовѣдѣніе со своими прикладными отраслями, какова медицина. И если и теперь строить педагогику по старому методу, т. е. по заданію, то это заданіе теперь несравненно сложнѣе и разнообразнѣе. Благодаря болѣе широкому заданію и большому числу полагаемыхъ въ основу принциповъ, и самая педагогика новаго времени не можетъ уже болѣе считаться наукою чисто-философскою или же частью единой общей философской системы. Философія для педагогики новаго времени есть одна, но не единственная ея основа; есть у нея еще иныя основы, не менѣе для педагогики важныя. Научная педагогика новая имѣетъ регулироваться не только философскими принципами, но на столько же и естественно-научными, и политико-экономическими данными — и въ этомъ ея существенное отличіе отъ педагогики древне-греческой, которая была наукою философской, а потому представляла собой типъ мысли болѣе систематической.

Второе отличіе педагогики древне-греческой состоитъ

въ отсутствіи въ ней религіозной конфессіональности. Христіанство наложило на жизнь новой Европы чрезвычайно глубокіе слѣды, которые не могутъ быть затерты или стерты. Если мы возьмемъ первую же по времени великую педагогическую систему, ученіе Яна Амоса Каменскаго, то мы сразу же должны отмѣтить, что эта педагогическая система есть система религіозная, а именно система христіанской педагогики. Древнія педагогическія системы не носятъ на себѣ столь же рѣзко выраженныхъ слѣдовъ греческаго политеизма, господствующей религіи того времени. Педагогическія ученія Платона и Аристотеля нельзя назвать системами религіозно-педагогическими вообще, а тѣмъ менѣе педагогиками какой-либо одной опредѣленной религіи или конфессіи. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и сказать, чтобы эта древняя педагогика была атеистична или же страдала бы религіознымъ индифферентизмомъ. Древніе мыслители были за благочестіе въ дѣлѣ воспитанія, и сообразно общему духу своей педагогики, стояли за философское пониманіе и почитаніе Божества. Такъ Платонъ, ратуя противъ греческихъ поэтовъ и осуждая ихъ за недостойныя описанія боговъ, требовалъ возвышеннаго пониманія Божескихъ свойствъ и предписывалъ для своихъ будущихъ воиновъ благочестіе, какъ добродѣтель.

Наконецъ важною особенностію древне-греческой педагогики является принципъ государственности, лежащій во главѣ этой педагогической конструкціи. Не смотря на разныя частичныя разпорѣчія, по отношенію къ государству, всѣ разобранные нами теоретики — и Платонъ, и Аристотель, и Ксенофонтъ, — всѣ они единодушно полагаютъ, что воспитаніе есть дѣло, касающееся самыхъ коренныхъ, самыхъ насущныхъ основъ и потребностей государства. Педагогика для всѣхъ нихъ тѣсно связана съ политикой. Гражданинъ есть только органъ государства, воспитаніе будущаго гражданина касается, прежде всего не его, и не его семьи, но государства. Всякій существуетъ для своего

государства, всякій, родившись, не имѣетъ иной цѣли, какъ подготовляться къ званію гражданина опредѣленнаго государства (города), и при томъ, такъ именно, какъ постановляетъ и хочетъ того само государство. Въ этомъ отношеніи древніе педагоги-философы никакъ не могли бы понять новыхъ съ ихъ толками о космополитизмѣ, о всемірномъ гражданствѣ и обще-человѣческомъ братствѣ. . .

Проф. **Евгеній Бобровъ.**

О ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ при Св. Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссійскаго Собора.

„Созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѡ. XVI, 18).

„Жизнь нашу мы должны защищать нашу церковь, которая вся есть жизнь; благоуханіемъ душъ нашихъ мы должны возвестить ея истину“ . . . (Изъ письма Н. В. Гоголя къ гр. А. П. Т—му).

Введеніе.

А. Подготовительныя работы къ созванію Всероссійскаго собора.

Нерадостно начался для нашего отечества XX вѣкъ.

Не успѣли мы переступить порогъ новаго вѣка, не успѣли пережить возмущеніе и войну въ Китаѣ, не успѣли опомниться отъ цѣлаго ряда частичныхъ беспорядковъ, возникавшихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ различныхъ слояхъ общества¹⁾, какъ неожиданно въ самомъ началѣ 1904 г. глубоко потрясъ всю Россію громъ Дальневосточной войны. Постепенный ходъ военныхъ событій приносилъ намъ съ каждымъ днемъ только рядъ обидныхъ разочарованій и

1) Достаточно здѣсь вспомнить и волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и рабочіе беспорядки въ цѣломъ рядѣ городовъ (Баку, Тифлисъ, Москвѣ, Одессѣ и др.), и, наконецъ, крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губ.

мучительныхъ сомнѣній въ собственной силѣ. Портъ-Артуръ, Лоаянъ, Мукденъ, Цусима и, наконецъ, позорный для русскаго сердца Портсмутскій миръ — все это отдѣльные этапы тяжелой драмы, которую пришлось пережить многострадалной Россіи.

Но впереди еще болѣе тяжкое испытаніе ждало нашу родину.

Наступили черные дни революціи, когда общественная жизнь, какъ взбаломученное море, готова была бурной пѣной гнѣва и мести залить мирныя, тихія долины нашей родины, когда государство раздиралось внутренними смутами и въ этомъ общемъ стихійномъ раздорѣ люди теряли вѣру въ Бога и совѣсть, когда казалось тяжелое „лихолѣтье“ готово было стереть съ лица земли нашу Государственность, нашу Вѣру и все то, чѣмъ росла и крѣпла Русь въ своей тысячелѣтней исторіи.

Столь роковое сцѣпленіе неудачъ даже и слѣпцамъ раскрыло глаза на ихъ неслучайность: наша внутренняя слабость, наши несовершенства обнаружались ужъ слишкомъ ярко. Явилась жгучая потребность въ безотлагательныхъ реформахъ всей нашей государственной и общественной жизни. Съ высоты престола неоднократно раздается слово „о необходимости усовершенствованія государственнаго порядка и осуществленіи крупныхъ внутреннихъ преобразованій.“ Наконецъ, государственными актами 17 апрѣля, 6 августа и 17 октября 1905 г. Россія призывается на новый путь политической жизни. Начинается созидательная работа въ области государственнаго строительства, съ участіемъ народныхъ представителей, которая продолжается и до сего времени.

Такое преобразовательное направленіе общественно-государственной жизни неизбежно, въ силу тѣсной, исторической связи между церковью и государствомъ, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось извѣстнымъ образомъ и на нашей церковной жизни. И здѣсь пробудилось сознаніе въ необходимости обновленія всего церковнаго строя.

Болѣе чѣмъ двухсотлѣтнее пребываніе нашей церкви

„иодъ сѣнью казенной опеки“ (Вл. Соловьевъ), подъ разслабляющимъ покровомъ внѣшней полицейской охраны привело къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Бюрократизмъ, построенный на канцелярскихъ началахъ, съ безконечными отчетами и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, глубоко проникъ во всѣ сферы церковнаго управленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось полное раздѣленіе, какое-то взаимное отчужденіе, непониманіе между духовенствомъ и другими классами общества. Общество начало смотрѣть на дѣла церковныя, какъ на составляющія исключительно обязанность духовнаго сословія, и на церковь, на духовенство, какъ на какое-то особое вѣдомство, находящееся подъ покровительствомъ, подъ опекою и на службѣ государства.

Духовенство, оторванное отъ близкой жизни съ окружающимъ обществомъ, мало по малу стало замыкаться въ свои сословные интересы, равнодушно относиться къ потребностямъ и заблужденіямъ общества, надѣясь на полную безопасность и защиту со стороны свѣтской власти; общество же, не находя „вполнѣ осмысленной и живой вѣры въ предѣлахъ внѣшней церкви“¹⁾, начало знакомиться съ тлетворными ученіями Запада, начало смотрѣть на христіанство, какъ на пережитокъ старины и къ вопросамъ церковной жизни стало относиться съ полнымъ безучастіемъ²⁾. Это одна часть общества. Другая же, слѣдуя унаслѣдованнымъ традиціямъ, стало доволь-

1) „Къ вопросу о церк. реформѣ“ Н. К. Никольскаго, „Хр. Чт.“ 1906 г. февр.

2) Такъ одинъ изъ интеллигентовъ, говоря о разныхъ мнѣніяхъ по вопросу о церковной реформѣ, прямо заявляетъ, что онъ „къ этому дѣлу нисколько неприкосновененъ и нисколько поэтому не заинтересованъ исходомъ этого историческаго турнира“ („Нов. Вр.“ № 10, 468, 1906 г.). А другой по тому же поводу пишетъ: „по моему, отношеніе интеллигенціи къ этимъ событіямъ должно формулироваться словами: „какое намъ дѣло?!“ Ни горевать, ни радоваться намъ тутъ нечего . . . Не враждуя и не дружа, оставимъ въ покоѣ этомъ чуждый намъ міръ. Его радость не наша радость, его горе не наше горе, у насъ тамъ нѣтъ надеждъ и намъ тамъ нечего опасаться.“ („Новости“ № 80, 1906 г., статья М. Энгельгардта: „Чужая радость“).

ствоваться внѣшнимъ общеніемъ съ церковью, какъ то: посѣщеніемъ богослуженія, въ качествѣ безмолвнаго свидѣтеля, участіемъ въ необходимыхъ таинствахъ и т. п. Даже простой народъ — этотъ наиболѣе устойчивый элементъ церкви — и то начинаетъ колебаться. Расколъ и многочисленныя секты, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія, стѣснявшія пропаганду неправославныхъ ученій, и несмотря на дѣятельность священнослужителей, уже издавна пользуются въ народѣ большимъ успѣхомъ.

Но особенно отсутствіе прочной духовной связи между духовенствомъ и народомъ сказалось со времени изданія указа 17 апрѣля, который нарушилъ цѣльность складывавшейся вѣками системы взаимныхъ отношеній государства и церкви. Указъ этотъ засталъ духовенство въ полной неподготовленности и ярко обнаружилъ всѣ недочеты пастырскаго дѣланія. И только когда ряды православныхъ начали замѣтно рѣдѣть¹⁾, духовенство проснулось . . ., но было уже поздно. Не будь такого разообщенія между духовенствомъ и паствою, съ увѣренностію можно сказать, что не было бы и подобныхъ печальныхъ фактовъ.

Спрашивается: какими же средствами можно уничтожить установившееся вѣками разъединеніе между пастырями и иасомыми, какъ пробудить, оживить и объединить спящія разрозненныя силы церкви, какъ устроить жизнь церкви, чтобы она была дѣйствительно обществомъ, союзомъ, у котораго всѣ члены живутъ въ тѣсномъ единеніи, одушевляются общими интересами?

Единодушный голосъ всей современной церкви на это отвѣчаетъ: необходимо возстановить въ нашей русской церкви, вмѣсто мертваго бюрократизма, живое, древне-апостольское начало соборности и послѣдовательно провести его въ жизнь, начиная съ основной ячейки — прихода, до областныхъ и

1) Какъ извѣстно, въ Сѣверо-западномъ краѣ и Холмщинѣ, послѣ изданія указа объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, начались массовыя переходы изъ Православія въ католичество.

помѣстныхъ соборовъ. Почти двѣсти лѣтъ святая Русь не слышала соборнаго церковнаго голоса ¹⁾! . . . Между тѣмъ „соборное начало въ жизни церкви есть тоже, что движеніе крови въ живомъ организмѣ; оно есть жизнь церкви, біеніе ея пульса²⁾.“ И вотъ къ этому то соборному началу и обратились взоры всѣхъ вѣрныхъ чадъ Православной церкви. Въ помѣстномъ соборѣ увидѣли спасительный якорь, который выведетъ нашу церковь на свѣтлый, жизненной путь. Идея соборности въ сознаніи членовъ нашей церкви, можно сказать, никогда не умирала, особенно же она оживилась у насъ въ 60-хъ и 70-хъ XIX ст. Къ концу прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго мысль о необходимости созванія помѣстнаго собора сдѣлалась глубокимъ убѣжденіемъ широкихъ круговъ въ средѣ вѣрующихъ членовъ нашей церкви; оставалось только приступить къ реальному осуществленію завѣтныхъ желаній.

Какимъ же образомъ давно лелѣемая православными русскими людьми мысль о необходимости созванія Всероссійскаго Собора изъ области пламенныхъ желаній вступила на путь дѣйствительнаго осуществленія?

Отвѣтъ на это мы находимъ въ № 45 „Церк. Вѣд.“ за 1905 г., въ которомъ опубликованы величайшей важности документы, касающіеся нашего церковнаго обновленія.

Отсюда мы прежде всего узнаемъ, что воирось о желательности преобразованія русской церкви исходитъ, къ сожалѣнію, не отъ духовной, а отъ свѣтской власти. Когда въ Комитетѣ Министровъ было предположено дать полную свободу вѣроисповѣданія старообрядцамъ и иновѣрцамъ, результатомъ чего и явился указъ 17 апрѣля, то естественно было спросить: не окажется ли иоложеніе господствующей церкви, при измѣнившихся условіяхъ, менѣе благопріятнымъ, чѣмъ иновѣрцевъ и сектантовъ? Этимъ вопросомъ, съ Вы-

1) Послѣдній Соборъ на Руси былъ въ Москвѣ въ 1714 г. противъ кальвинистовъ (Т. I. стр. VII. прот. Преде. Прис.).

2) Проф. Завитневичъ „О возстановленіи Собора въ русск. церкви“. „Церк. Вѣстн.“, 1905 г., № 14 стр. 422.

сочайшаго соизволенія, и долженъ былъ заняться Комитетъ Министровъ. Глава его С. Ю. Витте взялъ на себя задачу составить записку о нуждахъ и недостаткахъ Православной церкви въ Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію того же С. Ю. Витте, митрополитъ Антоній составилъ рядъ вопросовъ „о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной церкви.“ Предположено было все это обсудить въ Особомъ Совѣщаніи указаннаго Комитета. Но этого не случилось. Государь Императоръ, извѣстясь объ означенномъ предположеніи, положилъ 13 марта 1905 г. слѣдующую резолюцію на докладѣ синодальнаго Оберъ-Прокурора: „Изъять вопросъ изъ Совѣщанія и передать на разсмотрѣніе Св. Синода“.

Во исполненіе Высочайшей воли Св. Синодъ безъ замедленія приступилъ къ обсужденію вопроса касательно преобразованія управленія Россійскою церковью на соборномъ началѣ. Въ засѣданіяхъ 15, 18 и 22 марта Св. Синодомъ былъ составленъ и повергнутъ на Высочайшее благовозрѣніе докладъ, основныя положенія котораго слѣдующія: 1) Въ составъ Синода ввести, на ряду съ членами постоянными, членовъ, вызываемыхъ по очереди изъ іерарховъ Россійской церкви и возглавить оный, чести ради Россійскаго государства, патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями областного митрополита и 2) Въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ созвать волею Государя Императора Помѣстный Соборъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ Православной Россійской церкви или представителей оныхъ для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: о раздѣленіи Россіи на церковныя округа, подъ управленіемъ митрополитовъ, вызываемомъ необходимостію передачи дѣлъ второстепенной важности изъ вышаго управленія въ мѣстныя установленія, о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и о преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами; о благоустроеніи прихода въ религіозно-нравственномъ, благотворительномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ; объ усовершеніи духовно-учебныхъ школъ; о пересмотрѣ

законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія церковію собственности; объ епархіальныхъ сѣздахъ духовенства; о предоставленіи высшимъ представителямъ церковной іерархіи права участвовать въ засѣданіяхъ Гос. Совѣта и Комитета Министровъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются интересовъ церкви; о предоставленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ.

Государю Императору благоугодно было возвратить означенный докладъ съ такою резолюціею отъ 31 марта: „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе Помѣстнаго Собора. Предоставляю себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать Соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія.“

Такимъ образомъ, Государь Императоръ одобрилъ предложеніе Синода о созваніи Помѣстнаго Собора для обсужденія означенныхъ вопросовъ и даже расширилъ его задачи, указавъ на необходимость обсужденія и предметовъ — вѣры, что вызвало единодушное одобреніе и общества, и печати.

Такъ какъ созваніе Помѣстнаго Собора русской церкви не подлежало уже никакому сомнѣнію и было лишь вопросомъ времени, то г. синодальный Оберъ-Прокуроръ, въ предложеніи Св. Синоду отъ 28 іюля 1905 за № 100, указалъ на необходимость заблаговременно приступить къ подготовительнымъ трудамъ, при чемъ сдѣлалъ обстоятельную постановку и самыхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію.

Въ виду важности вопросовъ, намѣченныхъ для обсужденія на Соборѣ, и принимая во вниманіе, что преосвященные до Помѣстнаго Собора должны тщательно ознакомиться съ вопросами, подлежащими ихъ разсмотрѣнію, равнымъ образомъ и Помѣстный Соборъ долженъ имѣть предъ собою весь необходимый для обсужденія по означеннымъ вопросамъ матеріалъ,

разработанный и приведенный въ систему, — Св. Синодъ, указомъ отъ 27 іюля 1905 г. за № 8, поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ войти въ сужденіе по означеннымъ вопросамъ, предоставивъ, въ помощь себѣ по разработкѣ означенныхъ вопросовъ, пригласить лицъ, заслуживающихъ довѣрія и способныхъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и свой соображенія представить Св. Синоду не позднѣе 1-го декабря 1905 г. для дальнейшей разработки и приведенія въ систему доставленныхъ матеріаловъ и отзывовъ.

Послѣ такого предложенія началась разработка предполагаемыхъ реформъ на мѣстахъ, въ епархіяхъ.

Несомнѣнно, подготовительныя работы, правильно поставленныя, съ участіемъ духовенства и народа, имѣютъ весьма важное значеніе. Во первыхъ, онѣ выясняютъ нужды и запросы всей церкви и тѣмъ даютъ матеріалъ для соборныхъ сужденій; во вторыхъ, благодаря имъ клиръ и народъ знакомится съ тѣми вопросами и недоумѣніями, какіе будутъ разрѣшаться Соборомъ и, въ третьихъ, такое предварительное соглашеніе народа съ іерархіей придаетъ Собору авторитетъ и жизненное значеніе.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о происходившей въ епархіяхъ предварительной разработкѣ, которая носила неодинаковый характеръ въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ взглядовъ мѣстныхъ епископовъ.

Такъ, одни преосвященные высказали только свое единоличное мнѣніе о церковной реформѣ, безъ всякаго участія даже духовенства; другіе, хотя и составили комиссіи, но работы ихъ велись замкнуто, безъ широкаго участія духовенства и народа, и только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію Собора, предлагались на обсужденіе епархіальнымъ създамъ. Изъ числа епархіальныхъ създовъ, занимавшихся обсужденіемъ современнаго іоложенія Православной церкви особенно выдѣляется Рижскій (20 сент. 6 окт. 1905 г.), который даже называется „Соборомъ“. Это названіе вполне оправдывается и соста-

вомъ собранія, ибо въ немъ были всѣ степени клира и представители мірянъ, и важностію предложенныхъ его обсужденію вопросовъ, и особенно — соборностію, т. е. широкою свободою сужденій, вѣнчавшеюся единодушными опредѣленіями (о приходѣ, духовной школѣ, богослуженіи и т. д.). Цѣлый рядъ мѣръ о желательныхъ иреобразованіяхъ церковнаго строя выработали — Подольскій епархіальный сѣздъ („Церк. Вѣд.“ № 49 за 1905 г.), пастырское собраніе Кіевской епархіи („Церк. Вѣд.“ № 50, 1905 г.), тоже въ Ярославлѣ, Твери и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ предварительныхъ совѣщаній въ епархіяхъ явились т. наз. „Отзвы епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросамъ церковной реформы“, которыя и послужили основою для сужденій и постановленій Предсоборнаго Присутствія.

Дальнѣйшимъ шагомъ, и весьма важнымъ, въ церковной реформѣ является призывъ Государемъ Императоромъ 17 декабря 1905 г. въ Царское Село присутствующихъ въ Св. Синодѣ высшихъ іерарховъ: митрополитовъ: С.-Петербургскаго Антонія, Московскаго Владиміра и Кіевскаго Флавіана для непосредственнаго преподаванія царственныхъ указаній къ предстоящему созванію Помѣстнаго Собора Всероссійской церкви.

Освѣдомившись отъ вызванныхъ іерарховъ о положеніи предпринятыхъ уже для успѣшнаго созванія Собора подготовительныхъ работъ, требующихъ труда и времени, Государь Императоръ соизволилъ высказать, что въ настоящее время, при обнаружившейся расшатанности въ области религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ, благоустроеніе Православной русской церкви — хранительницы вѣчной христіанской истины и благочестія, представляется дѣломъ неотложной необходимости. Въ виду сего Его Величество Всемиловивѣйше повелѣтъ соизволилъ приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія Собора въ ближайшее, по возможности, время.

Согласно сей Высочайшей воли, Св. Синодъ, помимо

сдѣланныхъ уже съ его стороны распоряженій, предположилъ для предварительнаго обсужденія, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ, какъ намѣченныхъ уже къ соборному разсмотрѣнію такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Св. Синодѣ съ начала 1906 года особое Присутствіе изъ представителей церковной іерархіи и другихъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и познаніями въ области богословія, церковной исторіи, каноническаго права и церковной практики.

Послѣ этого, 27-го того же декабря, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ митрополиту Антонію съ нижеслѣдующимъ Собственноручнымъ рескриптомъ :

„Ваше Высокопреосвященство !

Церковная власть, въ лицѣ Св. Синода, весною настоящаго года заявила Мнѣ о необходимости созвать, для устройства дѣлъ церковныхъ, чрезвычайный Всероссийскій Помѣстный Соборъ.

Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ не дали Мнѣ возможности тогда привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Нынѣ же Я признаю вполне благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной церкви, на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ, для вящшаго утвержденія Правословія.

А посему предлагаю вамъ, Владыко, совмѣстно съ митрополитами : Московскимъ Владиміромъ и Кіевскимъ Флавіаномъ, опредѣлить время созванія этого, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго, Собора.

Поручаю Себя вашимъ молитвамъ.

Н и к о л а й“ 1).

1) „Церк. Вѣд.“ № 1, 1906 г.

Царская вѣсть о неотложномъ созывѣ Собора вызвала искреннюю радость у всѣхъ лицъ преданныхъ Православной церкви.

Вся печать, какъ церковная, такъ и свѣтская единодушно привѣтствовала этотъ актъ Верховной воли и выражала надежду, что предстоящій Соборъ успѣшно выполнитъ свою задачу — возстановленіе добрыхъ нравовъ общественныхъ, гражданскихъ, бытовыхъ и семейныхъ („Новое Время“), что Соборъ скажетъ свое слово о тѣхъ глубокихъ потрясеніяхъ, которыя переживаетъ наша родина („Наша Жизнь“), что Соборъ обновитъ и укрѣпитъ нашу церковь („Гражданинъ“) и что Соборъ возстановитъ сплоченіе и тѣсное взаимообщеніе между отдѣльными членами церкви Христовой, какъ единственный путь къ оживленію церковной жизни и къ устраненію отрицательныхъ сторонъ ея настоящаго положенія („Церковный Вѣстникъ“, „Церк. Голосъ“).

Благодаря такому Царскому призыву, дѣло церковнаго обновленія подвинулось ускореннымъ темпомъ.

Уже 16 января 1906 г. получило Высочайшую санкцію оиредѣленіе Св. Синода отъ 14 того же января за № 127, коимъ предположено: 1) съ цѣлю успѣшной разработки и подготовки къ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Всероссійскомъ Соборѣ какъ первоначально намѣченныхъ, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Св. Синодѣ, подъ предсѣдательствомъ первенствующаго члена его, митрополита С. Петербургскаго Антонія, особое Присутствіе, съ участіемъ въ ономъ, на правахъ членовъ, митрополитовъ Московскаго Владиміра и Кіевскаго Флавіана, а также архіепископовъ: Херсонскаго Димитрія, Литовскаго Никандра, Ярославскаго Іакова, Финляндскаго Сергія и епископовъ: Волынскаго Антонія, Псковскаго Арсенія и Могилевскаго Стефана, и съ иредоставленіемъ участія въ семъ Присутствіи Синодальному Оберъ-Прокурору и его Товарищу.

2) Пригласить къ занятіямъ въ Присутствіи, на правахъ членовъ, нижеслѣдующихъ лицъ: протоіереевъ — профессора

С. Петербургскаго Университета М. Горчакова, Харьковскаго Т. Буткевича, Кіевскаго П. Свѣтлова, ординарнаго профессора Кіевской Дух. Академіи Ѳ. Титова, настоятеля Посольской церкви въ Берлинѣ А. Мальцева и настоятеля СПБ. Вознесенской Церкви А. Лебедева, экстраорд. проф. СПБ. Духовной Академіи свящ. А. Рождественскаго, ординарн. академика Академіи Наукъ Е. Голубинскаго, проф. Моск. Дух. Академіи и Моск. Университета В. Ключевскаго, профессоровъ Казанской Дух. Академіи — И. Бердникова, Н. Ивановскаго, В. Несмѣлова и М. Машанова, Московской Н. Заозерскаго, Кіевской В. Завитневича, СПБ. — Н. Глубоковскаго, И. Соколова и А. Бриллиантова и орд. проф. Московскаго Университета Н. Суворова († 6-го августа 1909 г.);

3) Предоставить Предсѣдателю Присутствія приглашать, по мѣрѣ надобности, къ участию въ занятіяхъ Присутствія, въ качествѣ членовъ, и другихъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, 4) возложить дѣлопроизводство въ семъ Присутствіи на должностныхъ лицъ центральныхъ синодальныхъ управленій по соглашенію Предсѣдателя Присутствія съ Оберъ-Прокуроромъ; 5) о ходѣ работъ въ Присутствіи сообщать во всеобщее свѣдѣніе чрезъ „Церк. Вѣдомости“ съ разрѣшенія Предсѣдателя Присутствія и 6) по исполненіи возложенныхъ на Присутствіе работъ во всей ихъ совокупности, представить ихъ на благоусмотрѣніе Св. Синода съ своимъ заключеніемъ ¹⁾).

Кромѣ иеречисленныхъ лицъ, въ составъ Предсоборнаго Присутствія, согласно хадатайству Предсѣдателя онаго по Высочайшему повелѣнію, включены еще слѣдующія лица: отъ 27 февраля — генераль-лейтенантъ А. А. Кирѣевъ, дворяне Д. Хомяковъ и Д. Самаринъ, проф. Кіевскаго Университета Е. Трубецкой и кол. секр. Н. Аксаковъ, „какъ такія лица, которыя — по своей приверженности къ Православной Церкви и освѣдомленности въ богословско-историче-

1) „Церк. Вѣд.“ № 3, 1906 г.

ской литературѣ и текущей церк.-приходской жизни, могутъ принести существенную пользу въ разработкѣ и подготовкѣ намѣченныхъ для разсмотрѣнія на Помѣстномъ Соборѣ вопросовъ“ („Церк. Вѣд.“ № 9, 1906 г.); отъ 24 марта — Предсѣдатель училищ. Совѣта при Св. Синодѣ прот. П. Соколовъ, орд. проф. Новороссійскаго Университета д. с. с. А. Алмазовъ, орд. проф. Юрьевскаго Университета д. с. с. М. Е. Красноженъ и присяжный повѣренный Москов. Судебн. Палаты Н. Кузнецовъ; отъ 10 марта — Тавастгустскій губернаторъ д. с. с. А. Папковъ; отъ 17 марта т. с. А. Нейдгартъ и камеръ-юнкеръ Двора Его Имп. Вел. с. с. П. Мансуровъ; отъ 14 апрѣля орд. проф. Харьковскаго Университета д. с. с. М. Остроумовъ, Кіев. Дух. Академіи д. с. с. К. Поповъ и Моск. Дух. Академіи И. Поповъ; отъ 23 іюня — старшій дѣлопроизводитель Гос. канцеляріи и проф. гражд. права въ Училищѣ Иравовѣдѣнія В. Шейнъ и писатель по церк. вопросамъ Л. Тихомировъ; отъ 27 октября — сенаторъ т. с. Остроумовъ; отъ 2 ноября — орд. проф. Кіев. Дух. Академіи с. с. Дмитріевскій и отъ 24 ноября — Кирионъ, епископъ Сухумскій.

По сформированіи состава Особаго Присутствія, члены онаго, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 21 февр. 1906 г. за № 1065, вызваны были для занятій въ С.-Петербургѣ къ 5 марта того же года; при чемъ этимъ же опредѣленіемъ поручено было входящимъ въ составъ Присутствія преосвященнымъ — избрать для участія, съ того же срока, въ работахъ Присутствія по одному изъ опытнѣйшихъ и преданнѣйшихъ церкви іереевъ подвѣдомственныхъ имъ епархій, близко знакомыхъ съ нуждами церк.-приходской жизни, особенно въ сельскихъ приходахъ.

Съ 8 марта Предсоборное Присутствіе приступило къ своимъ нелегкимъ занятіямъ и работало по 13 іюня, когда былъ объявленъ перерывъ. Затѣмъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 18—19 октября за № 5926 постановлено было возобновить занятія съ 1-го ноября.

Предъ возобновленіемъ занятій Предсоборнаго Присутствія

Св. Синодъ издалъ еще одно весьма существенное опредѣленіе, Высочайше утвержденное, которое гласитъ слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что существенныя положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго Всероссійскаго Собора, порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на Соборѣ, о преобразованіи центральнаго церковнаго управленія и объ отношеніи церкви къ государственной власти окончены разработкой въ I отд. Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія и одобрены съ нѣкоторыми измѣненіями на общемъ собраніи членовъ Присутствія, и находя необходимымъ закончить остальныя работы въ возможно непродолжительное время, дабы дать возможность ознакомиться до Собора на мѣстахъ въ епархіяхъ съ разработаннымъ Присутствіемъ матеріаломъ, Св. Синодъ опредѣляетъ: изъ выработанныхъ отдѣлами Предсоб. Присутствія положеній подвергнуть разсмотрѣнію въ общихъ собраніяхъ Присутствія положеній о митрополитанскихъ округахъ, объ основныхъ началахъ преобразованія епарх. управленія и суда и объ организаціи прихода; по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ и подлежащимъ разсмотрѣнію отдѣловъ Присутствія, поручить симъ отдѣламъ — представить Св. Синоду, для внесенія на разсмотрѣніе предстоящаго Собора, мотивированные доклады съ изложеніемъ мнѣній большинства и меньшинства — не позднѣе 15 декабря 1906 г., къ каковому числу должны быть закончены и заведенія общаго Присутствія“¹⁾.

Свои занятія Предсоборнаго Присутствіе, какъ мы уже сказали открыло 8-го марта 1906 г.

По случаю этого торжественнаго событія въ церкви Св. Синода были совершены въ этотъ день литургія и молебенъ. Предъ молебномъ преосвященный Стефанъ Могилевскій обратился къ собранію съ прекрасною рѣчью, въ которой далъ обзоръ тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ какія облекалась внутренняя жизнь русской церкви и сравнилъ исторію послѣдней съ

1) „Церк. Вѣд.“ № 44, 1906 г.

развитіемъ отдѣльнаго человѣка. „Въ наше время“, говорилъ Преосвященный, „съ достиженіемъ чадами церкви возраста „мужа совершеннаго“ . . . требуются новыя внѣшнія формы ея внутренней жизни. Это тѣ исконныя для церкви формы ея соборнаго устройства, которыя, подѣ водительствомъ Духа Божія, уже выработаны Вселенскою нераздѣльною Церковью въ золотой періодъ ея существованія, какъ вѣчный съ того времени идеаль устройства и для каждой помѣстной церкви, доросшей до этихъ формъ и достойной ихъ“¹⁾. Свое слово Преосвященный закончилъ призывомъ къ молитвѣ о томъ, чтобы призванные къ устройенію новыхъ формъ жизни церкви „не отступили отъ богопреданной вселенской истины Православія.“

По окончаніи молебна, въ залѣ засѣданій Св. Синода состоялось первое засѣданіе Присутствія.

Послѣ обмѣна привѣтственными рѣчами, и принятія рѣшенія — обратиться съ благодарственной телеграммой къ Государю Императору за Его непрестанное попеченіе о благоустроеніи Православной русской церкви, члены Присутствія, въ интересахъ успѣшности работъ, разбились на семь отдѣловъ.

Отдѣлы эти слѣдующіе: 1-ый отдѣлъ, подѣ предсѣдательствомъ архіепископа Херсонскаго Димитрія, занимался вопросами о составѣ Помѣстнаго Собора, порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на Соборѣ и о преобразованіи центрального церковнаго управленія. 2-ой отдѣлъ, подѣ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Никандра, — о раздѣленіи Россіи на церковные округа и организациі ихъ, а также о преобразованіи мѣстнаго церковнаго управленія. 3-ій отдѣлъ, подѣ предсѣдательствомъ архіепископа Ярославскаго Іакова, — объ организациі церковнаго суда и пересмотрѣ законовъ по дѣламъ брачнымъ вообще и о смѣшанныхъ бракахъ. 4-ый отдѣлъ, подѣ предсѣдательствомъ епископа Могилевскаго Стефана, — о благоустроеніи прихода, церковной школѣ, порядкѣ пріобрѣте-

1) Журналы и протоколы засѣданій Присутствія. Т. I., стр. V

нія церковной собственности, епархіальныхъ сѣздахъ и участіи священно-служителей въ общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ. 5-ый отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Псковскаго Арсенія, — о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. 6-ой отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Волынскаго Антонія, — по дѣламъ вѣры: о единовѣрїи, старообрядчествѣ и другихъ вопросахъ вѣры. 7-ой отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія, — о мѣрахъ къ огражденію Православной вѣры и христіанскаго благочестія отъ неправыхъ ученій и толкованій, въ виду укрѣпленія началъ вѣротерпимости въ Имперіи.

Б. Труды перваго отдѣла Предсоборнаго Присутствія.

Наибольшее вниманіе членовъ Предсоборнаго Присутствія, русскаго общества и русской печати было обращено на дѣятельность перваго отдѣла Предсоборнаго Присутствія, на работахъ котораго мы и остановимся подробно.

а) О составѣ Собора¹⁾.

Вопросъ объ организаціи Собора и прежде всего о его составѣ, о сравнительномъ значеніи въ его рѣшеніяхъ голоса различныхъ членовъ является наиболѣе жгучимъ, наиболѣе волнующимъ церковно-общественное сознаніе, онъ, можно сказать, является центральнымъ вопросомъ во всей предстоящей реформѣ.

И это вполне естественно. Вѣдь отъ того или иного состава будущаго собора въ извѣстной степени зависитъ самый характеръ его дѣятельности, степень авторитетности его рѣшеній и направленіе ожидаемаго отъ него обновленія церков-

1) Вопросъ о составѣ Собора былъ подвергнутъ тщательному и всестороннему обсужденію 1-ымъ отдѣломъ въ засѣданіяхъ 14 и 16 марта 1906 г. и въ общемъ собраніи Присутствія 5-го мая того же года.

ной жизни. Вотъ почему около этого вопроса сконцентрировалось вниманіе и свѣтской, и духовной печати, епископовъ, священниковъ, ученыхъ канонистовъ и всѣхъ лицъ, интересующихся обновленіемъ церковной жкзни.

Свое послѣдующее изложеніе о составѣ Собора мы разобьемъ на двѣ части: въ первой части, руководясь отзывами преосвященныхъ и сужденіями 1-го отдѣла и общаго собранія Присутствія, мы рѣшимъ вопросъ — изъ какихъ элементовъ долженъ составиться будущій Помѣстный Соборъ, а во второй — съ какимъ значеніемъ, съ какимъ голосомъ (рѣшающимъ, или совѣщательнымъ) могутъ быть допущены на Соборъ клиръ и міряне?

Обратимся къ рѣшенію перваго вопроса — кто долженъ входить въ составъ Собора?

Конечно, первымъ элементомъ, входящимъ въ составъ предстоящаго Собора, и по праву, и по сану должны быть епископы.

Возникъ только въ 1-мъ отдѣлѣ и общемъ собраніи Присутствія вопросъ — всѣхъ ли созывать епископовъ, т. е. правящихъ, викарныхъ и пребывающихъ на покоѣ, или только однихъ правящихъ и, если всѣхъ, то всѣ ли они пользуются одинаковымъ голосомъ? Согласно съ практикою церкви и отзывами епархіальныхъ преосвященныхъ, признано было обязательнымъ присутствіе всѣхъ правящихъ епископовъ, какъ представителей своихъ епархій, самолично или же чрезъ своихъ замѣстителей (Карѣ. 27). Но такъ какъ нѣкоторые и изъ викарныхъ и пребывающихъ на покоѣ епископовъ могутъ быть весьма полезными для Собора, какъ лица извѣстная своею ученостію, дѣятельностію миссіонерскою, просвѣтительною и учебно-воспитательною, или же какъ руководители религіозно просвѣтительныхъ братствъ и обществъ, то они могутъ быть приглашаемы на Соборъ Св. Синодомъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ Собора.

Гораздо болѣе сложнымъ представляется вопросъ объ участіи клира и мірянъ на Соборѣ.

Какъ мы уже выше упоминали, Св. Синодъ въ своихъ засѣданіяхъ 15, 18 и 22 марта 1905 г. рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Соборъ долженъ состоять исключительно только изъ епархіальныхъ епископовъ или представителей оныхъ.

Такое постановленіе съ формально-канонической точки зрѣнія нельзя не признать правильнымъ. Всѣ каноны, когда касаются состава членовъ Собора, то упоминаютъ всегда лишь епископовъ.

Такъ, 37-е ап. правило говоритъ: „Дважды въ году да бываетъ Соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія“. Тоже выражаетъ и 5-е пр. 1 вс. собора: „За благо признано, чтобы въ каждой области дважды въ годъ были соборы: чтобы всѣ вообще епископы области, собравшись во едино, изслѣдовали недоумѣнія“. Эту же мысль подтверждаетъ и цѣлый рядъ другихъ каноническихъ правилъ напр., 4-го вс. соб. 19-е пр., Трулльск. соб. 8-е пр., Карѣ. 87-е, Лаод. пр. 40-е и др.

Что касается отзывовъ епархіальныхъ епископовъ, то голоса ихъ по интересующему насъ вопросу раздѣлились¹⁾: одни подали голосъ за участіе клира и мірянъ, но только съ совѣщательнымъ голосомъ (по приглашенію, или по выбору²⁾), другіе же отнеслись къ этому участію отрицательно и предлагали ни въ какомъ случаѣ не допускать мірянъ на предстоящій Соборъ.

Для рѣшенія даннаго вопроса, необходимо обратиться къ практикѣ церкви и посмотрѣть: были ли членами соборовъ одни епископы, или же допускалось на ряду съ ними участіе и другихъ представителей церковнаго общества?

1) Замѣтимъ, кстати, что почти треть епископовъ обошла молчаніемъ этотъ вопросъ.

2) Были, впрочемъ, голоса и за рѣшающій голосъ клира и мірянъ, напр. Полтавской комиссіи и др., но они единичны.

Начнемъ съ перваго Собора — апостольскаго, о которомъ повѣствуеть 15 гл. кн. Дѣяній.

Поводомъ къ созванію этого Собора послужило разногласіе среди вѣрующихъ въ Антиохіи по вопросу объ обязательности для христіанъ исполненія Моисеева закона. Тогда они постановили послать Павла и Варнаву и нѣкоторыхъ другихъ изъ своей среды „ко апостоломъ и старцемъ во Іерусалимъ о вопрошеніи семъ“ (Дѣян. XV, 2). Апостолы созвали собраніе и, при участіи присланныхъ изъ Антиохіи лицъ, „со всею церковію разсудили“, послѣ чего, отъ имени апостоловъ, пресвитеровъ и братіи (XV, 23) было заготовлено посланіе въ Антиохію и отправлено чрезъ тѣхъ же антиохійскихъ посланныхъ.

Не вдаваясь въ подробности научнаго экзегезиса, мы, слѣдуя тексту книги Дѣяній и авторитетамъ богословской мысли (отзывъ Самарск., Владимірск. еп., комиссіи Архангельск., С. Троицкій, „Церк. Соборъ и міряне“ „Церк. Вѣстн.“ 1905 г., стр. 1379) съ несомнѣнностію можемъ заключить, что въ работахъ апостольскаго Собора принимали активное участіе старцы пресвитеры и братія, на что указываютъ выраженія: „умолчаша все множество“ (ст. 12), „тогда изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію“ (22), „апостолы, пресвитеры и братія находящимся въ Антиохіи“ (23), „собравиисъ единодушно разсудили“.

Послѣ періода апостольскаго, исторія первыхъ христіанскихъ вѣковъ (II и III), какъ ни скудна сохранившимися до насъ памятниками, ясно свидѣтельствуетъ, что на соборы, при всеобщемъ живомъ интересѣ къ дѣламъ церкви, собирались всѣ вѣрующіе.

Такъ во II в., съ появленіемъ ереси Монтана, „вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться по сему случаю и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое; тогда преданные ему отлучены были отъ церкви и лишены общенія съ нею (Евсевій, „Церк. Исторія“, V, 16).

Несомнѣнно, что подъ общимъ наименованіемъ „вѣрующихъ“ нужно разумѣть не однихъ только епископовъ, но и клириковъ и мірянъ, которые вмѣстѣ съ епископами и изрекли осужденіе ереси. Здѣсь же (V, 19) приводится свидѣтельство Серапіона антиох. (конца II в.), что монтанизмъ осужденъ всѣмъ братствомъ въ мірѣ (*πάση τῇ ἐν κόσμῳ ἀδελφοῦσι*).

Съ такимъ же „всецерковнымъ“ составомъ были и тѣ соборы II в., которые собирались по спорному вопросу о времени празднованія Пасхи. Митрополитъ Московскій прямо говоритъ въ своемъ отзывѣ¹⁾, что галликанскіе соборы, бывшіе при Иринеѣ (по поводу празднованія Пасхи) состояли не изъ однихъ епископовъ. Посланіе о состоявшемся при немъ соборѣ является, какъ посланіе галльской общины; существуетъ и другое посланіе по тому же поводу, исходящее отъ имени братьевъ, коими управлялъ Иринея въ Галліи.

Переходя къ соборамъ III в., мы находимъ свидѣтельства о неизмѣнномъ участіи на нихъ клира и мірянъ. Такъ относительно собора въ Бострѣ Аравійской (около 244 г.), по поводу лжеученія епископа ея Берилла, историкъ Евсевій говоритъ: „Письменные разсужденія Берилла и бывшего собора, а также предложенные Оригеномъ Бериллу вопросы и происходившія передъ его, Берилла, общиною состязанія, сохраняются доселѣ“ (Евсевій, VI, 33). Отсюда видно, что въ составъ собора входили община и пресвитеры.

Многочисленные свидѣтельства о составѣ соборовъ этой эпохи даетъ св. Кипріанъ Карѳагенскій.

„Съ самага начала епископства моего“, пишетъ Карѳагенскій епископъ, „я положилъ за правило ничего не дѣлать по одному моему усмотрѣнію безъ совѣта съ клиромъ и безъ согласія народа“ (Св. Кипріанъ, письм. 27, т. 1, стр. 105). Дѣйствительно, на соборахъ по дѣлу о падшихъ (въ Карѳагенѣ), согласно желанію св. Кипріана, должны были принять

1) „Церк. Вѣд.“ 1906 г. стр. 2573.

участіе епископы, пресвитеры, діаконы, исповѣдники и устоявшіе въ вѣрѣ міряне (Кипріанъ 30, 5); при чемъ міряне принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ, вліяя на рѣшенія собора (*ibid.* 17, 3; 19, 2; 34, 4); они, далѣе, могли становиться въ оппозицію и нерѣдко пользовались этимъ правомъ (*ibid.* 59, 15). Желаніе Кипріана обсудить вопросъ о падшихъ при участіи клира и мірянъ получило одобреніе Римской церкви, которая признала, что только въ такомъ случаѣ опредѣленіе относительно падшихъ можетъ получить законную силу (св. Кипріанъ, т. 1, стр. 156).

На Кареагенскомъ соборѣ 256 г. по поводу перекрещиванія еретиковъ присутствовало 87 епископовъ, множество пресвитеровъ и діаконівъ и множество народа (*Mansi*, t. I. p. 951, ср. прот. Предс. Присут. т. I, стр. 12). Въ 264—265 гг. на соборѣ въ Антиохіи противъ Павла Самосатскаго собралось много епископовъ „вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами“ (Евсевій, VII, 28). На Римскомъ соборѣ по поводу Новаціанскаго раскола присутствовало, по свидѣтельству еп. Корнилія, „несмѣтное множество народа“ (Кипріанъ, письмо 49, 2; Евсевій V, 43). На соборѣ Эльвирскомъ (306 г.), по свидѣтельству дѣяній этого собора, были и епископы, и пресвитеры, и діаконы, и великое множество народа (*Mansi*, t. II, col. 5).

Такимъ образомъ изъ этой краткой и далеко не полной исторіи древнѣйшихъ соборовъ видно, что эти соборы не были замкнутыми собраніями епископовъ, а на нихъ принимали участіе клиръ и міряне. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что уже въ эту эпоху руководящая роль на соборахъ постепенно начинаетъ переходить къ епископамъ.

Какъ это произошло? С. Б. Троицкій („Церковн. Соборъ и міряне“) объясняетъ этотъ фактъ слѣдующими причинами. Когда церковь Христова была немногочисленна, то собраться всѣмъ членамъ ея было легко. Но съ дальнѣйшимъ ростомъ церкви, собранія мірянъ встрѣчаютъ все большія и большія затрудненія, особенно при отсутствіи правильныхъ общественныхъ организацій. Отсюда на большихъ соборахъ предста-

вителями многихъ епархій могли быть и были только епископы, а изъ мірянъ присутствовали только міряне той епархій, гдѣ былъ соборъ. При такихъ условіяхъ значеніе мірянъ падаетъ, они низводятся къ роли „предстоящихъ мірянъ“ (adstantes laici), а епископы пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе въ дѣлахъ церкви. И въ этомъ „не было нарушенія принципа“, говоритъ С. Троицкій, „такъ какъ избранные мірянами епископы были на соборѣ выразителями не какихъ-нибудь особыхъ взглядовъ, а взглядовъ мірянъ своихъ епархій, которымъ они и давали отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ на соборѣ“¹⁾.

Тотъ фактъ, что епископы были представителями народа констатируетъ и профессоръ Лебедевъ. Въ своей статьѣ „Объ участіи мірянъ на соборахъ“ онъ объясняетъ это тѣмъ, что епископы древности ни по своему образованію, ни по своему происхожденію ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды остального народа; они были, по выраженію А. Лебедева, „мірянами въ рясахъ“, отлично знали вкусы, потребности своего народа, а народъ съ своей стороны вполне довѣрялъ безпристрастію и компетентности своихъ духовныхъ руководителей: епископы рѣшили такъ, значить, „такъ“ и нужно, разсуждалъ народъ²⁾. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ не чувствовалось особой нужды въ народномъ представительствѣ на соборахъ.

Вотъ почему въ эпоху вселенскихъ соборовъ міряне не принимаютъ уже такого дѣятельнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, какъ въ первые три вѣка. Это объясняется еще и измѣненіемъ внѣшняго положенія церкви съ IV в. Со времени признанія христіанства господствующей религіей государственная власть является воплощеніемъ народной воли. Императоръ является носителемъ государственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ правъ народа. Извѣстно, что первый христіанскій императоръ Константинъ Великій объявилъ

1) „Церк. Вѣстникъ“, 1906 г., № 45.

2) „Душеполезн. Чтеніе“, 1906 г., мартъ, стр. 387—388.

себя „епископомъ внѣшнихъ дѣлъ церкви“ („Жизнь Константина“, IV, 24).

Къ этому же времени (т. е. къ эпохѣ IV в.) начинается падать церковная выборная организація. Уже въ 372 г. Лаодикійскій соборъ запретилъ участвовать народу (толпѣ) въ выборѣ какъ епископовъ, такъ и пресвитеровъ; Юстиніанъ, въ 137 новел. 541 г., ограничилъ это участіе только клириками и знатными горожанами, а имп. Никифоръ Фока постановилъ, чтобы ни одинъ епископъ не былъ назначае́мъ безъ императорскаго соизволенія. Такимъ образомъ, императоры завоевывали себѣ все большую и большую власть въ дѣлахъ церковныхъ. Они не только собирали соборы, предсѣдательствовали на нихъ, утверждали ихъ рѣшенія, но и издавали церковные законы, назначали и низлагали епископовъ, примиряли церковные споры и т. п.

Но несмотря на все это, имѣются твердыя историческія данныя, что клиръ и міряне присутствовали на вселенскихъ соборахъ.

Такъ, на 1-омъ всел. соборѣ, по свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, „присутствовавшихъ на немъ пресвитеровъ, діаконовъ (между ними извѣстнѣйшій діако́нъ св. Аѳанасій Великій), чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было исчислить“ (Евсевій Памфилъ, „Жизнь блж. царя Константина“, III, 8. Рус. пер. СПб. 1850 г., стр. 272). На соборѣ были даже допущены язычники-философы, вступившіе въ пренія съ христіанами относительно ихъ вѣры. Въ дѣяніяхъ собора приведена довольно обширная бесѣда одного изъ философовъ съ однимъ простымъ старцемъ, результатомъ которой было обращеніе ученаго язычника ко Христу¹⁾.

Изъ дѣяній 3-го всел. собора видно, что главный участникъ его св. Кириллъ Александрійск. явился на соборъ съ огром-

1) Проф. Заозерскій „Истор. справка объ участіи въ соборахъ клириковъ и мірянъ“, стр. 61 (сб. „О возрожденіи русск. церкви“, и прот. Добронравовъ, „Передъ церковн. Соборомъ“, стр. 87—88.

нымъ числомъ клириковъ, египетскихъ корабельщиковъ и азіатскихъ носелянъ (Дѣян. вс. соб., т. 1., стр. 651, 661 и 664).

На 4-мъ всел. соборѣ, кромѣ 630 „отцовъ“ собора-епископовъ, присутствовали высшіе сановники, сенатъ, „въ маломъ видѣ все византійское государство,“ какъ выражается проф. Н. А. Заозерскій¹⁾.

На 6-мъ всел. соборѣ присутствовалъ имп. Константинъ со многими высшими чиновниками (Дѣян. вс. соб., т. VI, стр. 22; также отзывъ Никона, еп. Владимирск., „Церк. Вѣд.“, 1906 г., стр. 423).

На 7-мъ всел. соб., вмѣстѣ съ епископами и представителями Императора, присутствовали „почтеннѣйшіе архимандриты, игумены и иноки“ (Дѣян. вс. соб., т. VII, стр. 70).

Такой же характеръ въ общихъ чертахъ имѣла исторія участія мірянъ на соборахъ и на Западѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что тамъ императоровъ замѣняли паны.

С. Троицкій въ своей статьѣ „Церковный Соборъ и міряне²⁾“ перечисляетъ цѣлый рядъ соборовъ, на которыхъ міряне играли выдающуюся роль: въ Агаунѣ 515 г., Торрагонѣ 516 г., на Толедскихъ соборахъ и др. Но съ подавленіемъ римскою государственностью начала общественности, религіозныя права народа захватываются отчасти свѣтскою властью, отчасти папскою. Съ развитіемъ же реформаціонныхъ идей, народъ снова возвращаетъ свои права, что мы видимъ въ протестантскихъ странахъ.

Практика русской церкви, о которой упоминаютъ въ своихъ отзывахъ митр. С.-Петербургскій и преосвященные Холмскій, Рязанскій и Владимірскій, также свидѣтельствуетъ намъ о неизмѣнномъ участіи клира и мірянъ на соборахъ.

Русскій народъ, какъ воспитанный съ самого начала своей исторіи въ духѣ любви и преданности своей Правос-

1) „О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго „управленія“. „Богосл. Вѣстникъ“. 1903 г., № 4.

2) „Церк. Вѣстн.“, 1905 г., № 45.

лавной церкви, естественно не могъ относиться безучастно къ церковнымъ дѣламъ. Извѣстно что у насъ на Руси народъ принималъ самое дѣятельное участіе въ выборахъ священника, а также и епископа. Когда же начали практиковаться соборы для разрѣшенія различныхъ церковныхъ вопросовъ, то въ составъ ихъ привлекаются клиръ и міряне.

Прот. Добронравовъ въ своемъ историческомъ очеркѣ „Соборы въ русской церкви до 1/2 XV в.“¹⁾ указываетъ на слѣдующіе соборы, въ составѣ которыхъ были клиръ и міряне: 1) соборъ 1164 г., созданный Андреемъ Боголюбскимъ для обличенія ереси епископа Леона. На этомъ соборѣ, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи (1. 150), „бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ, предо всѣми людьми, и упрѣ его владыка Феодоръ.“ Эти слова указываютъ, во первыхъ, на то, что соборъ происходилъ предъ „всѣми людьми“ т. е. мірянамъ былъ открытъ широкой доступъ на него, а, во вторыхъ, въ жаркихъ нреніяхъ соборныхъ принимали участіе не одни духовныя лица, но и міряне съ княземъ своимъ. 2) Переяславльскій соборъ 1311 г., какъ доказываетъ прот. Добронравовъ (стр. 183—184), не только состоялъ изъ представителей высшей іерархіи, клира и разнаго рода мірянъ, но на соборѣ клиръ и міряне не были „безмолвными зрителями“ и „безгласными слушателями“, а принимали въ немъ самое дѣятельное участіе. О томъ же свидѣлствуютъ соборы 1390 г., 1416 г. и соборъ 1432 г., который представлялъ собою „все православное христіанство“ (стр. 189).

Самый цвѣтущій періодъ въ развитіи нашихъ церковныхъ соборовъ XVI—XVII в. в. опять таки говоритъ намъ объ участіи клира и мірянъ въ соборной дѣятельности.

Подробную справку относительно состава соборовъ эпохи XVI—XVII в. в. даетъ И. Лихницкій въ своемъ интересномъ трудѣ „Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII в. в.“

Констатируя, что освященный соборъ никогда не имѣлъ

1) Сборникъ „Передъ церковнымъ Соборомъ.“

опредѣленнаго и строго регламентированнаго состава, И. Лихницкій указываетъ слѣдующіе элементы въ его составѣ. Первымъ и самымъ устойчивымъ элементомъ являются лица, носившія епископскій санъ; вторымъ, по важности, элементомъ необходимо признать лицъ низшаго клира и, въ частности, черное духовенство. Хотя эти лица, какъ видно изъ соборныхъ актовъ, появляются въ составѣ не всякаго освященнаго собора, однако объ ихъ присутствіи на соборѣ встрѣчаются довольно частыя упоминанія. Почти въ половинѣ документовъ касающихся состава освященнаго собора, по изслѣдованію И. Лихницкаго, упоминаются, на ряду съ епископами, и архимандриты, и игумены, и старцы; наконецъ, третьимъ и самымъ слабымъ элементомъ въ составѣ освященнаго собора являются члены т. наз. бѣлаго духовенства — протопопы, попы и дьяконы. Насколько эти лица рѣдко присутствуютъ въ составѣ освященнаго собора, видно изъ того, что изъ всѣхъ бывшихъ соборовъ за два вѣка извѣстны только три собора (1553—54, 1656 и 1690 гг.), на которыхъ въ числѣ членовъ указаны и лица бѣлаго духовенства.

Кромѣ лицъ духовнаго званія, въ составѣ освященнаго собора участвуютъ и представители народа; сюда относятся вел. князь (потомъ царь), наслѣдникъ престола и члены Боярской Думы. Послѣдніе присутствуютъ преимущественно на тѣхъ соборахъ, на которыхъ обсуждались вопросы, близко касавшіеся и свѣтскаго правительства, напр. соборы 1551 г., 1573, 1580 и 1584 г. г. Хотя, съ другой стороны, извѣстно, что члены Боярской Думы присутствовали иногда и на такихъ соборахъ, на которыхъ разсматривались вопросы строго церковнаго характера, напр. на соборахъ 1553—1554 г. и 1660 гг.

Составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ¹⁾ особенно ярко подчеркиваетъ участіе въ нихъ клира и мірянъ.

1) Свѣдѣнія о западно-русскихъ соборахъ мы почерпаемъ изъ статьи проф. Жуковича. „О составѣ зап.-рус. церк. соборовъ“ („Церк.

Древнѣпшій изъ соборовъ Юго-западной Руси, происходившій при Витовтѣ 1415 г., включалъ въ свой составъ не только епископовъ, но и архимандритовъ, игуменовъ, благоговѣйныхъ иноковъ и священниковъ, а равно князей литовскихъ, вельможъ и бояръ, какъ это видно изъ окружной грамоты, изданной отъ лица собора. „Дѣянiя“ Виленскаго собора 1509 г. подписаны митрополитомъ, 7-ю епископами, 7-ю архимандритами, 6-ю игуменами и 7-ю протопопами.

Видное мѣсто среди зап.-рус. соборовъ занимаетъ соборъ 1590 г. въ г. Брестѣ. Въ одной изъ изданныхъ соборомъ грамотъ сказыано, что на этотъ соборъ призваны были „брестскiй каштелянъ Адамъ Потѣй и всѣ крылошане, принадлежащiе къ собору“ (Пам. Кiев. Арх. Ком., III, 27 № 8), а въ другой сказано, что на немъ присутствовали „іереи священныя“ и „многіе именитые гражданскiе чины“ (Акты Зап. Рос., IV, 30). На брестскихъ Соборахъ 1591 и 1594 гг. присутствовали, кромѣ митрополитовъ и епископовъ, архимандриты, игумены, протопопы и благоговѣйные священники (Арх. Юго-зап. Рос., т. X, ч. I. 96—97).

Знаменитый Брестскiй Соборъ 1596 г., кромѣ представителей восточныхъ патріарховъ, включалъ въ себя духовное коло, куда примыкали лица всѣхъ іерархическихъ достоинствъ вплоть до пресвитеровъ, и свѣтское коло состояло изъ трехъ сенаторовъ во главѣ съ знаменитымъ поборникомъ Православiя К. К. Острожскимъ, изъ депутатовъ отъ дворянства разныхъ воеводствъ и уѣздовъ, изъ депутатовъ отъ мѣщанъ разныхъ городовъ и изъ представителей церковныхъ братствъ (Рус. Ист. Библ., XIX, 357—358).

Въ заключеніе исторической справки о западныхъ русскихъ соборахъ нельзя не обратить вниманiя на одну ихъ характерную черту, которую отмѣчаетъ пр.-доц. А. Покровскiй, а именно:

Вѣст.“ 1906 г. № 4) и пр.-доц. А. Покровскаго „Къ исторiи и характеристикѣ соборовъ Юго-западной Руси XV—XVII вв.“ (Сборн. „Предъ церковн. Соборомъ“).

„закрытые соборы, лишенные контролирующего вліянія мірянъ, почти всегда, въ большей или меньшей степени, были подозрительны и обнаруживали тайное или даже явное тяготѣніе къ униі; наоборотъ, соборы, собиравшіеся при свѣтѣ широкой гласности и при участіи законнаго представительства отъ духовенства и мірянъ, спасали дѣло Православія отъ враждебныхъ натисковъ польско-католической пропаганды и вливали живительную струю въ обще-церковную жизнь и національное самосознаніе православнаго русскаго народа“.

Всѣ вышеприведенные историческія справки изъ практики Вселенской и нашей русской церкви ясно показываютъ, что на соборахъ, кромѣ епископовъ, могли присутствовать и дѣйствительно присутствовали, а нерѣдко и принимали дѣятельное участіе пресвитеры и діаконы, монахи и простые міряне, и чѣмъ ближе было время къ началу церкви, тѣмъ полнѣе представлены на соборахъ клиръ и міряне.

Такое участіе клира и мірянъ на соборахъ вполне соотвѣтствуетъ нашему понятію о церкви. Церковь, по ученію Православной церкви, тогда только является во всей полнотѣ, когда на лицо всѣ пастыри и пасомые, когда на лицо три богоучрежденныя степени іерархіи.

Ап. Павелъ изображаетъ церковь подъ видомъ тѣла Христова (1 Коринѳ., гл. 12). Какъ въ организмѣ нѣтъ ненужныхъ членовъ, а всѣ отправляютъ свойственныя имъ функціи и тѣмъ способствуютъ его здоровому состоянію, такъ и въ церкви каждый членъ безъ различія своего положенія долженъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, общему ея преуспѣянію.

Восточные патріархи называютъ народъ „хранителемъ благочестія“ и учатъ, что какъ народъ безъ клира, такъ и клиръ безъ народа не составляютъ церкви.

Принявъ во вниманіе основательность всѣхъ изложенныхъ доводовъ въ пользу участія клира и мірянъ на соборахъ, первый отдѣлъ и общее собраніе Присутствія единогласно (за исключеніемъ архіеп. Антонія) разрѣшило этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

б) О рѣшающемъ и совѣщательномъ голосѣ членовъ собора.

Второй вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнiю, каково было значенiе присутствовавшихъ на соборахъ клира и мiрянъ, является не менѣе спорнымъ, чѣмъ первый. Здѣсь возникаетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ разногласiя какъ въ литературѣ, такъ и въ Предсоборномъ Присутствiи, а именно — вопросъ о рѣшающемъ и совѣщательномъ голосѣ клириковъ и мiрянъ¹⁾.

Мы остановимъ свое вниманiе на дебатахъ 1-го отдѣла и общаго собранiя Присутствiя, которыми вполне ясно и определенно разрѣшается данный вопросъ.

Сторонники равноправiя клира и мiрянъ съ епископами выставляютъ главнымъ образомъ два положенiя: составъ апостольскаго собора и понятiе о церкви, какъ о тѣлѣ Христовомъ.

Оставляя въ сторонѣ подробный анализъ апостольскаго Собора²⁾, мы воспользуемся только общими выводами, уясняющими поставленный нами вопросъ.

Несомнѣнно, какъ уже мы выше отмѣчали, мiряне и пресвитеры принимали активное участiе на апостольскомъ Соборѣ (ст. 7, 13), рѣшенiе было принято всѣми единодушно (ст. 25), но выводитъ отсюда, какъ это дѣлаетъ прот. Свѣтловъ (т. I. стр. 16), свящ. Рождественскiй (т. I. стр. 32), Н. П. Аксаковъ (т. I, 23—26) и др., о рѣшающемъ голосѣ клира и мiрянъ представляется очень рискованнымъ.

Повѣствованiе книги Дѣянiй не такъ ясно, чтобы на него опираться, когда дѣло идетъ о рѣшающемъ или совѣщательномъ голосѣ клира и мiрянъ.

1) Мысль о такой дифференциаци соборныхъ голосовъ впервые была высказана еп. Иоанномъ въ статьѣ: „Управленiе всел. Христовой церкви“ („Правосл. Собесѣдникъ“, 1858 г. т. 1), а затѣмъ была твердо и отчетливо провозглашена проф. А. С. Павловымъ 5-го ноября 1866 г. въ рѣчи на актѣ Казанскаго Университета.

2) Онъ данъ въ рѣчахъ проф. Глубоковскаго (т. I, стр. 18—23; т. II, стр. 434—438), Н. П. Аксакова (т. I, стр. 23—31) и прот. Свѣтлова (т. I, 15—17).

Это лучше всего подтверждается преіями членовъ Предсоборнаго Присутствія — ученыхъ канонистовъ, богослововъ, вообще лицъ компетентныхъ въ толкованіи Свящ. Писанія. И что же? Одинъ и тотъ же фактъ, хотя бы взятый нами апостольскій Соборъ, служитъ для доказательства различныхъ положеній. Такъ, профф. — Глубоковскій, Суворовъ, Бердниковъ выводятъ, на основаніи экзегесиса 15 гл. книги Дѣяній, что на апост. Соборѣ законо-опредѣляющую роль играли апостолы; о. о. Свѣтловъ и Рождественскій, а также Н. П. Аксаковъ утверждаютъ, что пресвитеры и міряне принимали одинаковое участіе въ рѣшеніяхъ собора, а слѣдовательно имъ долженъ быть и на предстоящемъ соборѣ предоставленъ равный съ епископами голосъ; проф. Глубоковскій „пресвитерамъ“, о которыхъ говоритъ 15 гл. Дѣяній (ст. 2, 6), присваиваетъ „прерогативы епископскія“ (т. I, стр. 21), а Н. П. Аксаковъ доказываетъ, что „подъ пресвитерами подразумѣваются отнюдь не носители той или другой церковной степени, а только старшіе члены церкви, въ противоположность младшимъ, позднѣе обращеннымъ“ (т. I, стр. 24); проф. Суворовъ становится на нейтральную почву и говоритъ, что „епископовъ не было, а были апостолы; кто были пресвитеры, не ясно“ (т. I. стр. 17). Нельзя здѣсь не согласиться съ архіепископомъ Волынскимъ, который сказалъ, что „мысль человѣческая настолько гибка и эластична. что на основаніи ссылокъ можно все доказывать и все оправдывать, при отсутствіи, разумѣется, искренности“ (т. II, стр. 433).

Поэтому мы, слѣдуя голосу выдающихся нашихъ архипастырей (Сергія Финл., Антонія Волын., Іакова Яросл. и др.), ученыхъ авторитетовъ (проф. Глубоковскаго, Суворова, Бердникова и др.), должны признать, что обосновывать на апост. Соборѣ право рѣшающаго голоса клира и мірянъ является крайне затруднительнымъ. Одинъ изъ защитниковъ равноправія (прот. Свѣтловъ, т. I, стр. 16) самъ сознаетъ, что на апостольскомъ Соборѣ „не ясно рѣшено, какую юридическую цѣнность имѣли участіе пресвитеровъ и мірянъ“..., или еще говоритъ: „исторія Іерусалимскаго собора учитъ,

что апостолы занимали первое мѣсто, за ними пресвитеры, а затѣмъ братія“.

Кромѣ того, апостольская эпоха, по мнѣнію нѣкоторыхъ (напр. проф. Глубоковскаго, архіепископа Ярославскаго), не можетъ имѣть значенія для современной практики по слѣдующимъ причинамъ: во иервыхъ, время когда составлялся апост. Соборъ есть время исключительное въ христіанской жизни: пресвитеры и братія были большею частію непосредственные свидѣтели жизни и ученія самого Божественнаго Основателя церкви; эти были мужи, на которыхъ изливалась благодать Св. Духа, независимо отъ прохожденія ими епископской или пресвитерской должности; а во вторыхъ, хотя постановленія апост. Собора имѣютъ величайшую важность для послѣдующей церкви Христовой, однако это былъ Соборъ мѣстной іерусалимской церкви, на которомъ, конечно, должны были присутствовать всѣ мѣстные пресвитеры и вся братія (арх. Ярославскій).

Второе доказательство, которое можно назвать догматикотеоритическимъ, сторонники равноиравія клира и мірянъ съ епископами видятъ въ извѣстномъ апостольскомъ изображеніи церкви подъ видомъ тѣла, состоящаго изъ различныхъ членовъ (I Коринѣ., XII гл., Римл., XII, Ефес. IV).

Церковь, по ученію ап. Павла, „есть тѣло Христово“ (Еф. I, 22—23). „Какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло, такъ и мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены“ (Римл. XII, 4—5). Въ живомъ организмѣ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе, свои отправленія. Ненужныхъ, лишнихъ членовъ въ тѣлѣ нѣтъ; не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ ненадобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны; напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. Богъ соразмѣрилъ тѣло, дабы не было въ немъ раздѣленія, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли

одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены (1 Коринѳ. XII, 21—22, 24—26).

Такимъ образомъ, по слову Божію, церковь есть тѣсно сплоченный союзъ, члены котораго находятся въ тѣсномъ внутреннемъ взаимодействіи или, какъ иначе опредѣляютъ ее защитники равноправія, „она есть духовный организмъ, образуемый путемъ гармоническаго сочетанія по закону любви человѣческихъ душъ, человѣческихъ совѣстей, организмъ, возглавляемый самимъ Божественнымъ Искупителемъ нашимъ и освящаемый благодатію Св. Духа“¹⁾.

Примѣняя указанную аналогію къ предстоящему Всероссійскому Собору, защитники равноправія требуютъ участія въ соборныхъ рѣшеніяхъ всѣхъ членовъ церковнаго общества — епископовъ, клира и мірянъ съ равнымъ правомъ голоса (т. I, стр. 16—17). Различіе же между рѣшающимъ и совѣщательнымъ голосомъ, по мнѣнію меньшинства, во первыхъ, „не отвѣчаетъ существу церкви, какъ института въ сущности своей не юридическаго, а нравственнаго, опредѣляемаго принципамъ христіанской любви, а не права“, и во вторыхъ, потому, что „съ фактомъ выдѣленія на соборъ клириковъ и мірянъ въ особую группу какихъ то неполноправныхъ членовъ церкви никогда не примирится церковное сознаніе, такъ какъ этимъ наносится ударъ органическому единству церкви Христовой... и дѣлается поспраніе Христовой любви, на которой долженъ созидаться весь строй церковной жизни“.

Но дѣлать такіе опредѣленные и рѣшительные выводы изъ сравненія церкви съ тѣломъ Христовымъ врядъ ли возможно; напротивъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Бердниковъ, это сравненіе „служить всего болѣе къ опроверженію ученія составителей отдѣльнаго мнѣнія“²⁾.

1) Отдѣльное мнѣніе меньшинства членовъ 1 отд. Предс. Присутствія. „Церк. Вѣд.“, 1906 г. стр. 1058.

2) Особое мнѣніе проф. И. Бердникова по поводу отдѣльнаго мнѣнія меньшинства членовъ 1 отдѣла Предсоб. Присутствія. „Церк. Вѣд.“, 1906 г., стр. 1193.

И дѣйствительно, не отрицая, конечно, того, что разъ извѣстные члены являются составною частью организма, то они необходимы для него, иначе не будетъ и самого организма, въ то же время не слѣдуетъ забывать, что каждый членъ долженъ отправлять присущую ему только функцію и не долженъ вмѣшиваться въ дѣятельность другихъ членовъ. Въ такомъ только случаѣ и возможна правильная жизнь и дѣятельность организма.

Перенося это на конструкцію церковнаго организма, мы должны признать, что клирики и міряне составляютъ необходимый элементъ церкви. „Однако, одно дѣло необходимость членовъ и другое дѣло — значеніе ихъ въ отправленіяхъ и жизнедѣятельности организма“, скажемъ мы словами проф. Алмазова¹⁾).

Всѣ члены необходимы для организма, однако не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе. Въ каждомъ организмѣ руководящая и направляющая роль принадлежитъ только одному органу — головѣ, остальные же имѣютъ лишь вспомогательное значеніе. Такое различіе дарованій у членовъ церковнаго организма подтверждается словами того же ап. Павла. Такъ, въ иосланіи къ Эфесеянамъ (IV, 11—12) мы читаемъ: „Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Еда вси апостолы, еда вси пророци, еда вси учителя (1 Коринѳ. XII, 29); како проповѣдятъ, аще не послани будутъ“ (Римл. X, 15).

Всѣ эти изреченія какъ нельзя болѣе ясно и опредѣленно указываютъ на различіе дарованій у членовъ единой церкви: одни руководятъ жизнью и дѣятельностью церкви, другіе же, пребывая въ подчиненномъ состоянніи, помогаютъ первымъ, воодушевляють ихъ своею любовью и преданностію къ ученію святой церкви. Такое пониманіе мы находимъ и въ 64 пр.

1) Протоколы Преде. Прис. Т. II, стр. 427.

Трулльскаго собора: „не подобаетъ мірянину брать на себя учительское достоинство, но повиноваться преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительства и отъ нихъ иоучатися божественному. Ибо во единой церкви разные члены сотворилъ Богъ, по слову апостола“. Отсюда вытекаетъ, что если мірянину запрещается учительство, тѣмъ болѣе должно быть запрещено законодательство. Такимъ образомъ, изъ сравненія церкви съ живымъ организмомъ, при правильномъ пониманіи, получается выводъ далеко не въ пользу сторонниковъ равноправія мірянъ.

Далѣе, указанное разграниченіе полномочій между отдѣльными чинами церкви отнюдь нельзя считать какой то аномаліей, напротивъ, оно вполне соотвѣтствуетъ нашему понятію о составѣ церковнаго общества.

Съ самого основанія церкви Христовой въ личномъ составѣ ея различаются пастыри, которые въ свою очередь дѣлятся на епископовъ и клириковъ, и пасомые учаще и учимые. Это, какъ выражается проф. Остроумовъ, „основная конституція церкви, это догматъ церковный“¹⁾, который проводится во всей христіанской литературѣ, начиная съ апостольскаго вѣка.

Каждому изъ этихъ чиновъ соотвѣтствуютъ извѣстныя полномочія, права, дальше которыхъ он не можетъ простирать свои притязанія. Такъ, въ таинствахъ участвуютъ всѣ члены церкви, но мірянинъ не можетъ, напр., совершать таинства Св. Эвхаристіи, а священникъ не можетъ поставить на священническія степени. Вся же полнота власти въ церкви принадлежитъ только епископамъ, какъ преемникамъ апостольскаго служенія и хранителямъ истины и благодати. Это подтверждается 34-мъ ап. пр., которое гласитъ: „пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ, ибо ему ввѣрены люди Господни и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ“. О томъ же свидѣтельствуетъ Игнатій Богоносецъ въ посланіи

1) Проток. Преде. Присут., Т. II., стр. 430.

къ Смирнѣнамъ: „Всѣ послѣдуйте епископу“, говоритъ онъ, „какъ І. Христу. Безъ епископа никто не дѣлай ничего, относящагося къ церкви. Гдѣ будетъ епископъ, тамъ долженъ быть и народъ“ (Гл. 8, 9). Разъ такое различіе проводится въ жизни и управленіи церковнаго общества, то несомнѣнно оно должно существовать и на соборѣ.

Къ этому мнѣнію склоняется и большинство преосвященныхъ (Владимірска, Смоленск., Псковск., Полоцк. и др.), настаивающихъ на иредоставленіи клиру и мірянамъ совѣщательнаго голоса, а епископамъ — рѣшающаго ¹⁾, и оно находитъ себѣ подтвержденіе въ историческихъ фактахъ.

Достаточно просмотрѣть исторію помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ дабы убѣдиться въ томъ, что клиръ и міряне, присутствуя на соборахъ и принимая участіе въ преніяхъ соборныхъ, никогда не имѣли рѣшающаго значенія: постановленія соборныя дѣлали исключительно епископы (напр., на Карѣ. соборѣ 256 г., Эльвирскомъ 306 г. и др.); они же скрѣпляли своими подписями соборныя постановленія. Наглядное значеніе на соборѣ голосовъ епископовъ, съ одной стороны, и клириковъ и мірянъ, съ другой, можно видѣть изъ слѣдующей картины соборныхъ совѣщаній II и III вв., которую рисуетъ проф. Лебедевъ въ своемъ трудѣ: „Объ участіи мірянъ на церковныхъ соборахъ“ ²⁾.

Обыкновеннымъ мѣстомъ соборныхъ засѣданій являлся храмъ. Епископы сидѣли въ центрѣ полукругомъ; они составляли засѣданіе (*considerare*). Сзади ихъ занимали мѣста пресвитеры; о нихъ обыкновенно говорится, что они сопри-
существовали (*residentibus*). Низшіе клирики и міряне стояли

1) Нѣкоторые же изъ преосвященныхъ высказываются за иредоставленіе рѣшающаго голоса клиру и мірянамъ, но только въ вопросахъ второстепенныхъ, касающихся урегулированія и усовершенствованія церк.-общ. жизни; вопросы же вѣры, богослуженія, церк. дисциплины подлежатъ рѣшенію однихъ епископовъ.

2) „Душеполезн. Чтеніе“, 1906 г., мартъ.

кругомъ (adstantibus). Засѣданіе начиналось съ изложенія какого-нибудь вопроса, который затѣмъ предсѣдателемъ предлагался на обсужденіе всему собранію. Послѣ того какъ изъ преній вопросъ былъ достаточно выясненъ, предсѣдатель предлагалъ его на голосованіе епископамъ. Вопросъ рѣшался по большинству голосовъ; исключеніе составляли догматическіе вопросы, гдѣ требовалось единогласное рѣшеніе.

Состоявшееся рѣшеніе объявлялось присутствовавшему народу, который возгласами и выражалъ свое согласіе. Затѣмъ, составлялся протоколъ соборныхъ сужденій, который скрѣплялся подписями епископовъ или ихъ замѣстителей, а иногда пресвитерами.

Эта картина ясно указываетъ на неравенство положенія участниковъ собора.

Ко всѣмъ своимъ аргументамъ защитники рѣшающаго голоса клира и мірянъ ссылаются еще на то, что, въ случаѣ недопущенія клира и мірянъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, соборъ не будетъ принятъ народомъ (ученіе о т. наз. рецензіи) и, слѣдовательно, не будетъ имѣть никакой силы.

Не входя въ подробный разборъ этихъ мнѣній, такъ какъ это отвлекло бы слишкомъ въ сторону, мы ограничимся въ данномъ случаѣ словами ап. Павла: „по данной мнѣ благодати“, заповѣдуетъ апостоль, — „всякому изъ васъ говорю: не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать, но думайте скромно, по мѣрѣ вѣры, которую каждому Богъ удѣлилъ“ (Рим. XII, 3).

Итакъ, если мы скажемъ, что всѣ члены церкви-епископы, пресвитеры и міряне должны пользоваться на соборѣ одинаковымъ правомъ, то этимъ нарушимъ коренныя основанія церковной жизни. Это сознаютъ и сторонники равноправія. Одинъ изъ нихъ (прот. Свѣтловъ) прямо говоритъ въ своей рѣчи: „признаніе права личнаго рѣшающаго голоса за клиромъ и мірянами равносильно было бы полному уравниенію епископовъ съ клиромъ и мірянами, что противорѣчило бы

первенствующему положенію и назначенію въ церкви епископовъ и подчиненному низшему положенію клира и мірянъ“¹⁾).

Въ виду такого рѣзкаго разногласія, проявившагося какъ въ 1-мъ отдѣлѣ, такъ и въ общемъ собраніи, относительно правъ будущихъ членовъ и участниковъ собора нѣкоторыми изъ членовъ Предсоборнаго Присутствія были предложены способы къ примиренію несогласныхъ взглядовъ.

Такъ, проф. Заозерскій²⁾ предлагаетъ всѣхъ членовъ и участниковъ собора распределить „по чину церковному.“

Первое возвышенное мѣсто займутъ іерархи, ниже ступенью „честное пресвитерство,“ далѣе по градаціи другіе чины и ниже всѣхъ мірскіе люди. Участники высказываютъ свои мнѣнія начиная съ младшихъ, затѣмъ высказываютъ свои мнѣнія пресвитеры. Если пресвитеры одобряютъ мнѣніе мірянъ, то оба соединенные голоса поступаютъ на верхнюю ступень. Если и эта ступень одобрить мнѣнія мірянъ и пресвитеровъ, то въ такомъ случаѣ состоится единодушное каноническое рѣшеніе Помѣстнаго Собора.

Но можно ожидать и иного положенія.

Первая ступень не придетъ къ согласному рѣшенію и раздѣлится на большинство и меньшинство. Вторая ступень приметъ то или другое мнѣніе и передаетъ свое мнѣніе на высшую ступень. Тамъ можетъ быть послѣдовать неодобреніе полное или частичное. Въ такомъ случаѣ при отсутствіи единодушнаго рѣшенія, председатель вмѣстѣ съ сочленами могутъ выработать согласительную формулу. Если со стороны мірянъ и пресвитеровъ послѣдуетъ принятіе этой формулы, то тогда составляется канонъ Помѣстнаго Собора.

Если же всѣ три ступени не придутъ къ одинакому рѣшенію, то вопросъ снимается съ очереди до слѣдующаго собора или для иной постановки. Но если рѣшеніе какого-либо вопроса не терпитъ отлагательства, то председатель прибѣ-

1) Проток. Преде. Прис., Т. II, стр. 439.

2) Проток. Преде. Прис., Т. II, 431—432.

гаеть къ крайнему средству — рѣшенію вопроса большинствомъ. Если первая и вторая ступень не согласятся между собою большинствомъ, а епископы придуть къ единодушному или по большинству голосовъ соглашенію, то большинство высшей ступени и будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Почти то же самое предлагаетъ и товарищъ Оберъ-Прокурора ¹⁾. По его мнѣнію, если послѣдуетъ единодушное рѣшеніе епископовъ, клириковъ и мірянъ, тогда послѣдуетъ каноническое, церковное рѣшеніе, гдѣ нѣтъ надобности для раздѣленія голосовъ на рѣшающіе и совѣщательные. Въ случаѣ же разногласія, рѣшающій голосъ принадлежитъ епископамъ, которые или обращаются съ согласительнымъ посланіемъ къ собору или утверждаютъ то или другое мнѣніе или наконецъ откладываетъ рѣшеніе вопроса. Нѣкоторые же члены (напр. о. Рождественскій) по вопросу о порядкѣ рѣшенія дѣлъ на соборѣ склоняются къ проектируемой архіепископомъ Сергіемъ Фидляндскимъ двухпалатной системѣ ²⁾, съ ея парламентарными распорядами.

Совершенно въ иномъ родѣ высказывается прот. Свѣтловъ ³⁾. Въ его сужденіяхъ слышится идея о верховенствѣ мірскаго голоса въ постановленіяхъ Собора. Онъ предлагаетъ признать за епископами право личнаго рѣшающаго голоса и окончательной формулировки опредѣленій, а за клиромъ и мірянами, за паствою — право коллективнаго голоса — согласія или несогласія съ рѣшеніемъ епископовъ, т. е. клиръ и міряне получаютъ все таки значеніе рѣшающаго голоса на Соборѣ хотя не въ отдѣльности, а въ общей совокупности.

Всѣ эти мнѣнія, какъ не вполне согласныя съ каноническими постановленіями церкви и противорѣчація отзываютъ большинства преосвященныхъ, были отвергнуты Предсоборнымъ Присутствіемъ, и большинствомъ голосовъ была принята слѣ-

1) Т. II, 434. Проток. Преде. Прис.

2) „Церк. Вѣд.“, 1906 г., № 1.

3) Т. II, стр. 439, Проток. Преде. Прис.

дующая резолюція, которой мы и закончимъ разборъ весьма сложнаго и спорнаго вопроса о дифференціаціи соборныхъ голосовъ: „Клирики и міряне, приглашенные на Соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ. Но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами.“

в) О способѣ избранія лицъ изъ клира и мірянъ, для участія на предстоящемъ церковномъ Соборѣ и о числѣ таковыхъ лицъ отъ каждой епархіи.

Въ тѣсной, логической связи съ положительно разрѣшеннымъ вопросомъ объ участіи клира и мірянъ на предстоящемъ Соборѣ стоитъ другой вопросъ — о способѣ избранія лицъ изъ клира и мірянъ и о числѣ таковыхъ отъ каждой епархіи. Эти вопросы не менѣе важные, чѣмъ и вопросъ объ участіи клира и мірянъ, обсуждались первымъ отдѣломъ въ засѣданіяхъ 18, 22 марта и 12 апрѣля и общимъ присутствіемъ въ засѣданіи 8, 12 и 15 мая¹⁾.

Что касается вопроса о числѣ клириковъ и мірянъ отъ каждой епархіи, то онъ не вызвалъ почти никакихъ преній какъ въ 1-мъ отд., такъ и въ общемъ собраніи.

Всѣ члены Присутствія пришли къ единодушному рѣшенію, что предстоящій Соборъ, послѣ двухвѣковаго перерыва, является чрезвычайнымъ и потому, въ цѣляхъ оживленія церковной жизни и возбужденія интереса къ церковнымъ дѣламъ, важно, чтобы онъ какъ можно полнѣе представлялъ бы русскую церковь, — чтобы онъ, по прекрасному выраженію проф.

1) Сужденія въ общемъ Присутствіи мало внесли новаго въ разрѣшеніе данныхъ воиросовъ; въ большинствѣ они были повтореніемъ тѣхъ же рѣчей, которыя произносились въ 1-мъ отд., что и было отмѣчено нѣкоторыми членами Предс. Присутствія, напр., архіеп. Димитріемъ (т. II, 472) и проф. Красноженомъ (475). Избѣгая повтореній, мы старались скомбинировать сужденія 1-го отд. и общаго Присутствія во едино.

Заозерскаго, „быль свѣтлымъ праздникомъ русской церкви, на которомъ должны принять участіе всѣ элементы, которые участвуютъ на пасхальной утрени: и іереи, и міряне, и ученые, и безграмотные, всѣ, въ мѣру разумѣнія, должны вкусить торжества и пронести по всѣмъ концамъ земли русской радостную вѣсть“¹⁾).

Отсюда является необходимость урегулировать число клириковъ и мірянъ, чтобы, во первыхъ, количество лицъ отъ каждой епархіи не превышало извѣстной нормы, а, во вторыхъ, чтобы не обойти какой-либо группы лицъ, имѣющей права на участіе въ Соборѣ. Такъ, въ церкви, кромѣ клира и мірянъ, чисто историческимъ путемъ образовалась третья состояніе — монашество. Съ самаго начала своего появленія монашество завоевало любовь и глубокое уваженіе къ себѣ русскаго народа, которое сохраняется и досель. Поэтому признано очень желательнымъ участіе и представителей монашества.

При дальнѣйшихъ сужденіяхъ членами Предсоб. Присутствія были высказаны пожеланія, чтобы для участія на Соборѣ были привлечены представители отъ богословской науки (архіеп. Димитрій), отъ религіозно-просвѣтительныхъ союзовъ, церковныхъ братствъ, Зарубежнаго духовенства (Папковъ), отъ миссій (архіеп. Сергій), отъ единовѣрцевъ (архіеп. Антоній), отъ инородческаго духовенства (проф. Машановъ), отъ военнаго духовенства (проф. Алмазовъ) и отъ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній (архіеп. Антоній).

Указать точный критерій для опредѣленія числа представителей на Соборѣ, конечно трудно. Поэтому 1-ый отдѣлъ Предсоб. Присутствія, принявъ за основное положеніе, что отъ каждой епархіи должно быть не менѣ двухъ представителей (одинъ отъ клира, а другой отъ мірянъ)²⁾, указаль только

1) Протоколы Предс. Прис., Т. I., стр. 41.

2) Это постановленіе вызываетъ вполне справедливое возраженіе со стороны сельскаго священника А. К-ва, который говоритъ: „разумѣя подъ словомъ „клиръ“ все духовенство какъ градское, такъ и сельское, не дѣлая между ними разграниченія, Предсоб. комиссія

приблизительную цифру представителей на соборъ отъ каждой епархіи, а именно: 2 отъ клира, 2 отъ мірянъ, 1 отъ богосл. науки и 1 отъ монашествующихъ; если же было бы признано необходимымъ сократить это число, то ограничиться вызовомъ изъ епархіи по 4 человекъ: 1 отъ клира, 1 отъ мірянъ, 1 отъ богословской науки и 1 отъ монашествующихъ. Общее же Присутствіе постановило предоставить Св. Синоду разрѣшеніе вопроса какъ относительно количества участниковъ Собора, такъ равно и вызовъ представителей отъ перечисленныхъ выше учреждений.

Гораздо болѣе интереснымъ и болѣе заслуживающимъ вниманія является вопросъ о порядкѣ избиранія членовъ собора отъ клира и мірянъ, т. е. о томъ, избираются ли члены Собора епархіальнымъ епископомъ, или по избранію духовенства и мірянъ, и какому-одностепенному, двухстепенному или трехстепенному.

Епископы въ своихъ отзывахъ данный вопросъ разрѣшили такимъ образомъ: одна часть (Влад., Самарск., Смоленск. и др.), основываясь на практикѣ древней церкви, стоитъ за полное предоставленіе епархіальному епископу права избранія положеннаго числа клириковъ и мірянъ, а другая (Литовск., Пенз., Пругт., Новг. и др.) высказывается за выборы, производимые по приходамъ, благочиніямъ и на епархіальныхъ соборахъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа.

Обращаясь къ преніямъ 1-го отдѣла по данному вопросу мы должны констатировать полное раздѣленіе членовъ въ своихъ мнѣніяхъ почти на двѣ равныя партіи: одни голосовали за одностепенные выборы (9 чел.), другіе за трехстепенные (10 чел.),

окончательно отстранила сельское духовенство отъ всякаго участія на Соборѣ въ качествѣ членовъ, а такъ какъ, далѣе, при утвержденіи выборовъ епископу представлено право не стѣсняться числомъ избирательныхъ голосовъ, а дѣйствовать по своему усмотрѣнію, то естественно и предпочтеніе будетъ оказано к.-н. каедр. протоіерею, какъ ближе стоящему къ епископской каедрѣ, хотя получившему и меньшее число голосовъ въ сравненіи съ деревенскимъ іереемъ". „Церк. Вѣстн.“, 1906 г., № 30.

одни за утверждение выборов енарх. преосвященнымъ (11 чел.), другіе же стояли за свободное выборное начало безъ всякаго вмѣшательства енарх. архіереевъ (10 чел.). Почти тоже самое оказалось и въ общемъ собраніи: за одностепенные выборы голосовало 26 чел. и вмѣстѣ съ тѣмъ за ихъ утверждение енарх. архіереемъ было подано 30 голосовъ; за двухстепенные для духовенства и трехстепенные для мірянъ голосовало 21 чел., а за неутверждение выборовъ енарх. архіереемъ подано 15 голосовъ.

Такое раздѣленіе, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что нѣтъ ни одного церковнаго правила, указывающаго порядкомъ избранія клириковъ и мірянъ на Соборъ; къ тому же и практика древней церкви оказывается не совсѣмъ пригодною для нынѣшняго времени. Какъ извѣстно, въ древней церкви избранія представителей клира и мірянъ въ собственномъ смыслѣ не было. По древней церковной практикѣ, обычно императоръ указывалъ приглашаемому епископу, сколько и какихъ клириковъ онъ долженъ взять съ собою на соборъ; самый же выборъ лицъ предоставлялся епископу. Точно также и міряне присутствовали на соборахъ не въ смыслѣ какихъ либо выборныхъ представителей, а только какъ выразители любви и единенія паствы по отношенію къ составляющимъ соборъ епископамъ. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что такими мірянами были собственно жители того города, гдѣ составлялся соборъ.

Вотъ почему, при разрѣшеніи даннаго вопроса, приходится исключительно руководствоваться чисто практическими соображеніями, почерпнутыми изъ области политической жизни.

Имѣя все это въ виду, члены Присутствія пришли къ заключенію о необходимости образовать составъ будущаго собора иосредствомъ выборовъ, правильно организованныхъ. Но когда рѣчь зашла о томъ, какіе выборы наиболѣе цѣлесообразны, при настоящемъ положеніи вещей, и подлежатъ ли они епископскому утверженію, то здѣсь голоса раздѣлились.

Одна группа членовъ, во главѣ съ предѣдателемъ отдѣла архіеп. Димитріемъ, высказалась за одностепенные, упрощенные выборы на благочинническихъ собраніяхъ, какъ болѣе, по ихъ

мнѣнію, пригодные для настоящаго времени. Въ составъ этихъ собраній войдутъ всѣ члены клира, а что касается мірянъ, то предсѣдатель предложилъ воспользоваться институтомъ церковныхъ старостъ, уполномоченными отъ прихода для провѣрки церковныхъ суммъ и предсѣдателями приходскихъ попечительствъ. „Это излюбленные члены“, сказалъ предсѣдатель, „избираемые обыкновенно изъ людей набожныхъ и благочестивыхъ“ (Т. 1, стр. 44), которые могутъ быть весьма полезными членами Собора, особенно при обсужденіи вопросовъ о благоустроеніи прихода, о церковномъ хозяйствѣ и т. п. Составленное, такимъ образомъ, благочинническое собраніе избираетъ изъ своей среды кандидатовъ въ члены Собора, при чемъ оно можетъ избирать таковыхъ, какъ практикуется нынѣ при выборахъ въ Гос. Совѣтъ, не ограничиваясь своимъ округомъ, но указывая ихъ и изъ другихъ округовъ своей епархіи. Всѣ избранные кандидаты по епархіи представляются епископу, который изъ ихъ среды, по своему усмотрѣнію и избираетъ членовъ Собора¹⁾. Такое утвержденіе избранныхъ кандидатовъ является неотъемлемою прерогативою епископовъ и имѣетъ, по мнѣнію защитниковъ одностепенныхъ выборовъ, громадное значеніе. Во первыхъ утвержденіе епископомъ избранныхъ лицъ обезпечиваетъ выборъ лучшихъ людей, по крайней мѣрѣ, изъ клира. Епископу лучше чѣмъ кому либо извѣстны лица, заявившія себя горячею преданностью Православію, своею доброю жизнію, ставящія интересы церкви выше всего. Въ подтвержденіе этой мысли проф. Голубевъ ссылается на Предс. Присутствіе, въ составъ котораго преосвященнымъ было предоставлено право взять по одному лицу изъ среды блага духовенства. „И намъ извѣстно“, говоритъ проф. Голубевъ, „сколько эти лица своими познаніями, опытностью и энергичною дѣятельностію внесли дѣлови-

1) Нѣкоторые члены (Глубоковскій, Голубевъ) держались и того мнѣнія, что порядокъ и способъ избранія клира и мірянъ всецѣло слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію епарх. архіереевъ, преподавъ имъ общія руководящія начала выборовъ. (Т. II, стр. 61; Т. I, стр. 451 а.)

таго оживленія при нашихъ совмѣстныхъ работахъ“¹⁾. Во вторыхъ, при свободныхъ выборахъ есть опасеніе, что возьметъ верхъ болѣе энергичная, хотя и незначительная, часть духовенства, та часть, у которой религіозно-нравственныя начала совершенно распатаны, „не смиренные пастыри, а ловкіе нестѣсняющіеся въ средствахъ Гапоны двигаютъ народными массами“ (Голубевъ). И въ этомъ случаѣ епископскій контроль сглаживаетъ шероховатости выборовъ и устраняетъ могущіе произойти отсюда нежелательные результаты. Введеніе же неутверждаемыхъ выборовъ повело бы къ раздѣленію епархіи на двѣ части, къ антагонизму между епископомъ и паствою; „создало бы нѣчто неслыханное, чего церковь никогда не знала“ (Суворовъ), особенно если принять во вниманіе нарождающееся новое опасное теченіе — борьба пресвитерства съ епископствомъ (аріеп. Димитрій).

Въ краткихъ словахъ изложенное мнѣніе, принятое большинствомъ Предсоборнаго Присутствія, можно резюмировать такимъ образомъ: „Кандидаты въ члены Собора отъ епархіи избираются на благочинническихъ собрашійхъ, при чемъ кандидаты могутъ быть избираемы и изъ лицъ другихъ благочинническихъ округовъ епархіи. Списокъ избранныхъ по благочиніямъ кандидатовъ представляется епархіальному архіерею для окончательнаго изъ нихъ выбора и утвержденія членовъ собора“.

Совершенно противоположныхъ взглядовъ держалась другая половина членовъ Предсоборнаго Присутствія.

Прежде всего члены этой группы признали лучшею системою выборовъ — это выборы трехстепенные, проектируемые въ отзывѣ С.-Петербургскаго митрополита. Возраженіе, что производство трехстепенныхъ выборовъ создастъ большія затрудненія чисто практическаго свойства, по мнѣнію данной группы, оказывается мало состоятельнымъ. У насъ есть готовыя выборныя единицы — приходскія и благочинническія

1) Т. II, стр. 449. Прот. Пред. Прис.

собрания и епархіальные съѣзды (прот. Свѣтловъ), которыми и можно воспользоваться для производства выборовъ, какъ пользовались ими преосвященные при собираніи отзывовъ. Отстаивая трехстепенные выборы, какъ наиболѣе соответствующіе выборному началу, группа вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказывается за свободные выборы¹⁾ безъ епископскаго утвержденія. Предоставленіе епископамъ права утвержденія или выбора поведетъ, по мнѣнію данной группы, къ тому, что они изберутъ лицъ, одинаковыхъ съ ними возрѣній, отчего составъ Собора ко вреду церкви окажется одностороннимъ и кромѣ того Соборъ съ такимъ подборомъ лицъ не будетъ имѣть надлежащаго авторитета въ глазахъ паствы. Особенно вооружается противъ представленія права архіереямъ филтраціи избранныхъ церковью кандидатовъ членъ Предсоборнаго Присутствія г. Кирѣевъ²⁾. Онъ говоритъ, что предоставленіемъ такого права епископамъ хотятъ устранить „нехорошихъ людей“. „Но что такое нехорошій, вредный, неподходящій человѣкъ? Гдѣ критерій для установленія этихъ недостатковъ? Вѣдь, явно дряннаго человѣка, вора, пьяницу, прелюбодѣя въ соборъ не выберутъ, какимъ бы онъ ни былъ вліятельнымъ (на мѣстѣ) краснобаемъ“. Если же попадетъ на Соборъ лицо опасное по своимъ „религіознымъ взглядамъ“, то такихъ лицъ, по мнѣнію Кирѣева, „именно и слѣдуетъ допускать на Соборъ, гдѣ будутъ посрамлены ихъ ошибочныя еретическія заблужденія, какъ было съ Аріемъ на I вс. соборѣ“. Въ виду этого, сторонники трехстепенныхъ выборовъ (Аксаковъ, Завитневичъ, Машановъ и др.) говорятъ, что архіерейское утвержденіе или неутвержденіе можетъ простираться на ихъ процессуальную, техническую сторону, а не на са-

1) При этомъ дѣлаются ссылки на Константинопольскую (проф. Соколовъ), Англиканскую церковь (Бриллиантовъ), гдѣ существуетъ выборное начало и на практику Западно-русской церкви, гдѣ клиръ и міряне привлекались къ участию въ дѣлахъ церковныхъ посредствомъ самостоятельныхъ выборовъ (о. Титовъ).

2) Прот. Преде. Прис., Т. I, стр. 55.

мые выборы. Разъ выборы произведены правильно, то кассированы они быть не могутъ. Въ случаѣ, если епископъ, съ своей стороны, признаетъ избраннаго депутата, не отвѣчающимъ своему назначенію, то онъ можетъ представить Собору мотивированную аттестацію избраннаго, отъ котораго и будетъ зависѣть опредѣленіе правоспособности этого лица. Всякая же отмѣна результата выборовъ внѣшнею волею, безъ достаточнаго для этого формальнаго основанія, является посягательствомъ на самое существо выборнаго начала.

Всѣ указанія на отрицательныя стороны свободныхъ трехстенныхъ выборовъ, по мнѣнію ихъ защитниковъ, не выдерживаютъ критики. Такъ, часто, указываютъ, что независимые отъ епископа выборы членовъ Собора подорвутъ власть епископа, внесутъ двойственность, разладъ въ отношенія епископа къ паствѣ и тѣмъ нарушается единство церкви. Но на это нужно сказать словами Аксакова, что „если раздѣленія нѣтъ, то оно и не скажется на Соборѣ; если же оно существуетъ, то Соборъ явится только примиряющимъ началомъ и въ значительной степени ослабитъ раздѣленіе“¹⁾.

Нѣтъ также достаточныхъ основаній опасаться при сложныхъ выборахъ какихъ бы то ни было интригъ, сноровъ, волненій, агитаціи. Споры были и въ древней церкви. „Опасна“, какъ говорить о. Рождественскій, „агитація послѣ Собора, а ея слѣдуетъ опасаться, если обычныя человѣческія страсти не найдутъ своего разрѣшенія въ преніяхъ передъ Соборомъ и на Соборѣ“²⁾. Въ данномъ случаѣ самое лучшее положиться на приходскихъ священниковъ, что они съумѣютъ растолковать прихожанамъ смыслъ этого желательнаго новшества, и на благоразуміе мірянъ, которые оцѣнятъ все великое значеніе происходящихъ выборовъ. Наконецъ, то опасеніе, что среди мірянъ церковная жизнь стоитъ на низкой ступени и что, слѣдовательно, съ ихъ стороны можно ожидать индиф-

1) Т. I, стр. 57, 6. Проток. Преде. Прис.

2) Прот. Преде. Прис. Т. 1, стр. 54.

ферентнаго отношенія къ выборамъ, не можетъ служить оправданіемъ недопущенія мірянъ на Соборъ или пропуска ихъ чрезъ фильтрацію епископовъ. Если міряне со времени реформы Петра Великаго являются устраненными отъ жизни церкви, то это только говоритъ о необходимости начать новый строй, при которомъ мірянамъ были бы представлены широкія права участія въ церковныхъ дѣлахъ.

Таковы въ общихъ чертахъ два проекта производства выборовъ на предстоящій Соборъ, съ ихъ положительными и отрицательными сторонами, изъ которыхъ первый, какъ болѣе отвѣчающій благу церкви и имѣющій за собой больше сторонниковъ, получитъ, по всей вѣроятности, практическое осуществленіе.

Дабы закончить вопросъ объ организаніи предстоящаго Всероссийскаго Собора необходимо еще разсмотрѣть — о предсѣдателѣ Собора, о порядкѣ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на немъ и о мѣстѣ Собора. Но такъ какъ эти вопросы не вызвали почти никакихъ преній ни въ 1-мъ отдѣлѣ, ни въ общемъ собраніи, то мы ограничимся только приведеніемъ выработанныхъ Предсоборнымъ Присутствіемъ тезисовъ:

1) Предсѣдательствуетъ на соборѣ первенствующій членъ Св. Синода, два же другихъ митрополита являются его замѣстителями¹⁾.

2) При Соборѣ образуется секретаріатъ²⁾ изъ наличныхъ

1) Кромѣ принятаго положенія было предложено еще два мнѣнія. По первому — первенствующій членъ Св. Синода только открываетъ Соборъ, который затѣмъ и избираетъ своего предсѣдателя; но это мнѣніе, какъ не имѣющее подъ собой канонической почвы, было отвергнуто. По второму — предсѣдательствуетъ Святѣйшій Синодъ въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ замѣняющій патріарха и осуществляющій свои права чрезъ первенствующаго члена; но предсѣдательство цѣлой коллегіи — признано было неудобнымъ.

2) Признано также желательнымъ образованіе при Соборѣ комиссій для подготовительныхъ работъ; при чемъ въ комиссіяхъ всѣ участвуютъ съ равнымъ голосомъ. Возникъ только вопросъ — слѣдуетъ ли установить какія-либо ограниченія для участія членовъ комиссій въ сужденіяхъ Собора или не слѣдуетъ. Большинство высказалось въ отрицательномъ смыслѣ.

служащихъ въ синодальныхъ учрежденіяхъ, починенный Предсѣдателю Собора. Въ составѣ его могутъ быть также ученые богословы и канонисты. А кто будетъ стоять во главѣ секретаріата — духовное или свѣтское лицо, безразлично.

3) Соборныя засѣданія должны быть открытыми, но нѣкоторыя засѣданія могутъ быть и закрытыми, если то признаетъ необходимымъ Соборъ.

4) Соборныя работы безъ замедленія публикуются или въ видѣ бюллетеней или стенографическихъ отчетовъ, по записямъ секретаріата или собственныхъ стенографовъ.

5) Мѣстомъ собора избирается Москва, какъ наиболѣе удобный пунктъ по своему центральному положенію и какъ соответствующій по своимъ религіозно-патріотическимъ и историческимъ традиціямъ этому высокому назначенію.

г) О преобразованіи высшаго церковнаго управленія и о первосвятителѣ русской церкви — патріархѣ.

Въ системѣ предстоящей церковной реформы однимъ изъ сложныхъ и существенныхъ вопросовъ является вопросъ о преобразованіи центрального управленія нашей церкви, къ обсужденію котораго 1-ый отдѣлъ приступилъ въ засѣданіе 17 апрѣля 1906 г.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ проектируемымъ во многихъ отзывахъ Преосвященныхъ (Пермск., Орловск., Нижегород., Курск., Самарск. и др.) раздѣленіемъ Русской Церкви на митрополичьи округа.

Первый отдѣлъ коснулся вопроса о раздѣленіи русской церкви на митрополичьи округа, во первыхъ, въ виду неопредѣленности его въ рѣшеніяхъ 2-го отдѣла, а, во вторыхъ, въ силу необходимости рѣшить другой вопросъ, стоящій въ тѣсной связи съ первымъ, — поставить ли высшее церковное управленіе въ непосредственное отношеніе къ епархіямъ, или же къ митрополичьимъ округамъ.

1-ый отдѣлъ призналъ за лучшее начать свои сужденія съ фундамента, каковымъ являются округа по отношенію къ высшему церковному управленію.

Изъ сужденій членовъ 1-го отдѣла выяснилось, что большинство изъ нихъ (15 противъ 5-ти) отрицательно отнеслось къ учрежденію церковныхъ округовъ, исходя изъ слѣдующихъ чисто практическихъ соображеній современнаго состоянія нашей церкви.

Несомнѣнно, теоритически институтъ митрополій въ древнемъ его видѣ, т. е. когда каждая митрополія приблизительно равнялась нашей губерніи, является весьма желательнымъ, какъ наиболѣе обезпечивающій процвѣтаніе соборнаго начала, но практически онъ въ настоящее время можетъ представляться лишь отдаленною цѣлью. Осуществленіе такого грандіознаго проекта¹⁾, какъ образованіе многочисленныхъ округовъ, совпадающихъ территоріально съ нынѣшними губерніями и епископій, соотвѣтствующихъ дѣленію Россіи на уѣзды, выдвигаетъ на очередь не легко разрѣшимый вопросъ о кандидатахъ епископства, а также потребуетъ большихъ финансовыхъ затратъ. Съ другой стороны, учрежденіе многочисленнаго кадра епископій, безъ постепеннаго перехода къ тому, можетъ подорвать авторитетъ епископовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приходское духовенство будетъ отодвинуто въ своемъ пастырскомъ вліяніи на второй планъ, а это врядъ ли будетъ отвѣчать благу церкви.

Если же, какъ проектируютъ нѣкоторые преосвященные, образовать 7—8 округовъ, обнимающихъ по своей территоріи нѣсколько губерній, то это по мнѣнію большинства членовъ 1-го отд. (напр. проф. Красножена, т. I. стр. 113а, проф. Соколова, т. I, стр. 96 б) представляется ни цѣлесообразнымъ, ни необходимымъ. Наоборотъ, такіе проекты вмѣсто ожидаемаго оживленія еще болѣе усилятъ въ церковной жизни бюрократизмъ и канцелярскую волокиту. Что

1) Проектъ митрополичьихъ округовъ подробно разработанъ академикомъ Е. Е. Голубинскимъ. „Церк. Вѣд.“, 1906 г. № 15.

касается соборнаго начала, выдвигаемаго на первый планъ въ числѣ мотивовъ, говорящихъ за учрежденіе митрополичьихъ округовъ, то его можно оживить и безъ нихъ. Для этого необходимо только ввести періодическіе соборы парх. архіереевъ для обсужденія церковныхъ нуждъ извѣстнаго района, напр., Сѣверо-западнаго края, Поволжья и др. Этимъ соборамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ играть роль подготовительной инстанціи къ Всероссійскому Собору, можно предоставить разсмотрѣніе и рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, нынѣ безъ нужды обременяющихъ Св. Синодъ, а менѣе важныя (напр. бракоразводныя и др.) передать на окончательное рѣшеніе епарх. архіереевъ. Эта мѣра какъ нельзя лучше выполнить ту задачу, которая возлагается извѣстнымъ опредѣленіемъ Св. Синода (15, 18 и 22 марта 1905 г.) на митрополичьи округа. Далѣе, оживленіе церковной жизни можетъ быть достигнуто также и чрезъ привлеченіе къ дѣятельному участию въ епархіальномъ управленіи пресвитеровъ и мірянъ. Вмѣсто же уѣздныхъ епископій, по мнѣнію архіеп. Димитрія, слѣдовало-бы учредить пресвитерскіе уѣздные совѣты подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго протоіерея для управленія надъ приходами и суда.

Принимая во вниманіе основательность изложенныхъ доводовъ, 1-ый отдѣлъ отклонилъ учрежденіе митрополичьихъ округовъ, какъ судебно-административныхъ центровъ и перепелъ (въ засѣданіи 19 апр.) къ обсужденію дальнѣйшей ступени церковнаго управленія — Св. Синоду.

Нынѣшній синодальный строй, имѣющій за собою двухвѣковую давность, страдаетъ многими недостатками и подвергается поѣтому различнымъ вполне справедливымъ нападкамъ и нареканіямъ, не только со стороны мірянъ, низшаго духовенства, но и со стороны епископовъ. Вообще, настоящее положеніе Св. Синода нельзя признать нормальнымъ. Не смотря на свое почти двухсотлѣтнее существованіе, онъ является какимъ то чуждымъ, далекимъ для православныхъ людей. „Ежедневно слышитъ русскій на-

родъ, говоритъ проф. Заозерскій ¹⁾, молитву о Св. Синодѣ: но что такое этотъ Св. Синодъ? Гдѣ онъ? Изъ кого состоитъ? — Для нашего народа въ большинствѣ остается неизвѣстнымъ. Въ большинствѣ Св. Синодъ представляется смутно, какъ гдѣ то существующее начальство, котораго никто не видалъ, съ которымъ никакихъ дѣлъ непосредственно не имѣлъ. Да и тѣ немногіе, кто имѣлъ случай вести какое либо дѣло въ Св. Синодѣ, не видывали его, а имѣли дѣло непосредственно съ различными чиновниками Св. Синода — свѣтскими людьми, какъ и въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ“.

Какъ извѣстно, основное каноническое начало высшаго церковнаго управленія помѣстной церкви состоитъ въ томъ, что управленіе производится всѣми епископами въ совокупности, т. е. соборомъ епископовъ (1 Ник. 5, Халк. 19 и др.). Организовать же частые созывы на соборъ епископовъ съ приобщеніемъ сюда и мірянъ и духовенства для нашей церкви является крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Епископы не всѣ и не всегда будутъ имѣть возможность собираться па соборы да и самый созывъ соборовъ требуетъ соблюденія многихъ формальностей и встрѣчаетъ большія препятствія чисто практическаго характера. Поэтому необходимо сосредоточить вниманіе на существующемъ Св. Синодѣ и реформировать его такимъ образомъ, чтобы онъ являлся не казеннымъ бюрократическимъ учрежденіемъ съ преобладаніемъ свѣтскаго чиновничества, а представительнымъ органомъ всего епископата (малымъ соборомъ), тѣмъ болѣе, что такое представительство и въ древности признавалось. Для того же, чтобы Св. Синодъ, по своей идеѣ, могъ исполнять роль тѣхъ регулярныхъ соборовъ, которые, по требованію каноновъ (1 вс. 5, 4 вс. 19, 7 вс. 6 и др.), созывались въ каждой области дважды въ году или по крайней мѣрѣ однажды, необходимо, во

2) Сборникъ „О возрожденіи русской церкви“, стр. 35.

первыхъ, существеннымъ образомъ измѣнить практикующійся порядокъ назначенія членовъ Синода государственною властью и, во вторыхъ, во главѣ Синода поставить предсѣдателя съ каноническими полномочіями. Къ осуществленію этихъ двухъ пунктовъ и должна быть направлена вся реформа Св. Синода.

Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса — объ образованіи состава Синода, необходимо прежде всего упомянуть о попыткѣ нѣкоторыхъ членовъ отдѣла дополнить составъ преобразованнаго Синода, соотвѣтственно составу собора, мірянами. Выразителемъ этой мысли явился членъ Предс. Присутствія Кузнецовъ. Въ своемъ докладѣ¹⁾ Кузнецовъ прежде всего констатируетъ фактъ глубокаго нравственноруховнаго разъединенія епископовъ, клира и народа и кромѣ того почти вражду клира къ епископамъ. Вслѣдствіе этого интересы церковные русское общество привыкло считать какъ что-то для него постороннее. Благодаря же начинающемуся развитію въ Россіи политической жизни и привлеченію народа къ активному участию въ государственной дѣятельности, интересъ къ дѣламъ церковнымъ можетъ еще болѣе ослабнуть и русское общество легко можетъ вѣру въ Бога, питающую въ немъ высшую жизнь, все болѣе и болѣе замѣнять вѣрой во внѣшній порядокъ жизни и партійныя обѣщанія земного благополучія. Для ослабленія этого крайне ядовитаго зла отъ разъединенія духовенства и мірянъ и для оживленія въ обществѣ интересовъ церковныхъ г. Кузнецовъ находитъ важнѣйшею современною потребностью введеніе на извѣстныхъ основаніяхъ клира и мірянъ во все церковное управленіе и въ частности въ Св. Синодъ; при чемъ представители клира и мірянъ въ Св. Синодъ, по его мнѣнію, должны быть избираемы на 5 лѣтъ на періодическомъ Соборѣ.

Большинство членовъ отдѣла къ мысли Кузнецова и

1) Т. I, стр. 137—143. Проток. Предс. Прис.

его сторонниковъ отнеслось отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ.

По каноническому воззрѣнію будущей постоянной синодъ долженъ трактоваться не иначе, какъ выраженіемъ требуемыхъ канонами двукратныхъ и однократныхъ въ году соборовъ; членами же этихъ соборовъ являлись только епископы, которымъ принадлежитъ полное право управленія церковью на основаніи словъ Св. Писанія: „Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святой постави епископы: пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею“ (Дѣян. XX гл. ст. 28).

Присутствіе въ св. Синодѣ мірянъ и низшихъ священнослужителей кромѣ того не вызывается практическими потребностями и не гармонируетъ съ его положеніемъ, какъ высшаго органа русской церкви. Главнымъ объектомъ дѣятельности будущаго синода явится наблюденіе за должнымъ примѣненіемъ нормъ церковной жизни, исправленіе уклоненій отъ этихъ нормъ, поддержаніе непрерывнаго теченія дѣлъ по установленному порядку и проч. При такомъ значеніи Синода, введеніе въ него клириковъ и мірянъ не отвѣчало бы значенію ихъ совѣщательнаго голоса, а, съ другой стороны, вводило бы въ практику церкви неоправдываемый каноническими правилами контроль со стороны простыхъ вѣрующихъ и низшихъ священнослужителей надъ епископами. — Практика константинопольской церкви также показы ваетъ намъ, что тамъ міряне не участвуютъ въ синодѣ, а входятъ только въ составъ т. наз. народнаго смѣшаннаго совѣта, который составляетъ отдѣльно на ряду съ синодомъ административное учрежденіе, вѣдающее хозяйственныя дѣла патріархіи, а отчасти и учебныя. — Что же касается тѣснаго общенія между пастырями и пасомыми, которое является залогомъ болѣе интенсивной церковной жизни, то оно можетъ быть установлено правильной организаціей приходской и епархіальной жизни съ предоставленіемъ широкаго участія мірянамъ.

Признавъ, такимъ образомъ, членами будущаго синода только епископовъ, отдѣлъ перешелъ къ обсужденію вопроса объ образованіи состава синода такъ, чтобы онъ являлся представительнымъ органомъ всего епископата русской церкви.

Какъ преосвященные въ своихъ отзывахъ ¹⁾, такъ и многіе члены отдѣла (Соколовъ, Бердниковъ, Пѣвницкій и др.) находили наилучшимъ преобразовать нашъ синодъ по образцу синода Константинопольской церкви. Въ такомъ смыслѣ и составленъ былъ проектъ устройства синода, основныя положенія котораго слѣдующія.

Составъ синода опредѣляется въ 12 епископовъ, изъ нихъ 6 постоянныхъ членовъ изъ епископовъ старѣйшихъ кафедръ, какъ лицъ болѣе опытныхъ въ церковныхъ дѣлахъ и необходимыхъ въ интересахъ единства и систематичности синодальной дѣятельности, и 6 мѣняющихся по извѣстному порядку, заранѣе установленному. Послѣдніе призываются на два года и выбываютъ не всѣ сразу, а по частямъ чрезъ два года. Переменные епископы назначаются въ Синодъ не по выбору епископовъ и не административнымъ порядкомъ, а по очереди старшинства. Для этого вся русская церковь дѣлится на районы, откуда и являются очередные епископы. При такомъ составѣ Синодъ будетъ постоянно обновляться, чѣмъ дается возможность всѣмъ епископамъ участвовать въ управленіи русской церкви, а, во вторыхъ, такой порядокъ пополненія состава синода устраняетъ всякое усмотрѣніе при вызовѣ со стороны предсѣдателя или другихъ лицъ и не даетъ никакихъ поводовъ къ зависти, искательству, честолюбію и проч.

Для того же, чтобы уравновѣсить численное соотношеніе постоянныхъ и временныхъ членовъ Синода рѣшено было образовать его составъ по пропорціи: $\frac{1}{3}$ постоянныхъ и $\frac{2}{3}$ временныхъ членовъ. Кромѣ того, 1-ый отд. вклю-

1) „Сводки“ стр. 28.

чиль въ компетенцію Синода право пополнять свой составъ, по мѣрѣ надобности, епископами и др. лицами, могущими принести пользу при выясненіи какихъ либо спеціальныхъ вопросовъ.

Что же касается образованія континента постоянныхъ членовъ Синода, то отдѣлъ, основываясь на практикѣ древней христіанской церкви ¹⁾, большинствомъ 8-ми голосовъ, призналъ, что постоянными членами Синода, кромѣ предсѣдателя должны быть іерархи Московскій, Кіевскій Новгородскій и Казанскій; другіе же 5 членовъ присоединили сюда еще Виленскаго и экзарха Грузіи, съ исключеніемъ Новгородскаго; двое членовъ (Завитневичъ и Кузнецовъ) высказались за выборы постоянныхъ членовъ Соборомъ, а трое (Заозерскій, Машановъ и Несмѣловъ) не признали желательнымъ допущеніе въ составъ Синода постоянныхъ членовъ кромѣ предсѣдателя.

Общее присутствіе, въ засѣданіи 1 іюня 1906 г., послѣ непродолжительныхъ препій, не внесшихъ по существу ничего новаго, согласилось со всѣми предположеніями Отдѣла, а именно: Синодъ состоитъ изъ однихъ епископовъ, числомъ 12, включая сюда и предсѣдателя, изъ коихъ $\frac{1}{3}$ постоянныхъ и $\frac{2}{3}$ смѣняющихся.

Постоянными членами Синода общее собраніе предположило: митрополитовъ — С.-Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго и архіепископовъ — Казанскаго и Литовскаго. О порядкѣ же вызова на Соборъ смѣняющихся членовъ Синода общее собраніе присутствія единогласно приняло слѣдующее положеніе: смѣняющіеся члены Синода вызываются по очереди, по особо составленнымъ спискамъ.

Учрежденіе должности предсѣдателя собора какъ періодическаго, такъ и постояннаго (Синода) — дѣло перво-

1) Въ древности наблюдался принципъ двоякаго старшинства кааеды: или по государственному положенію города, или же съ точки зрѣнія болѣе ранняго просвѣщенія его жителей христіанствомъ.

степенной важности всей предстоящей церковной реформы. За это говорят каноническія основанія и историческія данныя, утверждающія, что никакой соборъ не можетъ составиться, не можетъ выносить какихъ бы то ни было рѣшеніи безъ своего предсѣдателя. Поэтому каждая помѣстная церковь имѣла и имѣетъ своего предсѣдателя, который въ различныя времена носилъ различныя наименованія. Такъ, въ апостольскомъ 34 пр. онъ просто называется первымъ епископомъ народа, въ карфагенской церкви — примасомъ, въ Восточной церкви первоначально назывался митрополитомъ, а затѣмъ, съ дѣленіемъ греко-римской Имперіи на діоцезы — экзархомъ и, наконецъ, патріархомъ.

И только русская церковь болѣе 200 лѣтъ сиротствуетъ, не имѣя главы предсѣдателя! Уже давно раздаются голоса истинныхъ чадъ церкви о необходимости имѣть ходатая и печальника земли Русской въ лицѣ патріарха. Просматривая отзывы епископовъ мы видимъ, какъ горячо большинство изъ нихъ ратуетъ за возстановленіе патріаршества и какое великое значеніе придается ими этому акту.

Но не у всѣхъ патріаршество вызываетъ свѣтлыя надежды. Наоборотъ, многіе сомнѣваются въ цѣлесообразности его учрежденія.¹⁾ Съ подробно мотивированнымъ докладомъ противъ учрежденія патріаршества при современныхъ условіяхъ церковной жизни выступилъ Н. Д. Кузнецовъ.

Прежде всего возстановленіе патріаршества, по мнѣнію докладчика, грозитъ чрезмѣрнымъ развитіемъ деспотизма въ церковномъ управленіи. Высній органъ церкви — Св. Синодъ, состоящій изъ приглашенныхъ по очереди епископовъ — смиренныхъ послушниковъ патріарха, можетъ явиться, „удобной декораціей для возрастанія вліянія и значенія патріарха.“ Въ подтвержденіе возможности этого, г. Кузнецовъ ссылается на свидѣтельства св. отцовъ, что и высшіе іерархи нерѣдко обнаруживали вредныя для ин-

1) „С. Петерб. Вѣд “ 1905 г. № 43; „Колоколь“ 1906 г. № 118.

тересовъ церкви склонности и страсти (напр. сильное домогательство первенства), а также ссылается на патр. Никона, который заставлялъ архіереевъ по нѣскольکو часовъ сидѣть на крыльцѣ крестовыхъ палатъ, а часто и вовсе не выслушивалъ ихъ просьбъ по дѣламъ церкви. Если таково было отношеніе къ епископамъ, то положеніе бѣлаго духовенства было еще болѣе приниженнымъ. Соборное начало при патріархахъ, по словамъ Кузнецова, было очень подавлено. Надъ всѣмъ возвышалась единоличная власть патріарха. Патріархи сыграли печальную роль и въ дѣлѣ раздѣленія въ нѣдрахъ русской церкви, вызвавшемъ расколъ. „Что же можетъ гарантировать русской церкви,“ говоритъ Кузнецовъ, „что нѣчто подобное не повторится въ ней снова съ появленіемъ патріарха? . . .“ Особенно, по мнѣнію Кузнецова, вредно сообщеніе первому епископу выснаго церковнаго титула и власти въ наше время: оно можетъ способствовать еще большему обособленію церковныхъ дѣлъ и поддержанію розни между клиромъ и мірянами и кромѣ того не соотвѣтствуетъ главной общепризнанной задачѣ всѣхъ преобразованій — проведенію соборности во всѣ сферы церковной жизни и управленія. Въ виду всего этого Кузнецовъ вооружается противъ сообщенія предсѣдателю Синода титула патріарха, а усваиваетъ все высшее церковное управленіе Св. Синоду, при которомъ долженъ состоять предсѣдатель съ обычными правами такового („не Синодъ долженъ быть при патріархѣ, а патріархъ при Синодѣ“ говоритъ Кузнецовъ), въ остальномъ же онъ является вполне зависимымъ отъ Синода.

Но всѣ эти и имъ подобныя возраженія, какъ прекрасно выяснили нѣкоторые члены предсоб. присутствія (Алмазовъ, Глубоковскій, Красноженъ и др.) не выдерживаютъ критики.

Прежде всего нѣтъ данныхъ для того, чтобы опасаться самовластия правомочнаго предсѣдателя Синода и предстоятеля русской церкви. Жизнь далеко ушла отъ идей „па-

пизма“. Но если бы и были какія нибудь поползновенія у патріарха присвоить себѣ сильную власть, то это находило бы противовѣсъ въ подлинномъ, независимомъ отъ него составѣ Св. Синода. Вѣдь всѣ общецерковныя дѣла будутъ рѣшаться не единоличною властью патріарха, а въ согласіи съ Синодомъ; по временамъ же у насъ будутъ созываться соборы, предъ которыми первоіерархъ будетъ являться отвѣтственнымъ за свою дѣятельность. Не нарушается при такомъ предсѣдателѣ и принципъ соборности управленія, ибо основная форма этого управленія по древнимъ каноническимъ правиламъ есть органическое сочетаніе собора съ предстоятелемъ, соединеніе единоличнаго управленія съ соборнымъ. Нельзя, равнымъ образомъ, опасаться и того, что установленіе предсѣдателя Синода и вмѣстѣ предсѣдателя русской церкви — непосредственнаго ходатая и защитника предъ Верховною властью — поведетъ къ какимъ нибудь конфликтамъ высшихъ представителей церкви и государства. Здѣсь нужно помнить, что идеи цезарепализма отошли въ область преданій, что сфера государства и сфера церкви со стороны ихъ внутреннихъ задачъ различны, что русская церковь, за нѣкоторыми исключеніями, независящими отъ нея, никогда не стремилась воздѣйствовать на государственную жизнь во имя интересовъ своей внѣшней политики.

Несправедливо также огульное осужденіе патріаршества въ его историческомъ прошломъ. Нельзя, конечно, скрыть отрицательныхъ сторонъ патріаршества. Наступившее вскорѣ послѣ учрежденія патріаршества смутное время, близость нѣкоторыхъ патріарховъ къ верховной власти, увлеченіе ихъ политическою дѣятельностью — все это неблагоприятнымъ образомъ отразилось на патріаршемъ управленіи: оно получило бюрократическій характеръ, который окончательно погубилъ патріаршество. Столкновеніе патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ открыло глаза государственной власти. Конецъ патріаршаго періода характери-

зуется крайне пониженнымъ положеніемъ патріарховъ предъ царскою властью, пока наконецъ Петръ Великій своею мощною рукою не упраздняетъ патріаршество и замѣняетъ его коллегіальнымъ органомъ Св. Синодомъ. Не смотря на все это патріаршество оставило глубокой слѣдъ въ исторіи нашей церкви. Патріархи, во первыхъ, явились оплотомъ самобытности внутренней жизни церкви противъ надвигавшагося верховенства государственной власти; во вторыхъ, церковные интересы, въ лицѣ патріарховъ, нашли авторитетныхъ ходатаевъ предъ этою властью; далѣе, патріархи проявили замѣчательную стойкость въ защитѣ Православія противъ проникавшихъ въ Москву католическихъ вѣяній; точно также ихъ энергіи нужно приписать заботы о просвѣщеніи, выразившіяся въ усиленной издательской дѣятельности книгъ богослужебнаго и религіозно-нравственнаго содержанія и т. д. И коль скоро русскій патріархъ при неблагоприятныхъ условіяхъ все таки совершилъ не мало для русской церкви и для русскаго народа, то не законно ли думать, что при нормальномъ строѣ результаты получились бы болѣе благоприятные . . . Удивительна также боязнь нѣкоторыхъ членовъ Предс. Присутствія, титула патріарха. Конечно, стоя на строго канонической почвѣ нужно признать, что такого титула церковь не знаетъ, но вѣдь сущность заключается не въ имени, а въ правахъ, усвояемыхъ предстоятелю, и при томъ этотъ терминъ, освященный многовѣковымъ церковнымъ употребленіемъ, является наиболѣе соответствующимъ престижу русской церкви¹⁾ и болѣе понятнымъ народу, чѣмъ Св. Синодъ. Въ виду этого, какъ 1-ый отдѣлъ, такъ и общее присутствіе подавляющимъ большинствомъ голосовъ (въ 1 отд. 14 противъ 8 и въ общемъ собраніи 33 противъ 9) высказались за наименованіе перваго іерарха русской церкви — патріархомъ.

1) Объ этомъ подробно сказалъ проф. Красноженъ въ своей рѣчи на засѣданіи I-го отд. 12 мая (т. 1, стр. 252).

Каковы же права и преимущества главы русской церкви?

Первый отдѣлъ при обсужденіи даннаго вопроса разсмотрѣлъ по отдѣльности права будущаго первоіерарха русской церкви, какъ предсѣдателя Синода и какъ предстоятеля русской церкви. Подробно разработанный проектъ этихъ правъ былъ составленъ проф. Алмазовымъ, который съ незначительными измѣненіями и былъ принятъ 1-мъ отд. въ засѣданіи 19 мая. Основныя положенія этого проекта съ внесенными поправками слѣдующія :

Какъ предсѣдатель Синода, патріархъ :

1) Предсѣдательствуетъ въ Синодѣ и руководитъ въ засѣданіяхъ Синода порядкомъ обсуждения дѣлъ ;

2) Наблюдаетъ за исполненіемъ постановленій Синода и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ во всѣхъ состоящихъ при Синодѣ учрежденіяхъ по управленію русскою церковью.

3) Принимаетъ жалобы на епископовъ и даетъ имъ надлежащій ходъ (14 вс. 9, Ант. 14, Сард. 14, Карѣ. 28);

4) Сносится съ прочими церквами по частнымъ вопросамъ церковной жизни непосредственно отъ себя; по вопросамъ же общаго значенія — отъ имени Синода ;

5) Служитъ органомъ сношеній высшаго церковнаго правительства съ высшими государственными установленіями по текущимъ дѣламъ.

6) Пользуется правомъ непосредственно и лично ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, какъ покровителемъ церкви, о неотложныхъ и важнѣйшихъ ея нуждахъ.

7) По истеченіи каждаго года представляетъ Государю Императору всеподданнѣйшій отчетъ о внутреннемъ состояніи русской церкви, съ указаніемъ ея потребностей въ дѣляхъ благотворнаго вліянія на народную жизнь.

Какъ первоіерархъ русской церкви :

1) Неукоснительно наблюдаетъ за своевременнымъ замѣщеніемъ праздныхъ епископскихъ кафедръ (1 вс. 4, Ант. 19, 14 вс. 25).

2) Даетъ отпуски епископамъ въ предѣлахъ Россіи и внѣ ея, свыше мѣсяца (Карѣ. 32, Лаод. 41).

3) Принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣла по личнымъ спорамъ между собою епископовъ, добровольно обращающихся къ нему за разрѣшеніемъ распри безъ формальнаго судопроизводства; рѣшеніе его для обѣихъ сторонъ обязательно.

4) Разъясняетъ частныя недоумѣнія епископовъ по вопросамъ церковнаго порядка, исключая тѣ случаи, когда таковыя недоумѣнія вызываютъ общія разъясненія и потому требуютъ обсужденія въ Синодѣ.

5) Съ вѣдома Синода и съ соизволенія Государя Императора созываетъ всероссійскіе соборы и предсѣдательствуетъ на нихъ.

6) Имѣетъ высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ русской церкви и въ нужныхъ случаяхъ предлагаетъ Синоду принять соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка.

7) Пользуется преимуществомъ чести предъ всѣми епископами русской церкви и имя его, вмѣстѣ съ именемъ Синода, поминается при богослуженіи во всѣхъ церквахъ Россіи (Ап. 34, Дв. 15).

8) Имѣетъ право посылать учительныя посланія и пастырскія воззванія ко всей русской церкви (Ап. пр. 34).

9) По нарушенію правъ и обязанностей своего служенія, подлежитъ суду собора епископовъ Русской церкви, созываемаго Синодомъ по благоусмотрѣнію Государя Императора (3 вс. 1).

Всѣ эти положенія, послѣ незначительныхъ преполю, были приняты Общимъ Собраніемъ въ засѣданіи 3 іюня, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что за богослуженіемъ возносится имя одного только патріарха, а не „вмѣстѣ съ именемъ Синода,“ какъ гласитъ § 7.

Что касается самаго акта возстановленія патріаршества, то онъ долженъ состояться по опредѣленію перваго чрез-

вычайнаго Собора, съ согласія государственной власти. Избраніе¹⁾ же патріарха производится всѣми іерархами русской церкви и избранными представителями клира и мірянъ, примѣнительно къ практикѣ константинопольской церкви, или же помѣстнымъ Соборомъ русской церкви (отз. митр. СПб.).

„Пусть же“, закончимъ мы словами еп. Евдокима, „возстанутъ во всей своей былой силѣ и живой непосредственности Государь и патріархъ, эти двѣ великія, могучія, живыя, зиждущія силы, эти два великихъ строителя русской земли, два центра народно-церковной жизни, эти какъ-бы двѣ совѣсти и какъ-бы два разума народные, эти какъ-бы два ока, смотрящія въ глубь и ширь земли, и высь небесъ, обнимающія собою всю совокупность земно-небесныхъ человѣческихъ отношеній²⁾!“ „И да будетъ это возвращеніе еще болѣе славно, чѣмъ въ древней Руси³⁾!“

Высшее управленіе русской церкви, согласно каноническимъ даннымъ, совершается періодически созываемыми соборами.

Вопросъ о періодическихъ соборахъ, обсуждавшійся въ засѣданіяхъ 1-го отдѣла 24 и 27 мая 1906, не вызвалъ особыхъ преній, ибо аналогичные вопросы были рѣшены при разсмотрѣніи чрезвычайнаго собора. Точно также членами періодическихъ соборовъ, какъ и чрезвычайнаго, состоятъ епископы, клирики и міряне и съ тѣми же правами, кромѣ случаевъ, когда по каноническимъ правиламъ не только рѣшеніе, но и обсужденіе дѣлъ въ соборахъ принадлежитъ однимъ епископамъ (напр. по вопросамъ вѣры).

1) Подробный порядокъ избранія патріарха мы находимъ въ отзывѣ архіепископа Финляндскаго и у проф. Соколова (см. „Сводки“ 224—4).

2) Еп. Евдокимъ „Царь и Патріархъ“ стр. 25.

3) Изъ рѣчи архіеп. Волынскаго Антонія въ засѣданіи Пресв. Присутствія 1 іюня 1906 г.

Періодическіе соборы, по проекту проф. Бердникова¹⁾, принятому I-мъ отд., собираются, по мѣрѣ надобности, съ соизволенія Государя и по почину Св. Синода, но не менѣе одного раза въ теченіе 10 лѣтъ. Такой промежутокъ времени наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ русской церкви, во первыхъ, потому, что при существованіи преобразованнаго Синода съ присвоеніемъ ему правъ собора не будетъ надобности въ частомъ созывѣ періодическихъ соборовъ, а, во вторыхъ, при 10 лѣтнемъ промежуткѣ созыва соборовъ финансовый вопросъ отходитъ на задній планъ.

Затѣмъ, каждому Собору предшествуетъ детальная разработка на мѣстахъ вопросовъ, подлежащихъ его рѣшенію и обсужденію. Прежде всего эти вопросы рассылаются епарх. архіереямъ для того, чтобы они обсудили ихъ вмѣстѣ со своимъ духовенствомъ и представителями мірянъ на благотворительныхъ и епарх. съѣздахъ. Изъ епархій весь этотъ сырой матеріалъ поступаетъ въ канцелярію при патриаршемъ Синодѣ, гдѣ онъ приводится въ систему и изготовляются доклады.

Что касается полномочій помѣстнаго Собора, то была предложена такая формула: „Помѣстному Собору русской церкви принадлежитъ власть законодательная, руководительная, ревизіонная и высшая судебная. Собору же принадлежитъ право избранія патриарха“ (Т. I, стр. 292).

Первая часть формулы принята I-мъ отд. въ засѣданіи 27 мая единогласно; по вопросу же о порядкѣ избранія патриарха послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній. Одна часть членовъ (Самаринъ, Бриллиантовъ, о. Титовъ) стояла за примѣненіе къ выбору патриарха того же способа, какой будетъ установленъ для епарх. архіереевъ, ибо санъ патриарха будетъ принадлежать одному изъ епарх. архіереевъ (С.ПБ-му), и, слѣдовательно, нѣтъ надобности устанавливать особый порядокъ избранія патриарха. Какія либо отличія въ этомъ

1) Т. 1, стр. 281—282. Прот. Предс. Прис.

отношеніи могутъ повести къ возвышенію его надъ уровнемъ прочихъ епископовъ. Другіе же (Алмазовъ, Бердниковъ, Соколовъ и др.), руководствуясь каноническими правилами (1 вс. 21 пр., 34 ап. пр. и 6 пр. Сард.) и практикою греко-восточной церкви, признавали право избранія патріарха только за соборомъ епископовъ.

Подробный проектъ избранія патріарха представленъ былъ проф. Бердниковымъ (Т. I, 292—293).

Въ избраніи патріарха, по данному проекту, принимаютъ участіе епархіальная паства, Синодъ и соборъ русской церкви. Прежде всего каждый изъ указанныхъ факторовъ избираетъ изъ своей среды, тайной подачей голосовъ, кандидатовъ на патріаршую кооедру -- паства и Синодъ по одному, а епископать — трехъ кандидатовъ.

Послѣ избранія кандидатовъ составляется Соборъ изъ правящихъ епископовъ, который, въ особомъ засѣданіи, соединеннымъ съ положеннымъ церковнымъ молитвословіемъ, входитъ въ обсужденіе достоинствъ намѣченныхъ пяти кандидатовъ и затѣмъ выбираетъ одного изъ нихъ посредствомъ тайной подачи голосовъ. При равенствѣ голосовъ предсѣдательскій голосъ даетъ перевѣсъ.

Этотъ проектъ и былъ принятъ I-мъ отд., что видно изъ результатовъ голосованія. Такъ, по вопросу о томъ, кто указываетъ кандидатовъ на должность російскаго патріарха за мнѣніе Бердникова подано 10 голосовъ; 7 членовъ высказалось, что кандидатовъ указываютъ епископы, клиръ и міряне, собравшіеся на соборъ и 3 члена — что кандидата указываетъ епархія; за избраніе патріарха соборомъ однихъ епископовъ подано 14 голосовъ, а за избраніе патріарха соборомъ епископовъ съ участіемъ клира и мірянъ — 5 голосовъ.

Всѣ выработанныя I-мъ отд. положенія, послѣ краткаго обмѣна мыслей, были санкціонированы общимъ собраніемъ Присутствія въ засѣданіи 12 іюня 1906 г.

д) Обь отношеніи церкви къ государству.

Послѣднія свои засѣданія (30, 31 мая, 5 и 7 іюня) первый отдѣлъ посвятилъ разсмотрѣнію весьма интереснаго вопроса — обь отношеніи церкви къ государству.

Но прежде чѣмъ говорить обь отношеніи Православной церкви къ государству, исходя изъ современныхъ потребностей, необходимо, для полнаго освѣщенія настоящаго вопроса, дать историческій очеркъ существовавшихъ и существующихъ отношеній между церковью и государствомъ у насъ на Руси. Эти отношенія будутъ для насъ вполнѣ понятны, если мы укажемъ подъ вліяніемъ какихъ воззрѣній и какъ установилась принятая у насъ система отношеній между церковью и государствомъ.

Для этого прежде всего слѣдуетъ обратиться къ Византіи, которая чрезъ духовенство оказала на насъ могущественное вліяніе.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ чрезъ всю исторію греко-римскаго міра проходитъ теорія симфоническаго отношенія между священствомъ и царствомъ. Такой взглядъ проводится уже въ Апостольскихъ Постановленіяхъ (II, 34), которыя разсуждая о священномъ и царственномъ достоинствѣ епископовъ и сравнивая ихъ съ царями, говорятъ: „послѣдній (т. е. царь) занимается только военными дѣлами, заботясь о войнѣ и мирѣ, чтобы охранять тѣла, а первый (т. е. епископъ) проходитъ священство Божіе, отклоняя отъ опасностей тѣло и душу. И такъ, во сколько душа превосходитъ тѣло, во столько священство превосходитъ царство, ибо оно связываетъ и разрѣшаетъ достойныхъ наказанія или прощенія“. Съ такимъ же взглядомъ мы встрѣчаемся въ 6 новеллѣ Юстиніана, которая, по переводу нашей славянской кормчей книги, гласитъ: „Великая паче инѣхъ, же въ человѣцѣхъ еста дара Божія, отъ вышняго дарована человѣколюбія Божія: ово убо божественнымъ служба, се же человѣческими владѣя и пекиѣся, отъ еди-

наго же и тогожде начала происходятъ, украшающе чело-вѣческое житіе“. Въ этихъ словахъ Юстиніановой новеллы совершенно ясно проводится мысль о необходимости постояннаго, тѣснаго взаимодействія и согласія (симфоніи) между церковною и свѣтскою властью. Взглядъ этотъ былъ господствующимъ въ греко-восточной церкви и онъ проводится во многихъ источникахъ церк. права (напр. въ алфавитной синтагмѣ Матѳея Властаря).

Но такой взглядъ былъ не единственнымъ; существовала другая теорія, которая обосновывала права императора въ отношеніи церкви на его священномъ миропомазаніи, сообщающемъ благодатные дары помазуемому¹⁾. Эта теорія проникла и въ наше русское церковное право.

Если мы обратимся къ нашей церкви, то увидимъ, что ея положеніе въ общихъ чертахъ было то же самое, какъ и въ Византійской имперіи.

Наука церковнаго права²⁾ въ исторіи отношеній русской церкви къ государству довольно рѣзко различаетъ три періода.

Первый періодъ — отъ начала христіанской вѣры на Руси до утвержденія московскаго единодержавія въ XVI в. Это періодъ наибольшей церковной самостоятельности и вмѣсто съ тѣмъ наибольшаго творческаго вліянія церкви на весь укладъ государственно-общественной жизни русскаго народа. До принятія христіанства наши предки въ государственно-общественномъ отношеніи не представляли никакой организованной силы: славяне въ длинную эпоху своего проживанія въ Европѣ до Рюрика не выработали изъ себя никакого политическаго строя. Ихъ религія, съ ея разрозненною, не установившеюся миѳологіею, безъ всякой попытки сосредоточиться даже около какого-нибудь трескучаго перуна, религія жреческаго сословія, безъ особо чтимыхъ

1) Подробно эта теорія изложена въ рѣчи проф. Остроумова, Т. I., стр. 312—313. Прот. Педс. Прис.

2) Церковное Право, проф. Павлова.

святылищъ, конечно, легко могла уступить мѣсто другой, высшей религіи, каковой и оказалось христіанство.

Народъ нашъ, стоявшій на низкой ступени развитія, всецѣло подпалъ подъ благодѣтельное вліяніе Православной церкви. Языкъ, литература, законодательство, управленіе, весь бытъ народа, все его міросозерцапіе подверглось всестороннему вліянію христіанства. Не даромъ Россія тогда, по характерному выраженію одной изъ грамотъ Константинопольскаго патріарха, представлялась „большимъ священнымъ христіанскимъ общежитіемъ 1)“. И хотя этотъ процессъ „христіанизаци“, какъ выражается о. Титовъ (Т. I, 349), не пустилъ глубокихъ корней, такъ какъ русскій народъ не могъ тогда возвыситься до яснаго пониманія христіанскихъ идей, но за то наши предки находили въ Православной вѣрѣ нравственную опору во всѣхъ своихъ невзгодахъ и искушеніяхъ, они чувствовали, что надъ государствомъ есть высшее начало, которое сообщаетъ ему свое освященіе и смыслъ существованія, и они всѣмъ сердцемъ привязались къ новой вѣрѣ. Особенно отвѣтственная роль выпала въ этомъ періодѣ на духовенство, съ митрополитомъ во главѣ, и нужно сказать, что оно съ честію вынесло на своихъ плечахъ нашу государственность, нашу мощь. Церковная власть, возвышаясь надъ разрозненными удѣльными княжествами, все свое нравственное воздѣйствіе направляетъ къ умиротворенію княжескихъ смуть, къ внутреннему объединенію земли, сверженію иноземнаго ига и т. п. Несомнѣнно такая благотворная миссія Православной церкви привлекала къ ней симпатіи не только русскаго народа, но и князей. Князья, видя въ церкви внушительную силу, старались поддерживать ее и оказывать ей матеріальную помощь. Подъ такимъ благотворнымъ вліяніемъ Православной церкви, въ тѣсномъ союзѣ съ нею, крѣпло и росло русское государство.

1) Русская историч. бібліотека. Т. VI, прилож. № 20.

Отъ начала московскаго единодержавія и до Петра Великаго начинается новый періодъ отношеній между церковью и государствомъ.

Хотя и въ этотъ періодъ православная церковь по прежнему продолжаетъ свою культурно - посвѣтительную миссію, по прежнему русскій народъ любитъ и дорожитъ своимъ Православіемъ, но отношенія между духовною и мірскою властью характеризуются рѣшительнымъ стремленіемъ правительства подчинить церковь своему вліянію. Перенесеніе митрополіи въ Москву, освобожденіе русскаго первоіерарха отъ власти Константинополя, усиленіе вліянія князя на выборы митрополита ¹⁾ и учрежденіе патриаршества — все это только отдѣльныя стадіи постепеннаго усиленія государственной власти надъ церковью. Однако господствующимъ всетаки оставался взглядъ, требующій взаимодѣйствія между духовною и свѣтскою властью. Съ принятіемъ при Иванѣ IV византійскаго обряда царской коронаціи начинается колебаніе въ установившихся отношеніяхъ между церковью и государствомъ и, видимо, не въ пользу первой. Московскіе цари съ этого времени всячески стараются устранить отъ управленія патриарха, они не желаютъ уже раздѣлять свою власть съ кѣмъ бы то ни было, они уже не терпятъ, чтобы имъ говорили „навстрѣчу“, они хотятъ быть самодержцами въ полномъ смыслѣ. Паденіе Никона было предвѣстіемъ паденія патриаршества. Какъ созданіе царской власти, патриаршество было и уничтожено этою же властью.

Съ Петра Великаго начинается третій періодъ — полнаго политическаго господства государства надъ церковью, продолжающійся до настоящаго времени.

Однако государственная власть сохраняетъ тотъ взглядъ, что Православная церковь есть высшая просвѣтительница народа, она есть нравственная опора Россіи (Имп. Александръ I

1) Извѣстно, что Иванъ III ввелъ даже обрядъ поставленія митрополита со врученіемъ государемъ пастырскаго жезла новопоставляемому главѣ русской церкви.

выражался о Правосл. церкви, какъ „о твердомъ и непоколебимомъ камнѣ“, на которомъ почиваетъ тишина и благоденствіе народа. Высоч. указъ Сенату 20 дек. 1815 г.), и потому государство всегда проявляло попечительныя заботы о благѣ церкви; оно карало своими наказаніями грѣбы оскорбленія вѣры и церкви и, наконецъ, оно же старалось обезпечить по мѣрѣ средствъ матеріальное положеніе церкви и духовенства. Но такая постоянная опека со стороны государства имѣетъ и свои крайне невыгодныя послѣдствія. Такая опека, скажемъ словами Комитета Министровъ, „лишаетъ церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ не слышимымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни“ (Вопросы о желат. преобраз. п. 2). Особенно такое положеніе стало не терпимымъ, по мнѣнію того же правительства, послѣ закона 17 апрѣля 1905 г. о свободѣ вѣроисповѣданій. Съ этого момента русское государство перешло на путь западно-европейскаго или т. наз. „новаго государства“. Последнее, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ современнаго социализма или историко-экономическаго матеріализма, объявляло себя внѣконфессіональнымъ, чуждымъ интересовъ религіи. Въ силу свободы вѣроисповѣданія каждому предоставляется полная свобода перехода изъ одной вѣры въ другую, полная свобода религіозной пропаганды, полная свобода для каждаго быть внѣ какой-либо конфессіи (атеизмъ), только бы не стѣснять такой же свободы другихъ, только бы не нарушались интересы государства (т. наз. паритетная или уравнивающая система). Ученіе это принято и проведено во всѣхъ западноевропейскихъ законодательствахъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. 17 апрѣля 1905 г. сдѣланъ былъ первый шагъ и нашимъ законодательствомъ ко введенію этого ученія. По этому пути быстро идетъ наше законодательство. Принципъ свободы вѣроисповѣданій восторжествовалъ и въ Гос. Думѣ. Отъ всего этого

прежде всего пострадала наша Православная церковь, которая поставлена въ унижительное и опасное положеніе. Государство, ставъ на почву охраны своихъ только интересовъ, признало излишнимъ всякія сношенія съ Православною церковью, по дѣламъ затрагивающимъ ея интересы. Уже при обсужденіи указа 17 апр. 1905 г. госуд. власть не сочла полезнымъ выслушать голосъ церкви; точно также при изданіи „правиль 17 октября 1906 г.“ ограничились заключеніемъ и мнѣніями Совѣта Министровъ. По тѣмъ же мотивамъ и самое законодательство стало усиленно освобождаться отъ конфессіональнаго элемента. Это сказалось еще при редакціи и утвержденіи 22 марта 1903 года. „Новаго уголовного уложенія,“ въ которомъ изъ 65 ст. прежняго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ осталось по дѣламъ вѣры всего 26 ст., а, при вторичной редакціи того же уложенія 14 марта 1906 г., въ немъ осталось всего 24 статьи¹.

Также и „уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ во многомъ омертвѣлъ относительно дѣль вѣры. Такъ, существенныя его статьи (36—39 и 56—57), касающіеся самыхъ близкихъ интересовъ Православной церкви были совершенно отмѣнены. Тоже произошло и съ „уставомъ уголовного судопроизводства,“ статьи котораго 1005—1008, зорко стоящія на стражѣ дѣль вѣры, полностью упразднены. Недалеко, по видимому, то время, когда наше государство дойдетъ до полнаго уравненія у насъ христіанства съ нехристіанскими ученіями. Уже чрезъ 3-ю Думу въ весенней сессіи 1909 года пронелъ законъ, уравнивающій нашу Православную вѣру не только съ магометанствомъ, іудействомъ, но и съ . . . язычествомъ. Отсюда уже самъ собою выльется государственный атеизмъ и появится узаконенный классъ вѣисповѣдныхъ людей, о чемъ раздавались голоса въ Гос. Думѣ, а тамъ одинъ

1) Докладъ проф. Бердникова, т. 1., 306. Прот. Предс. Прис.

шагъ и до полнаго отдѣленія церкви и государства. Неудивительно, что послѣ такихъ мѣропріятій, послѣдовали массовыя уклоненія отъ Православія, особенно въ Сѣверо-западномъ краѣ и Холмщинѣ. Объясняется это тѣмъ, что правительство, предоставивъ старообрядцамъ и другимъ сектантамъ свободу во внутреннихъ дѣлахъ, оставили въ прежнихъ тискахъ Православную церковь.

Отсюда выводится настоятельная необходимость „снять тяжелыя цѣпи, окутывающія внутреннюю жизнь православной церкви, устранить или хотя бы нѣсколько ослабить постоянную опеку надъ жизнію церковной и представить Православной церкви, хоть на ряду съ сектантами, автономію во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ.“ Такъ говоритъ Комитетъ Министровъ и съ этимъ нельзя не согласиться.

Теперь является вопросъ — какъ оградить за Православною церковью всѣ ея прерогативы при настоящемъ положеніи вещей, чтобы она могла дѣйствительно пользоваться подобающею ей свободою и чтобы укрѣпились прежнія довѣрчивыя отношенія между Православною церковью и государствомъ?

И вотъ взоры членовъ Предс. Присутствія обращаются къ державному Монарху. Русскіе цари, подобно византійскимъ, всегда являлись попечителями о благѣ церкви и, насколько могли, старались способствовать ея внутреннему росту и силѣ. И теперь, только русскій царь можетъ быть мощнымъ защитникомъ, блюстителемъ и хранителемъ постановленій и догматовъ Православной церкви. „Если исходить изъ этого факта“, говоритъ Самаринъ, „то этимъ предопредѣляются и тѣ отношенія, которыя должны будутъ установиться между новыми церковными учрежденіями и русскимъ православнымъ царемъ“ и потому является необходимымъ „устранить изъ дѣйствующихъ законовъ все то, что мѣшало доселѣ высшему церковному учрежденію проявлять свою дѣятельность и связывало его, отнюдь не устрояя законнаго участія русскаго царя или его уполномоченнаго“

(Т. I. стр. 354). Къ этому мнѣнію присоединились и другіе члены отдѣла, напр. проф. Остроумовъ и Глубоковскій. Последній, между прочимъ, говоритъ, что только православный царь, какъ глава православно-христіанскаго государства, „имѣетъ великія средства для законнаго и правомѣрнаго вліянія въ пользу православно-церковныхъ интересовъ“.

То обстоятельство, что православный русскій царь со-раздѣляетъ теперь свою власть съ Гос. Думою и Совѣтомъ (ст. 7 осн. зак.), не должно вліять на отношенія между Императоромъ и церковью. Вѣдь оба эти высшія учрежденія внѣисповѣднаго характера и предоставитъ заботы о Православной церкви усмотрѣнію ихъ по меньшей мѣрѣ странно. Поэтому является вполне справедливымъ положить извѣстный предѣлъ для вліянія ихъ на ходъ церковныхъ дѣлъ. Такъ они, по мнѣнію членовъ Предс. Прис., не могутъ касаться по существу ни опредѣленій догматическихъ, ни опредѣленій о преобразованіяхъ церковнаго управленія, ни опредѣленій касательно церковной дисциплины. Дума и Совѣтъ могутъ имѣть отношеніе только къ тѣмъ пунктамъ, которые касаются или финансовой области, или когда дѣло будетъ касаться измѣненія гражданскихъ правъ. Вполнѣ правильную мысль высказалъ въ общемъ присутствіи проф. Остроумовъ¹⁾. Онъ говоритъ, что какъ въ государственной области законодательные функціи несутъ Дума и Совѣтъ, такъ и въ области внутренняго церковнаго самоопредѣленія тѣ же функціи несутъ Св. Синодъ и помѣстный соборъ. И какъ Дума и Совѣтъ представляютъ на утвержденіе Государя одобренные имъ законопроекты, такъ Синодъ и соборъ подносятъ для утвержденія Государю свои постановленія²⁾. Для того же, чтобы не страдали интересы государства,

1) Т. II, 620—621. Прот. Предс. Прис.

2) Такой порядокъ, напр., практикуется въ Швеціи, гдѣ установлено, что для измѣненія и отмѣны церковныхъ законовъ Риксдагомъ, кромѣ согласія Короля, необходимо еще и согласіе Генеральнаго Синода, т. е. учрежденія церковнаго характера.

чтобы церковныя постановленія не находились въ противорѣчїи съ государственными законами, при Синодѣ состоитъ представитель Верховной власти — Оберъ-прокуроръ, который вмѣстѣ является представителемъ и охранителемъ интересовъ церкви.

Все сказанное объ отношенїи русской Православной церкви къ государству приводитъ насъ къ тому заключенїю, что внутренняя церковная жизнь должна быть самостоятельною, что церковь должна быть самоуправляющеюся единицей. Но изъ признанїя церковной самостоятельности не слѣдуетъ такого вывода, что между церковью и государствомъ не должно быть никакой связи, никакого взаимобращенїя; напротивъ, между этими двумя организмами должно существовать возможно близкое взаимоотношенїе.

Соотвѣтственно всѣмъ высказаннымъ сужденїямъ и былъ составленъ проф. Бердниковымъ „проектъ положенїя объ отношенїи высшаго церковнаго правительства къ верховной государственной власти“¹⁾.

Не останавливаясь подробно на этомъ проектѣ, мы процитируемъ его въ исправленномъ 1-мъ отд. видѣ, при чемъ ясно будетъ видно, какія измѣненїя вносить этотъ проектъ въ существующїя отношенїя между церковью и государствомъ.

Текстъ этого положенїя гласитъ слѣдующее:

1) Православная русская церковь имѣетъ право издавать для себя новыя постановленїя съ соизволенїя Государя Императора. Согласно съ симъ, представляются на благоусмотрѣнїе Государя Императора постановленїя предстоящаго чрезвычайнаго Собора Всероссійской церкви и имѣющихъ послѣдовать за онымъ повременныхъ соборовъ, а также распоряженїя постоянного Священнаго Синода руководственнаго характера.

2) Постановленїя чрезвычайнаго Всерос. Собора, повременныхъ соборовъ и постоянного Свящ. Синода, связанныя

1) Т. I. 361 Прот. Преде. Прис.

съ расходованіемъ средствъ изъ Гос. Казначейства или съ предоставленіемъ церковнымъ учрежденіямъ и лицамъ правъ государственныхъ, воспріемлютъ силу закона въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

3) Православная русская церковь въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляется свободно своими учрежденіями, подъ верховной защитой Государя Императора.

4) Государю Императору представляется отчетъ о дѣлахъ церковныхъ за истекшій годъ.

5) Съ соизволенія Государя Императора созывается установленнымъ порядкомъ повременный соборъ.

6) Повременный соборъ представляетъ на благоусмотрѣніе Государя Императора о своемъ выборѣ патріарха; въ случаѣ суда надъ патріархомъ, приговоръ суда также представляется на благоусмотрѣніе Государя.

7) Чрезвычайный Всерос. Соборъ и повременные соборы представляютъ свои постановленія на благовоззрѣніе Государя Императора чрезъ патріарха. Равнымъ образомъ и постоянный Свящ. Синодъ входитъ своими докладами къ Государю Императору въ потребныхъ случаяхъ также чрезъ своего предсѣдателя — патріарха.

8) На чрезвычайномъ Всероссийскомъ Соборѣ и на повременныхъ соборахъ, если на нихъ Государю Императору не благоугодно будетъ присутствовать лично, съ Его соизволенія присутствуетъ представитель Его Величества.

9) Въ Свящ. Синодѣ Государь Императоръ имѣетъ своего представителя въ лицѣ Оберъ-Прокурора, который, не входя непосредственно въ теченіе и рѣшеніе дѣлъ, наблюдаетъ за согласіемъ постановленій и рѣшеній Синода съ требованіями закона; въ случаѣ несогласія таковыхъ съ закономъ, обращаетъ на это вниманіе Синода и затѣмъ о своихъ наблюденіяхъ всеподданнѣйше докладываетъ Его Величеству въ формѣ, какая будетъ установлена на сей предметъ.

10) Какъ представитель Государя — защитника цер-

квп, Оберъ-Прокуроръ Свящ. Синода участвуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ въ обсужденіи и рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ какъ законодательнаго, такъ и исполнительнаго характера, подлежащихъ разсмотрѣнію сихъ установленій.

11) Оберъ-Прокуроръ Свящ. Синода не входитъ въ составъ Совѣта Министровъ. Почему смѣна министерства вслѣдствіе колебанія внутренней политики не можетъ необходимо влечь за собой и смѣны Оберъ-Прокурора Свящ. Синода.

Примѣч. Буде изложенные выше пункты войдутъ въ законную силу, съ ними должны быть согласованы 42 и 43 статьи Осн. Зак. въ слѣдующемъ примѣрно изложеніи:

Ст. 42. Императоръ, какъ Православный Государь, есть верховный защитникъ господствующей церкви и охранитель ея благоустройства.

Ст. 43. Въ отношеніи православной церкви Самодержавная Власть дѣйствуетъ въ согласіи съ признанными ею Всерос. церковнымъ Соборомъ, постояннымъ Свящ. Синодомъ и предстоятелемъ православной російской церкви — Патріархомъ¹⁾.

Внесенный на обсужденіе общаго присутствія (Засѣданія 13 и 14 іюня), настоящій проектъ подвергся тамъ еще слѣдующимъ измѣненіямъ.

П. 9, гласящій, что Оберъ-прокуроръ въ Св. Синодѣ „не входитъ непосредственно въ теченіе и рѣшеніе дѣлъ“ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ Присутствія А. Папкова, Н. Аксакова, Кузнецова и др. возраженіе, что для Оберъ-Прокурора, какъ представителя Государственной власти

1) Кстати отмѣчаемъ, что уже послѣ Предсоб. Присутствія, въ январѣ 1907 г. Оберъ-прокуроръ Св. Синода внесъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ свои предположенія по вопросу объ отношеніи государственной власти къ Православной церкви, суть которыхъ сводится къ предоставленію русской церкви „полной свободы внутренняго управленія и самостроенія“ (п. 2), къ проведенію широкихъ реформъ (п.п. 3, 4, 5, 6 и 7) и къ защитѣ со стороны государства „правъ и преимуществъ Правосл. церкви, какъ господствующей въ государствѣ“.

невозможно не участвовать въ обсужденіи дѣлъ по существу, такъ какъ по цѣлому ряду дѣлъ, подлежащихъ утверженію Государя, Оберъ-Прокуроръ долженъ давать заключенія и по существу. Съ своей стороны, присутствовавшей въ за-сѣданіи Оберъ-Прокуроръ князь Ширинскій-Шахматовъ замѣтилъ, что воспрещеніе Оберъ-Прокурору входить въ теченіе и рѣшеніе дѣлъ практически осуществлять невозможно, такъ какъ ему придется защищать церковные интересы въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (Т. II, 637). Другіе же члены (Алмазовъ, Бердниковъ и др.) находили, что, при предоставленіи права О.-Прокурору участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ по существу ему усвоятся тѣ же широкія полномочія, какія онъ имѣлъ въ теченіе двухсотлѣтняго „Вавилонскаго плѣненія“ церкви. Въ виду того, что канцеляріи предполагается поставить вгѣ зависимости Оберъ-Прокурора, Общее Собраніе большинствомъ 28 голосовъ противъ 11 призналъ возможнымъ опустить изъ п. 9 слова „не входя въ теченіе и рѣшеніе дѣлъ“, въ какомъ смыслѣ и былъ редактированъ п. 9.

Далѣе, п. 10 былъ единогласно измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Оберъ-Прокуроръ участвуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ не только въ обсужденіи, а соотвѣтственныхъ случаяхъ и рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ“.

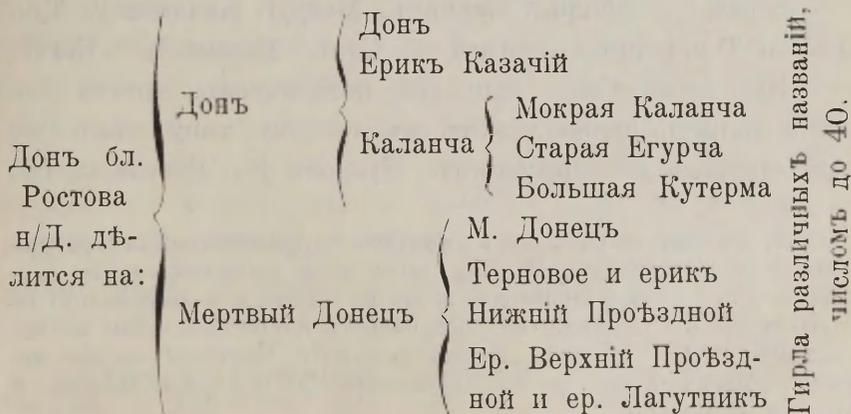
П. 11 редактированъ такимъ образомъ: „Оберъ-Прокуроръ Свящ. Синода не входить въ составъ Совѣта министеровъ, дабы смѣна Министерства, вслѣдствіе колебанія внутренней политики, не влекла за собою и смѣны Оберъ-Прокурора Свящ. Синода“.

Что касается измѣненія ст. 42—43, то общее присутствіе не вынесло по сему предмету никакихъ рѣшеній, такъ какъ починъ измѣненія основныхъ законовъ входить въ прерогативы Монарха.

Географическое развитіе дельты р. Дона, въ связи съ ея заселеніемъ.

Дельтою р. Дона, въ настоящее время, можно называть треугольную, въ общихъ очертаніяхъ, площадь, заключенную между протокомъ Мертвымъ Донцомъ, собственно — Дономъ и моремъ. Вершина этой дельты находится близъ г. Ростова в/Дону. Мертвый Донецъ течетъ на западо-сѣверо-западъ, а теченіе Дона образуетъ нѣсколько изгибовъ то прямо на югъ, то прямо на западъ, а въ общемъ направляется къ западо-юго-западу.

Морской берегъ, приблизительно, совпадаетъ съ меридіаномъ 8⁰ 54' отъ Пулкова. Пространство это раздѣлено на острова довольно многочисленными протоками, при впаденіи въ море носящими названіе гирлъ.

Длина р. Мертваго Донца 27—28 верстѣ, длина Дона съ извилинами, отъ мѣста отдѣленія Мертваго Донца до впаденія въ море — 31—32 версты, а исключивъ небольшія извилины, — тоже около 28 в., полоса гирль по меридіану — 20 в.

Какъ мы увидимъ позже, дельта Дона довольно быстро нарастаетъ, выдвигаясь въ такъ называемый Таганрогскій заливъ Азовскаго моря, и имѣетъ свое особое подводное продолженіе. Пройдетъ нѣсколько вѣковъ, и карта наша должна будетъ значительно измѣниться.

Для геолога, однако, донская дельта начинается уже далеко выше Ростова, именно отъ мѣста впаденія въ Донъ р. Донца, и даже болѣе: ему рисуется въ отдаленномъ прошломъ картина двойного лимана, подобнаго днѣпровско-бугскому, и постепеннаго выполненія лимановъ этихъ общемою дельтою нашихъ рѣкъ. Мѣсто сліянія Донца съ Дономъ отстоитъ отъ моря по прямой линіи, проходящей по долиинѣ Дона, около 125 верстѣ. Долина Дона, заливаемая большею частью весенними его водами, имѣетъ ширину отъ 7 до 20 верстѣ. Въ долиинѣ этой Донъ отдѣляетъ отъ себя большое число протоковъ, здѣсь лежатъ многочисленныя и значительныя озера; на пространствѣ отъ устьевъ Донца до впаденія своего въ море Донъ принимаетъ нѣсколько небольшихъ притоковъ:

справа — Мокрый Керчикъ, Мокрую Кадамовку, Тузловъ и Темерникъ, а слѣва — Саль, Маныч¹⁾ и Батай.

Изъ нихъ Саль наиболѣе полноводенъ, течетъ все лѣто, Манычъ принадлежитъ къ особому типу рѣкъ, но тоже никогда не пересыхаетъ; Тузловъ у г. Новочеркаска

1) Названіе этой рѣки въ русской географической литературѣ имѣетъ иное окончаніе, Манычъ, но я, какъ уроженецъ края, протестую. Никто изъ донскихъ казаковъ (даже изъ калмыковъ) не дѣлаетъ такого ударенія, не употребляетъ имени этой рѣки въ мужескомъ родѣ. Да и въ „Книгѣ Большого Чертежа“ — она названа „Манача-рѣка“, а въ документахъ XVII вѣка и Маначъ, и Маначи, и Манычъ.

въ жаркія и сухія лѣта иногда пересыхаетъ, теченіе прекращается. Прочія рѣчки не заслуживаютъ даже этого названія, ибо представляютъ обыкновенныя степныя балки съ ничтожнымъ ручейкомъ въ водотокѣ ихъ. Такимъ образомъ, въ лѣтнее время для питанія главной артеріи — Дона — значеніе сохраняютъ лишь лѣвые притоки нижняго теченія его.

Это обстоятельство имѣло, въ свое время, значительное вліяніе на формированіе сѣти протоковъ и на видимое уклоненіе рѣки отъ т. наз. закона Бэра. Разсмотрѣвъ данныя геологической исторіи области нижняго теченія Дона, мы довольно отчетливо уяснимъ себѣ причины ббльшаго или меньшаго развитія отдѣльныхъ протоковъ и т. д.

Профессоръ харьковскаго университета — Н. Д. Борисякъ, посѣтившій, по должности попечителя учебнаго округа, Новочеркасскъ во время весеннихъ экзаменовъ, писалъ въ 1866 г. 1): „Въ ландшафтности страны кроется весьма часто глубокой смыслъ геологическихъ условій самаго ея образованія. Присутствіе возвышенныхъ закраинъ, у подошвы которыхъ протекаютъ рѣчки, а за ними далеко разстилается ровная низина, — обусловливаютъ характеръ здѣшней мѣстности, опредѣляютъ мѣру впечатлѣнія, производимаго ею на путешественника. Здѣсь нѣтъ поразительныхъ контрастовъ, волнующихъ мгновенно душу его въ какомъ бы то ни было направленіи; въ контурахъ возвышенностей онъ ощущаетъ большое однообразіе: хотя балки прорѣзываютъ ихъ, есть обрывы, смѣняющіеся легкими увалами, но нѣтъ рельефныхъ выдающихся уступовъ, террасъ, зигзаговидныхъ углубленій, окаймленныхъ мощною растительностію, безжизненность господствуетъ въ разстилающейся предъ нимъ дали. Привлекателенъ, но не впечатлителенъ видъ съ вершины высокаго кургана въ Алексан-

1) Сборникъ матеріаловъ, относящихся до геологіи южной Росіи. Кн. 1. Харьковъ. 1867. Стр. 232 и далѣе.

дровскомъ саду на низменное займище, по зеленому полю котораго серебристою лентою извивается въ многочисленныя изгибы неширокой Аксай; обширенъ, но не вдохновителенъ открывающійся съ нагорнаго берега, высотой футовъ до 250, между Раздорами и Мелеховскою станицею, далекий кругозоръ на засыпанный песками Донъ, на покрытую жалкими зарослями необозримую равнину. Утомленный обширностію и безжизненностію взоръ путника нѣсколько отдыхаетъ, когда съ высоколежащей Аксайской станицы обозрѣваетъ онъ сліяніе Аксая съ Дономъ, пятна воды, образованныя затонами, узкою полосой стелющуюся дамбу, да невысокій гребень батайскихъ высотъ, убѣгающихъ къ востоку.

Томительное чувство одиночества еще болѣе охватываетъ душу путешественника, при внѣшней обстановкѣ, независящей уже отъ мѣстности, когда, подъ вліяніемъ палящаго зноя, достигающаго нерѣдко 40°, охваченный взрывомъ ослѣпляющаго пыльнымъ ураганомъ сѣверо-восточнаго вѣтра или непроницаемой югѣй, онъ невольно обращается къ какъ бы уснувшимъ станицамъ, къ широкой, вяло текущей рѣкѣ, къ пологимъ, не одушевленнымъ ни трудомъ, ни дѣятельностію человѣка, равнинамъ. Бываетъ однако же время, когда страна эта особенно оживляется, когда она поражаетъ наблюдателя громадностію содержанія ландшафта; это — время весенняго разлива Дона, когда, выходя изъ береговъ, онъ, какъ бы вступающій въ права первобытной рѣки, заливаешь необозримую, низменную окрестность, когда погруженная господствовавшая недавно суша выставляется только въ видѣ небольшихъ острововъ изъ овладѣвшей ею водной стихіи, по которой во всѣхъ направленіяхъ носятся парусныя суда. Но картина эта принадлежитъ только веснѣ, и вскорѣ мало по малу суша, со всею ея безжизненностію смѣняетъ оживившую на время окрестность воду, и страна принимаетъ снова обычный пустынный видъ . . .

Озирая печальный, тусклый видъ Дона, съ его обнаженными пустынными окраинами и равнинами, невольно задаешь себѣ вопросъ: не въ этихъ ли орографическихъ условіяхъ причина того предпочтенія, какое оказывали здѣшнимъ мѣстностямъ незнавшіе осѣдлости, не терпѣвнѣе сближенія, жившіе особнякомъ народы глубокой древности?

Не подъ вліяніемъ ли этихъ условій сложилась и поддерживается здѣсь донинѣ кочевая жизнь, аномальная въ Европѣ, и сохраняется еще замѣтно нѣкоторая склонность къ замкнутости въ нынѣшнемъ осѣдломъ населеніи, не смотря на громадныя задатки въ его нравственныхъ и физическихъ силахъ, въ его общественныхъ учрежденіяхъ — для самой полной общественной жизни? Геологическія условія, при которыхъ установилась орографія странъ, какъ это прекрасно высказалъ Бернгардъ Котта для Германіи, имѣютъ огромное вліяніе на матеріальное и духовное настроеніе самыхъ населеній. Плоскостное, мало возмущенное накопленіе третичныхъ осадковъ не подвергалось въ здѣшней мѣстности какимъ-либо переворотамъ, вслѣдствіе которыхъ могли бы произойти поразительные контрасты въ очертаціи страны. Здѣшняя третичная почва, на которой улеглись дилювіальныя глины, закрытыя черноземомъ, сложилась изъ горизонтальныхъ слоевъ породъ, представляющихъ въ общемъ простираніи небольшую только волнистость; . . . на такой мѣстности надолго приурочиваются кочевые пастушескіе народы, ищущіе, побуждаясь узкимъ міровоззрѣніемъ, невозмутимаго празднаго уединенія; и ежели на ней, по временамъ, подобно урывистымъ вѣтрамъ степи, разыгрывается выходящая изъ границъ удалъ челоувѣка, то все это смѣняется на долго затишьемъ, замкнутостью и неподвижностью апатіи. Въ такихъ странахъ, какъ показала исторія, развивается жизнь и дѣятельность, разцвѣтаютъ науки и промышленность, вызываются къ бытію богатыя сокровища, заключенныя въ нѣдрахъ земли, въ самыхъ условіяхъ ея обширности и разнообразія, не вслѣд-

ствіе исключительно мѣстной инициативы, а неизбежнымъ участіемъ полезныхъ дѣятелей изъ такихъ странъ гдѣ уже окрѣпъ трудъ, сложилось сознание необходимости правильнаго пользованія землею, значенія ремеслъ, торговли и промысловъ, изъ странъ, гдѣ уже изгладились слѣды первобытной, номадной жизни населеній.“

Этотъ отрывокъ взятъ изъ статьи, долго служившей мнѣ путеводителемъ въ первыхъ моихъ геологическихъ экскурсіяхъ, много лѣтъ назадъ. Но и теперь, вчитываясь въ нее, я нахожу, что будь у Борисяка больше временени и средствъ для работы (жизнь его сложилась очень неудачно), — онъ одинъ успѣлъ бы сдѣлать для нашего края все то, что сдѣлано уже теперь другими а, вѣроятно, отчасти и то, что сдѣлано будетъ нескоро.

Не знаю, можетъ быть, я пристрастно гляжу на него, — онъ былъ моимъ любимымъ авторомъ въ тѣ первые годы, — но онъ проникъ и показалъ мнѣ духъ геологіи, и далъ какъ бы программу дальнѣйшей работы, къ которой я, можно сказать, только приступилъ.

Откроемъ въ той же статьѣ — стр. 260.

„Новѣйшія и современныя геологическія образованія, находящіяся въ связи съ образовательнымъ и разрушительнымъ дѣйствіемъ водной стихіи, наблюдаются по теченію рѣки Дона, въ его устьяхъ, въ нарастаніи и поступательномъ движеніи его дельты.

Изученіе развѣтвленій Дона на рукава и гирла, образовательное и разрушительное дѣйствіе его протеканія, условія образованія дельты — составляютъ предметъ высокой важности какъ для гидролога, такъ и для геолога. Что такое донская дельта, гдѣ ея начало, гдѣ она была, когда Каспій сливался съ Меотидою, какъ шагъ за шагомъ измѣняетъ она свое положеніе, оспаривая у моря его владычество, измѣняя фізіогномію страны, изглаживая слѣды минувшаго? Что такое гирла, какъ они образуются, исчезаютъ, замѣняются новыми, подвигаются впередъ и какое во всемъ этомъ громадное

участіе принимаетъ тихій Донъ Ивановичъ? — вотъ вопросы геологическаго содержанія, на которые можно отвѣчать только въ будущемъ, по мѣрѣ накопленія специальныхъ изслѣдованій“ — и т. д.

Двѣнадцать лѣтъ моихъ наблюденій дали все же немало новаго для выясненія исторіи развитія этой долины, переходящей постепенно въ донскую дельту. Я говорю сейчасъ о географическомъ развитіи послѣдней, надѣясь этимъ отгѣнить, что изъ всей геологической исторіи ея я выбираю лишь тѣ моменты и вліянія, которые создали современную географическую картину.

Правый берегъ долины р. Дона на значительныхъ протяженіяхъ представляетъ крутые, то каменистые, то мѣловые склоны, довольно рѣдко смѣняющіеся низкими плоскими или отлогими площадями солонцовъ или песковъ. Высоты эти достигаютъ мѣстами 70—80 саженой, подымаясь отъ рѣки почти неприступной крутизною.

Лѣвый берегъ долины, большею частью, плоскій или отлогій, то покрытый мощными дюнами, то представляющій пойму съ озерами, болотцами, протоками, лѣсами. Мѣстами Донъ подходитъ къ нему, и тамъ появляются отвѣсные обрывы изъ красныхъ и бурыхъ суглинокъ, высотой отъ 3 до 15 саженой.

Подобные обрывы мы видимъ и у г. Азова.

Произведя геологическія изслѣдованія водораздѣла Волги и Дона, посѣтивъ мѣстность, гдѣ обѣ рѣки сходятся ближе всего, и гдѣ съ почти-доисторическихъ временъ былъ волокъ для судовъ, гдѣ въ 1569 г. султанъ Селимъ началъ рыть соединительный волго-донской каналъ (предпріятіе, нанедшее себѣ сторонника и продолжателя въ Петрѣ Великомъ, равно и въ инженерѣ Леонѣ Дрю въ наши дни) — я пришелъ къ заключенію, что въ срединѣ миоценовой эпохи, именно въ вѣкъ отложенія 2-го средиземноморскаго яруса, Донъ если и существовалъ, то представлялъ собою небольшую рѣку, впадавную въ тогданнюю Волгу нѣсколько ниже Сарепты¹⁾.

1) Извѣстный географъ и геологъ I. Вальтеръ довольно

До ст. Голубинской (нѣсколько выше пос. Калача) Донъ долженъ былъ имѣть, приблизительно, нынѣшнее свое направленіе, и лишь отсюда текъ на юго-востокъ, къ долинѣ Сарны. Это предположеніе основано на сопоставленіи данныхъ нивелировки этой мѣстности съ характеромъ размыванія палеогеновыхъ образованій водораздѣла. Донецъ былъ значительной рѣкой, сливался съ нѣкоторыми теперешними притоками Дона и впадалъ общимъ съ ними устьемъ въ морской заливъ къ сѣверо-востоку отъ мѣста нынѣшняго Новочеркасска.

Одновременно съ начавшейся и дѣйствительно значительной сарматской трансгрессіей, русло Дона претерпѣло важныя измѣненія.

Во-первыхъ, по фаунѣ млекопитающихъ и наземныхъ моллюсковъ — можно заключить объ увеличеніи влажности климата го сравненію съ предшествовавшимъ¹⁾, а отсюда правдоподобный выводъ — увеличеніе многоводія рѣкъ.

Во-вторыхъ: значительное поднятіе уровня моря и распространение его на сѣверъ немного далѣе Цымлянкой станицы, т. е. приближеніе его къ руслу Дона, ростъ овраговъ и маленькихъ рѣчекъ на плоской, низменной равнинѣ, впадающихъ въ образовавшийся морской заливъ, и, наконецъ, уклоненіе Дона вправо, по закону Бэра, — все это облегчало возможность и начало стока водъ на юго-западъ, въ Танаисскій заливъ²⁾.

Въ-третьихъ: къ западу отъ Волги можно подозрѣвать небольшія опусканія въ началѣ сарматскаго вѣка, а на востокъ отъ нея — нельзя. Это тоже могло отклонить Донъ, и вѣдь

опредѣленно говорить, что въ срединѣ миоцена большая часть Европы представляла пустыню. Я отчасти соглашаюсь, а для Россіи Европейской и западной части Азіатской имѣю всѣ основанія признавать полу-пустынный режимъ, ничтожность рѣкъ и т. п.

1) Не имѣя возможности коротко охарактеризовать физико-географическія условія и дѣленія неогеноваго періода, сообща здѣсь прямо свои выводы.

2) Наименованіе дано Н. А. Соколовымъ, принято нѣсколькими русскими геологами.

именно отъ Калача онъ течетъ сначала въ юго-юго-западномъ, а потомъ и совсѣмъ въ западномъ направленіи.

Неподдающееся безусловному истолкованію, очень быстрое сокращеніе южно-русскаго моря въ меотическій вѣкъ, когда черноморско-азовскій и арало-каспійскій-бассейны совершенно разобщились, отразилось въ юго-восточной Европѣ весьма своеобразнымъ развитіемъ сѣти солоноватыхъ озеръ, углубленіемъ рѣчныхъ долинъ и т. д. Дѣйствительно, и въ области Войска Донскаго мы находимъ явственные слѣды того, что Донъ углублялъ свою долину, мало разработывая ее въ ширину. (Слѣдовъ озеръ не найдено). Море меотическаго вѣка было лишь немногимъ больше, чѣмъ современныя Азовское и Черное. Только на западѣ — въ Румыніи, Бессарабіи и Херсонской губ. мы найдемъ осадки его на значительной дистанціи отъ современнаго, а по берегамъ Азовскаго моря они лежатъ узкой полосой: недалеко отъ станицы Новой Николаевской, Таганрога, Синявки, по берегамъ Мертваго Донца до ст. Гниловской и Ростова на Дону. Въ нихъ мы встрѣтимъ типичныя конгеріи, *Scrobicularia tellinoides*, *Venerupis Abichi* и нѣсколько типичныхъ же гастроподъ¹⁾.

Донъ несъ тогда въ море массы песковъ, нарастала песчаная дельта, на мѣстѣ которой стоитъ теперь Новочеркасскъ, ст. Бесергеновская, Мелеховская (?), Старочеркасская и нѣк. другія. Долина нижняго теченія Дона меотическаго вѣка опредѣляется пунктами, гдѣ видно допонтическое размываніе сарматскихъ (особенно — съ *Mastra crassicollis*) известняковъ и выполненіе эрозіонныхъ формъ рельефа характерными песками съ окаменѣлыми стволами деревьевъ (ивъ и тополей).

Новая — понтическая — трансгрессія покрыта песчанисто-известковыми осадками, б. ч. раковиннымъ (т. н. одесскимъ) известнякомъ, значительную площадь въ южной Россіи. Въ бассейнѣ Дона и вообще — Азовскаго моря

1) Открытіе этихъ отложеній мною еще не опубликовано.

одесскій известнякъ занимаетъ почти ту же самую площадь, что занимали и сарматскіе известняки, а мѣстами продвинулся еще на нѣсколько верстъ къ сѣверу. Слѣды береговой линіи понтическаго моря достигаютъ высоты 70—75 сажень надъ уровнемъ нынѣшняго черноморско-азовскаго морского бассейна и несутъ признаки небольшого поднятія. Морской періодъ продолжался недолго: море разбилось на нѣсколько плоскихъ мелководныхъ бассейновъ, причемъ уровень ихъ началъ быстро понижаться. Донъ, въ нижнимъ теченіи, произвелъ громадную работу, такъ какъ довольно легко прорѣзалъ нонтичскій известнякъ и дошелъ до подстилающихъ его рыхлыхъ песковъ и глинъ, вымывая которые изъ подъ известняка, быстро обрушивалъ правый берегъ долины. При устьѣ р. Цымлы (ниже его) ширина древней долины Дона, врѣзавшейся въ нонтичскій известнякъ, была не болѣе 15 верстъ, а ниже устьевъ системы рѣчки Кагальника, недалеко отъ Константиновской станицы, — достигала 40 верстъ, выдвигая здѣсь дельту въ довольно широкой проливъ, соединявшій въ началѣ постъ-пліоцена Азовское море съ Каспіемъ. Въ пліоценовую эпоху рѣки Европейской Россіи (равно и Сибири) покрывались уже льдомъ, и ледъ этотъ производилъ весною значительную разрушительную и созидательную работу, какъ то показывали въ своихъ работахъ И. Ф. Синцовъ, Н. А. Соколовъ и я — для названныхъ рѣкъ. Къ концу пліоценовой эпохи Донъ представлялъ уже значительную рѣку, не меньшую, чѣмъ нынѣ. Изъ притоковъ нижняго теченія онъ имѣлъ къ вѣку плейстоцена: Цымлу съ Россошью, Кумшакъ, Кагальникъ съ зачатками его притоковъ, Донецъ съ Быстрою и почти всѣми прочими сколько-нибудь значительными притоками, Мокрый Керчикъ и неполнѣ развитую систему р. Тузлова — справа, а слѣва: Есауловскій и Курмоярскій Аксай и Салъ, но былъ и еще одинъ исчезнувшій притокъ, стоявшій въ связи съ р. Саломъ.

Морской проливъ, соединявшій Азовское и Каспійское моря, проходилъ въ предѣлахъ бассейна современной Манычи

и имѣлъ въ самомъ узкомъ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ, въ районѣ Великокняжеской и Платовской станицъ, — 20 или 22 версты ширины.

Дальнѣйшая исторія Азовскаго моря и этого пролива изложена съ рѣдкой полнотой и достаточной мотивировкой Н. А. Соколовымъ въ нѣсколькихъ его работахъ изъ которыхъ укажу послѣднюю по времени и въ то же время наиболѣе популярно написанную: „Къ исторіи причерноморскихъ степей съ конца третичнаго періода“ (журн. „Почвовѣдѣніе“ 1904 № 3 и 4), — къ ней и слѣдуетъ обратиться ищущему подробностей. Я опускаю ихъ.

Уровень понто-каспійскаго морского бассейна въ первую половину послѣтретичнаго періода стоялъ, въ области Азовскаго моря, саженой на 12 выше современнаго.

Морской заливъ ироникалъ на сѣверо-востокъ почти до устьевъ Сала, гдѣ въ него открывался сначала Донецъ-Донской лиманъ. Восточный берегъ залива переходилъ въ сѣверный берегъ Манычскаго пролива.

Свидѣльство высокаго стоянія уровня моря можно видѣть и въ положеніи древняго русла Донца, обнаруженнаго въ береговыхъ разрѣзахъ его недалеко отъ мѣста выхода этой рѣки въ долину Дона. Здѣсь именно встрѣчены рѣчныя раковины *Corbicula fluminalis* и *Paludina diluviana*, характеризовавшія фауну прѣсныхъ водъ Россіи и Западной Европы въ интересующій насъ геологическій вѣкъ. Положеніе руселъ другихъ рѣкъ края явственно прослѣживается по стадіямъ постпліоценоваго размыванія третичныхъ морскихъ осадковъ 1). Это относится къ эпохѣ доледниковой и началу ледниковой, когда климатъ Евр. Россіи былъ очень влажнымъ и дольно мягкимъ, такъ что въ области низовьевъ Волги

1) Работами Н. А. Соколова и И. П. Хоменко доказано высокое по отношенію къ нынѣшнему уровню Азовскаго моря залеганіе прѣсноводныхъ осадковъ съ этой же фауной въ окрестн. г. Азова и Кагальника, мною же — и далѣе на востокъ, по р. Елбужду.

произрастала дикая виноградная лоза. Въ это время я полагаю остановку образованія дельтъ.

Когда же влажность климата, создавъ всё благопріятныя условія для накопленія снѣга, фирна и развитія ледниковъ на сѣверо-западѣ, быстро пошла на убыль, рѣки уменьшились, многія замерли въ степяхъ, превратившихся въ полупустыню¹⁾, уровень понто-каспійскаго бассейна началъ быстро понижаться.

Въ бассейнѣ Волги, закованномъ въ ледъ, установилась область высокаго давленія, Уралъ не получалъ прежняго количества осадковъ и пересталъ почти питать бассейнъ Волги, хотя немного раньше въ басс. Камы имѣлась прекрасная рѣчная сѣть.

Рѣки, стекавшія съ Донецкаго кряжа или Курскаго плато, однако, не измѣнили существенно своего режима, но быстрое пониженіе уровня моря выдвинуло на первый планъ работу углубленія русла, преобладавшую, по сравненію съ разработкой долинъ въ ширину.

Манычскій проливъ превратился въ цѣпь пересыхающихъ соленыхъ степныхъ озеръ; когда же, вслѣдъ за таяніемъ ледниковъ, влажность климата повысилась, получился стокъ изъ Манычи къ Дону, образовалось новое рѣчное русло.

Н. А. Соколовъ считаетъ, что уровень Чернаго моря понизился на 15—20 сажень ниже ур. океана. Естественно, что Азовское море, нынѣ не имѣющее даже такихъ глубинъ, могло превратиться въ болотистое пространство, по которому протекали низовья рѣкъ — Еи, Дона, Міуса, Калміуса и другихъ, изливаясь общимъ устьемъ — Керченскимъ проливомъ — въ Черное море. Долины этихъ рѣкъ были глубоки и довольно широки, и вотъ, когда образовался Константинопольскій проливъ и воды Средиземнаго моря хлынули въ черноморскую котловину, доводя уровень этого бассейна до

1) Въ журналѣ „Землевѣдѣніе“ за 1909 г. (изд. въ Москвѣ) напечатана большая работа Тутковскаго „Ископаемая пустыня“. Рекомендую интересующимся разсматриваемой эпохой.

уровня Средиземнаго моря, и далѣе, по какимъ-то причинамъ, нѣсколько выше, Азовское море вновь наполнилось соленой водою, которая проникла довольно далеко въ рѣчныя долины. Тогда эти долины превратились въ узкіе морскіе заливы, въ вершины которыхъ впадаютъ рѣки¹⁾.

Таково происхожденіе черноморскихъ и азовскихъ лимановъ. Конечно, изъ послѣднихъ грандіознѣйшимъ долженъ былъ сдѣлаться лиманъ Донской. Дѣйствительно, онъ проникъ на сѣверо-востокъ далеко — почти до устья Донца, а по соленымъ озерамъ и протокамъ въ ложбинѣ Манычи, эти воды проникли и въ арало-каспійскій бассейнъ. Едвали притокъ этихъ водъ могъ быть великъ, но нѣсколько средиземноморскихъ животныхъ съ ними попали въ Каспій и Араль. Въ то же время провикновеніе водъ Ледовитаго океана съ сѣвера въ треугольникъ между Ураломъ и Тиманомъ и между Тиманомъ и т. наз. Сѣверными Увалами повысило питаніе рѣчныхъ системъ западнаго склона Урала, что устроило дебетъ Волги, и тѣмъ подняло уровень Каспія, державшійся до той поры, пока сѣверный край (тундры) не освободился опять изъ подъ волнъ морскихъ.

Но вернемся къ Дону. Такъ какъ дважды морскіе заливы-лиمانы доходили до устьевъ Донца, а слѣдовательно, на пространствѣ, заключенномъ между низовьями Сала и Манычи теченіе значительно ослабѣвало, то отлагались тамъ лишь иловато-глинистые осадки, описанные мною въ специальной статьѣ въ 1902 году. Пески Донъ оставлялъ, почти полностью, недалеко отъ мѣста сліянія съ Донцомъ. О незначительныхъ скопленіяхъ ихъ дальше внизъ по теченію говорить не стоитъ.

Исторію развитія нынѣшней донской дельты нужно разсматривать съ момента соединенія Чернаго моря со Средиземнымъ, съ момента образованія азовскихъ лимановъ.

Донъ несетъ огромное количество мути, вода его всегда

1) Впослѣдствіи очень многіе изъ нихъ опрѣснились.

желтая, отъ большого содержанія глинистыхъ частицъ. Ни песка, ни камней — ниже устья Донца мы почти не находимъ. Относительно песка, впрочемъ, нужно еще замѣтить, что Донъ здѣсь лишь изрѣдка подходитъ къ высокимъ правымъ берегамъ, гдѣ бы могъ онъ вымывать и увлекать песокъ и камни, да и теченіе его въ лѣтнее время довольно медленное. Примѣръ накопленія песка ниже устьевъ Донца — острова и мели (перекаты) Багаевской станицы. Этотъ песокъ берется выше, между ст. Раздорской и Мелеховской и доставляется сюда рѣкой вскорѣ по окончаніи половодья.

Въ настоящее время въ г. Новочеркасскѣ и въ Ростовѣ на Дону собирается любопытный матеріалъ, который дастъ возможность судить о количествѣ несомой Дономъ въ разные мѣсяцы мути; такъ какъ оба города пользуются для своихъ водопроводовъ фильтрованной водой Дона, то количество это и учитывается. Когда въ 1906 году я принималъ участіе въ совѣщаніяхъ комиссіи по водоснабженію г. Новочеркаска, то я видѣлъ и эти данныя, хотя тогда же счелъ ихъ лишенными серьезнаго значенія, такъ какъ пробы воды для анализа брались недостаточно систематично и колебанія количества мути не подчинятъ какой-либо правильности.

Благодаря этому, названному матеріаломъ нельзя воспользоваться для расчетовъ скорости роста дельты. Кроме того, необходимо учитывать, что сухіе періоды не разъ смѣнялись періодами болѣе влажными, что лѣсъ въ бассейнѣ Дона то сокращалъ, то увеличивалъ свою площадь, въ борьбѣ со степью или при содѣйствіи челоуѣка¹⁾. Въ результатъ, мы имѣемъ возможность учитывать лишь быстроту явленій, совершавшихся на памяти исторіи челоуѣческой.

Г. Креднеръ, спеціально занимавшійся изученіемъ дельтъ и посвятившій имъ довольно большую монографію,

1) Даже Иосафатъ Барбаро, въ своемъ путешествіи, говоритъ о лѣсахъ въ низовьяхъ Дона, о каковыхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ не говоритъ ни одинъ документъ по исторіи донского казачества.

пришелъ къ заключенію, что благопріятствующими образованію и наростанію дельтъ обстоятельствами нужно считать: небольшую глубину моря у устья, отсутствіе (или ничтожность) приливовъ и отливовъ, отсутствіе въ данномъ мѣстѣ морского теченія, обиліе взвѣшенныхъ въ водѣ частицъ и отрицательное движеніе берега, или поднятіе, т. е. — отступаніе моря отъ прежнихъ береговъ. Дѣйствительно, послѣднее, какъ и прочія обстоятельства, въ Азовскомъ морѣ на-лицо.

Итакъ, дельта Дона начала развиваться только тогда, когда остановилась вода въ лиманѣ и, медленнымъ поднятіемъ уровня, подпрудила и замедлила самое теченіе нижней части Дона, благопріятствуя и ускоряя осажденіе мути и болѣе тяжелыхъ частицъ.

Лиманы выполняются не только дельтою, но и прямо мелѣютъ, ибо вѣтры, волнуя до дна неглубокія воды ихъ, помогаютъ илу равномернѣе распредѣлиться по всей площади, какъ, напримѣръ, въ Міусскомъ лиманѣ.

Въ лиманахъ есть очень слабыя теченія, слѣдовательно, мы можемъ предполагать таковое теченіе и въ древнемъ Донскомъ лиманѣ, но при слабости своей, оно не могло производить особенно разрушительнаго вліянія на правый берегъ лимана и вырабатывать подъ нимъ главное русло, по закону Бэра, чему препятствовали и иныя обстоятельства.

Какъ я уже сказалъ, правый берегъ долины Дона вообще высокъ, спускается къ поемному лугу или рѣкѣ довольно круто. На правомъ берегу Дона, къ востоку отъ устьевъ Донца, выступаютъ скалы каменноугольныхъ песчаниковъ. Пласты этихъ породъ, очень круто падающіе, простираются на сѣверо-западъ, образуя подводные гребни и пороги въ руслѣ Донца. Подобныя же скалы находимъ мы и по правую сторону отъ устьевъ Донца, гдѣ Донъ далеко отошелъ отъ горнаго берега. Намъ необходимо заняться обзоромъ береговъ Дона и вида его долины, почему я и начну непосредственно отсюда.

Отъ Старой Золотовской станицы Донъ не идетъ прямо

на западъ, какъ слѣдовало бы ожидать: слѣдомъ такого его теченія является озеро Камышеватое и рѣка Жегуля, самый же Донъ, принявъ Донецъ, отошелъ влѣво. Протоки Жегуля и Старый Донъ засыпаны песками съ галькой р. Донца, продолженіемъ же Донца является крутое колѣно — Новый Донъ.

У ст. Семикаракорской Донъ подходитъ къ обрывистому лѣвому берегу долины, методически обрушивая его. На памяти населенія онъ пробился, спрямляя русло, въ ерикъ Выстрикъ. Отмѣчу геологическій характеръ берега: на уровнѣ воды залегаютъ иловатая зеленоватая глины съ костями мамонтовъ (?), носороговъ, первобытныхъ быковъ и зубровъ (*Bos urus* J. Caesar = *primigenius* Воj. и *Bos priscaus* auct. = *latifrons* Harl.), гигантскихъ оленей и др., а выше — до 5 и болѣе саженой лессовиднаго суглинка съ костями момонта, быковъ, сайгака, лошадей и т. д. Здѣсь кладбище крупныхъ постплюценовыхъ травоядныхъ, угасшихъ формъ. Ежегодно Донъ вымываетъ скелеты, и часто можно видѣть черепъ первобытнаго быка на воротахъ или заборѣ база въ станицѣ, для охраны домашняго скота отъ дурного глаза или наговора, — „чтобъ вѣдьмы не шатались“, — и сильна вѣра въ мистическую защиту его останками угасшихъ предковъ.

Одинъ изъ донскихъ геологовъ всю жизнь свою задавался вопросомъ¹⁾, что представляетъ собой это кладбище? Мнѣ кажется вполне примѣнимымъ здѣсь извѣстное толкованіе Ч. Дарвина о массовой гибели въ пампасахъ у водопоевъ и при разливахъ. Вѣдь часть этихъ остатковъ приурочена нижней иловатой глинѣ, въ которой я уже нашелъ рѣсноводныя раковины (*Breissensia polymorpha* и др.), что является свидѣтельствомъ въ пользу лиманнаго происхожденія этой весьма распространенной породы, какъ отложенія періода перваго высокаго стоянія понто-каспійскаго морского

1) Ср. Сборникъ Донского Статистич. Комитета, вып. IV, стр. 52 (Новочеркасскъ 1904).

бассейна. За нимъ слѣдовала эпоха лесса и пониженія уровня. Въ полу-пустынной странѣ, когда сѣверо-восточные вѣтры сгоняли съ плоскаго дна лимана воду, вполне естественно было ожидать гибели многихъ увязшихъ въ илу животныхъ, стремившихся къ отступившей отъ твердаго берега водѣ. Очень многія животныя предъ смертью приходятъ на солончакъ или къ водопою, а здѣсь въ илу больше шансовъ на сохраненіе скелета, чѣмъ среди степи.

У ст. Семикаракорской въ Донъ впадаетъ р. Саль. Рѣка эта образовалась до эпохи отложенія лесса, но въ эту послѣднюю эпоху ея режимъ низвелся, вѣроятно, до степени ничтожнаго протока среди солонцеватыхъ котловинокъ и озерковъ, о чемъ свидѣлствуютъ отношенія межъ соленосными глинами, лессомъ и слоистыми суглинками¹⁾. Теперь Саль представляетъ очень постоянную рѣчку, съ удовлетворительнымъ дебетомъ воды во все лѣто, съ глубокими плесами. Берега его очень оживлены; на нихъ также сохранилось нѣсколько городищъ и др. слѣдовъ древняго населенія, болѣе или менѣе осмотрѣнныхъ мною. Выйдя въ долину Дона, Саль раздѣляется на два рукава — однимъ впадаетъ въ Донъ, а другой идетъ параллельно Дону, подъ именемъ рѣки Сусата. Саль стоитъ еще въ связи съ озерами-старичами.

Принявъ воды Сала, Донъ круто поворачиваетъ къ ст. Раздорской, къ высотамъ праваго берега своей долины. Это зависитъ едва ли отъ отклоненія его русла наносами Сала. Последніе — ничтожны.

Я вижу здѣсь подчиненіе закону Бэра, а въ водахъ Сала и его теченіи (прямо съ востока на западъ) нѣкоторую прибавочную силу, въ извѣстный геологическій моментъ рѣшительно преодолѣвшую инерцію теченія отклоненнаго влѣво Дона.

Самая петля, образуемая здѣсь русломъ, можетъ быть построена графически и, въ общихъ чертахъ, исключивъ меандры, почти совпадать съ имѣющей въ природѣ. Этотъ

1) Ср. мою статью въ Извѣстіяхъ Геологич. Комитета т. XXII.

пріемъ, хотя и ненадеженъ, но все же помогаетъ разобраться въ сѣти протоковъ разсматриваемаго мѣста, а безъ него происхожденіе сѣти этой совсѣмъ непонятно.

Но возвратимся къ правому берегу долины, къ западу отъ устьевъ р. Донца. У х. Ещеловскаго и Христовскаго (= Крестовскаго) выступаютъ твердые каменноугольные песчаники съ простираниемъ 080; Донецъ, конечно, не могъ особенно энергично разрушать ихъ. Тѣмъ не менѣе, по линіи этого простиранія, вплоть до х. Крымскаго, на протяженіи 8 или даже 10 верстъ мы находимъ крутизну склоновъ, а далѣе, отъ х. Винограднаго до Раздоръ, столь же крутой и высокій берегъ долины идетъ къ линіи простиранія каменноугольной складки почти подъ прямымъ угломъ. Теперь подъ горами проходитъ довольно живописный, но заглохшій Спорный-Донецъ, (или рч. Спорная), длиною (исключивъ мелкія извилины) до 30 верстъ.

Такъ такъ, по механическимъ условіямъ, Донецъ едва ли могъ здѣсь проходить, когда рѣки разрабатывали долину, я предлагаю другое допущеніе, а именно: первоначально Донъ шелъ по р. Жегуль, но съ образованіемъ на этомъ мѣстѣ лимана, и благодаря слабѣйшему сопротивленію водной среды, по инерціи, началъ обрабатывать правый же берегъ долины. Вихревыя движенія, отмѣченныя въ рѣкахъ проф. Г. В. Колосовымъ, направляли массы воды къ х. Крымскому, гдѣ работа ихъ ослабѣвала, вслѣдствіе замедленія теченія. Горныя породы у х. Христовскаго тверже, чѣмъ между хуторами Ещеловскимъ и Крымскимъ, и это обусловило сохраненіе выдающагося Христовскаго мыса, тогда какъ у х. Крымскаго, гдѣ берегъ слагается песками разныхъ типовъ, получился максимумъ эрозии. Тогда же въ мягкомъ днѣ лимана заработалось право русло или правый рукавъ подводной дельты. Когда же вершина лимана начала выполняться дельтой надводной, это правое русло у х. Крымскаго получило песчаный перекалъ (выносы балокъ Неточеевки и Савватѣевки) а у х. Христовскаго — выносъ Донца. Жегуля, проходящая по-

срединѣ между правымъ рукавомъ — Спорнымъ-Донцомъ и лѣвымъ — Дономъ, вѣроятно, была недолго главнымъ русломъ Дона; потомъ русло перемѣстилось немного лѣвѣе, къ югу, слѣдомъ чего является короткая хорда колѣна Дона у ст. Кочетовской, тоже носящая названіе Жегули. Донецъ засыпалъ и ее.

Событія эти относятся къ эпохѣ прониканія средиземноморской фауны въ Каспій, т. е. эпохѣ образованія и выполненія южно-русскихъ лимановъ морской водою. В. Неточеевка, кажется, образовалась позже отложенія лесса.

Къ ст. Семикаракорской Донъ подошелъ значительно позже образованія лесса и позже образованія лимановъ.

Отъ ст. Раздорской до ст. Мелеховской Донъ течетъ подъ горами праваго берега долины, подходя къ нимъ такъ близко, что мѣстами едва можно проѣхать экипажемъ. Длина этой части теченія, до отдѣленія Аксая, — 18 верстъ. Въ руслѣ рѣки встрѣчаются камни. Одни изъ нихъ — глыбы известняка, скатившіяся съ праваго берега, а у ст. Раздорской есть и песчаники.

Высота горнаго берега колеблется между 40 и 60 саженьями. Въ основаніи залегаетъ песокъ, а сверху — известнякъ. Такое залеганіе обуславливаетъ обвалы. Въ лугахъ долины система озеръ-старицъ, большею частью, параллельныхъ нынѣшнему Дону, и такой же параллельный ерикъ Песчаный. Ниже ст. Мелеховской впадаетъ въ Донъ рѣчка Мокрый Керчикъ, берущая начало въ системѣ возвышенностей Донецкаго кряжа (на водораздѣлѣ) и образовавшаяся до періода отложенія лесса, что доказывается многочисленными разрѣзами: въ нихъ видно, что лессовидные суглинки выполнили древніе овраги въ размытыхъ частію пластахъ пліоценовыхъ (понтическихъ) известняковъ. Вообще, известняки понтическаго яруса въ системѣ М. Керчика подвергались въ началѣ послѣтретичнаго періода весьма сильному разрушенію, какъ механическому, такъ и химическому (выщелочены и метаморфизованы). Въ настоящее время теченіе воды въ Керчикѣ не только ничтожно,

но и совсѣмъ прекращается въ сухое лѣто, хотя мѣстами выходятъ изъ подъ земли довольно богатые водою ключи. Однако, благодаря большой водосборной площади и значительному паденію русла, ливни въ разныхъ частяхъ его бассейна образуютъ мощные потоки, стремительно несущіе въ Донъ песокъ и глину. Результатомъ этого является такъ называемый „коническій“ наносъ, перекатъ къ Дону, запершій правый рукавъ Дона, вѣроятно, еще до полного осушенія и выстуианія изъ подъ воды прилегающей части бывшего лимана. Когда Донъ, разливаясь по долинѣ, вступая, по выраженію Борисяка, въ права первобытной рѣки, возсоздаетъ предъ нами картину древняго лимана, — тогда нужно бы изслѣдовать условія образованія мели при устьѣ Керчика для выясненія времени ея окончательнаго сформированія.

Однажды, послѣ июльскаго ливня, я попалъ въ балку близъ Мелеховской станицы. Дно ея состояло, повидимому, изъ мокраго песка, а такъ какъ я по опыту зналъ, что ходить по такому песку легко и даже пріятно, я спустился на дно. Оказалось, что оно было занято подвижной песчано-глинистой массой, напитанной водою, не способной сдержатъ даже вороны, и я едва выбрался изъ нея, погрузившись почти по поясъ. Масса эта медленно ползла по балкѣ къ долинѣ Дона.

Встрѣтивъ коническій выносъ М. Керчика, Донъ поворачиваетъ довольно круто и течетъ какъ разъ посрединѣ между правымъ и лѣвымъ берегами долины своей, къ которымъ отдѣляетъ ерики — притоки слѣдующихъ крутизнамъ этихъ береговъ рѣчекъ Аксая и Сусата (Подпольной). Ширина долины отъ 15 верстъ. По мягкимъ осадкамъ долины Донъ онисываетъ довольно правильную траекторію, возвращаясь вновь къ правому берегу долины у ст. Аксайской. Пройдя отъ мѣста отдѣленія р. Аксая 32 или 33 версты, Донъ принимаетъ слѣва значительный притокъ — Манычъ. У ст. Багаевской Донъ течетъ параллельно лѣвому берегу своей долины, въ разстояніи 7—8 верстъ отъ него, а близъ этого берега — р. Сусать, вытекающая изъ Сала и

впадающая въ Манычь въ 12 верстахъ отъ устья (по прямой линіи), подъ именемъ р. Подпольной. Весьма крутые обрывы лѣваго берега долины имѣютъ совсѣмъ то же строеніе, какъ и у ст. Семикаракорской.

Р. Манычь, соленая большую часть лѣта, протекаетъ черезъ рядъ озеръ, называемыхъ лиманами. Правый берегъ долины ея почти всюду обрывисто-крутой, а лѣвый — низменный и отлогій, покрытый солонцами.

Вѣроятно, что р. Сусать — Подпольная представляетъ остатки весьма древняго русла Дона, не выполненнаго весенею мутью по двумъ причинамъ: 1) относительной глубинѣ его, и — 2) ежегодному стоку части водъ не только Сала, но даже, до извѣстной степени, и Дона, черезъ озера и ерики, въ первый мѣсяцъ по спаденіи водъ разлива. Слѣды перемѣщенія русла, въ видѣ ериковъ, плохо сохранились, и когда Донъ значительно уже перемѣстился вправо, расширивъ въ ту сторону свою долину, и образовался впоследствии лиманъ, то слѣды эти значительно сгладились и продолжаютъ сглаживаться каждымъ половодьемъ. На мѣстѣ западной оконечности Манычскаго морскаго пролива осталось до 25 значительныхъ озеръ.

Прослѣдимъ теперъ теченіе рѣчки Аксая. На протяженіи 12 верстъ (исключая мелкія извилины) отъ ст. Мелеховской до Бесергеновской этотъ правый протокъ Дона слѣдуетъ закону Бѣра и идетъ довольно прямымъ русломъ у подошвы высокаго праваго берега долины, слагаемаго, главнѣйше, понтическими известковистыми песчанниками и меотическими песками. Верхній горизонтъ — одесскій известнякъ. Но далѣе внизъ отъ станицы Заплавской, Аксай уходитъ въ средину займища, образуя многочисленныя котѣна. Въ этомъ сказалось вліяніе р. Тузлова.

Происхожденіе р. Тузлова нужно относить если не къ концу пліоцена, то, во всякомъ случаѣ, къ плейстоцену, но едва ли можно допускать значительную тогда мощность его системы. Среднее и нижнее теченіе его имѣютъ узкую глубокую долину, врѣзавшуюся въ понтическіе и сарматскіе из-

вестняки. Разработка долины въ ширину 1) не успѣла совершиться, а 2) требующій разработки долины въ ширину законъ Бэра можетъ имѣть къ Тузлову лишь ограниченное примѣненіе, ибо теченіе рассматриваемой рѣки имѣетъ широтное направленіе, да къ тому же — какъ разъ по направленію движенія самой земли 1).

Въ виду г. Новочеркаска Тузловъ принимаетъ притоки: Грушевку, Сухую и Мокрую Кадамовку; здѣсь долина его весьма расширена, лѣвые берега отлоги. Вѣроятно, что эта часть долины хотя бы короткое время, но была занята лиманомъ — „отножиной“ Донского лимана.

Тузловъ, довольно богатый водой въ среднемъ теченіи, около Новочеркаска почти пересыхаетъ, точнѣе — уходитъ въ рыхлый наносъ. Высокая степь къ западу отъ ст. Бесергеновской довольно отлого спускается къ долинь Аксай и Тузлова, сливающихся въ предѣлахъ станицы Кривянской. Ясно, что въ указанномъ мѣстѣ произведена огромная работа смыванія, и весь смытый матеріалъ заполнилъ крайніе правые притоки. Самая ст. Кривянская стоитъ на небольшой террассѣ, слагаемой перемытыми степными суглинками, бураго цвѣта. Аксай — правый рукавъ бывшей дельты, а ранѣе — правый подводный фарватеръ лимана, образовавшійся въ періодъ формированія долины, въ эпоху наибольшаго пониженія уровня Понта, въ эпоху отложенія лесса и по окончаніи ея, когда выносы изъ Мокраго Керчика и со степи у Заплавской станицы не отклонили еще струи Дона отъ фарватера Аксай — ерикъ Сухой Аксай — Грачевникъ — Аксай, т. е. ранѣе періода выполненія долины. Я не утверждаю, что главный фарватеръ лимана сперва былъ именно въ этой полосѣ, но такъ — наиболѣе правдоподобно. Теперь Аксай отъ Новочеркаска до впаденія въ Донъ поддерживается, главнѣйше, водами Тузлова и многочисленныхъ ключей, выходящихъ изъ

1) Верхнее теченіе Тузлова съ направленіемъ SO, равно какъ и лѣвые его притоки вполнѣ подчиняются, въ выработкѣ долины, закону Бэра.

нижнихъ горизонтовъ склоновъ праваго берега долины (т. наз. „Аксайскихъ горъ“). Недалеко отъ устья, Аксай отклоняется отъ этого берега выносами древней балки Большого Лога, начало которой я полагаю въ меотическомъ вѣкѣ, а развитіе современной формы въ плейстоценѣ¹⁾. Эта балка имѣетъ мощные ключи изъ двухъ горизонтовъ, они-то и поддерживали прежде теченіе. Впрочемъ, расширенное низовье Аксая съ заливомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Большого Затона, я рассматриваю какъ старинное русло Дона, слѣды котораго могутъ быть найдены и выше по ерику Василёву и нѣкоторымъ озерамъ. Запруда у Большого Лога, при нахожденіи конца дельты на линіи Бол. Логъ — хут. Старо-Махинскій, обратило главную массу водъ въ средней рукавъ (нынѣшній Донъ). Лѣвый рукавъ дельты — лиманъ Большой, отходящій отъ Старочеркаска къ х. Старо-Махину, при выступаніи дельты, уперся въ берегъ древняго Донского лимана, принужденъ былъ повернуть вправо, и потерявъ живую силу, подвергся заболочиванію (заиливанію) въ гирлѣ своемъ.

При ширинѣ долины Дона въ полосѣ Новочеркасскъ — Манычская станица болѣе 20 верстъ, все пространство между Аксаемъ и Дономъ представляетъ заливаемое займище, прорѣзанное невѣроятно сложной сѣтью сливающихся и бифурцирующихъ протоковъ, ериковъ, музгъ, а въ петляхъ этой сѣти раскиданы причудливой формы озера. Этотъ лабиринтъ водъ, порой — съ парадоксальнымъ теченіемъ, еще ждетъ изслѣдователя своего.

Особенная сложность извилинъ зависитъ отъ особыхъ условій роста дельты въ лиманѣ, имѣвшемъ сообщеніе съ Манычской долиной, неизвѣстно какое вліяніе оказывавшей, а равно и тѣмъ, что немного ниже этого мѣста долина (resp. Донской лиманъ) очень суживалась на линіи ст. Аксайская — ст. Ольгинская (до 8 верстъ).

Отъ ст. Аксайской Донъ идетъ до ст. Гниловской (слив-

1) Эрозія сарматскихъ известняковъ.

шейся съ г. Ростовомъ на Дону, къ западу отъ города) — подъ высотами праваго берега, а ближе къ отлогому берегу, лѣвому, — проходитъ, параллельно ему (верстахъ въ 4—5), рѣчка Койсугъ, древнее русло Дона, нѣсколько сходное съ Сусатомъ — Подпольной.

Лѣвый берегъ долины покатый, переходящій въ высокую задонскую степь, слагается послѣтретичными (главнѣйше — плейстоценовыми) песчано-суглинистыми образованиями и лесовидными суглинками болѣе поздняго вѣка. Это — махинско-батайско-азовскія высоты. У ст. Гниловской Донъ раздѣляется на лѣвый рукавъ — Донъ *sensu stricto* и Мертвый Донецъ. Выносы р. Темерника весьма хорошо замѣтны въ руслѣ Дона¹⁾ Они нѣсколько тысячелѣтій назадъ заградили входъ въ правый рукавъ. При своемъ движеніи вправо, Донъ перемѣщался такъ, что оставилъ Песчаную Протоку и Старый Донъ (противъ г. Нахичевани), оз. Старо-Донское оз. Темерницкое и еще одно, и передвигаясь параллельно самъ себѣ къ сѣверу, расширилъ, углубилъ и занялъ, бывшую восточную оконечность русла Мертваго Донца, и теперь полосу за полосой обрѣзываетъ съ юга небольшой трехугольный островъ, лежащій межъ расходящимися руслами его, Мертваго Донца и ерикомъ Кумженскимъ.

Обмеленію Мертваго Донца сильно способствуетъ геологическое строеніе его праваго берега, который слагается песками и песчаниками мѣотическаго яруса на большомъ протяженіи, а эти пески засоряютъ рѣку. Рѣка Мокрый Чхалтырь, въ концѣ пліоцена и въ плейстоценѣ весьма значительная (галечники), тоже не осталась безъ вліянія, что же касается балокъ Морского и Донского Чулековъ, то онѣ окончательно сформировались недавно²⁾, и выносы ихъ невелики.

1) Время образованія Темерника, вѣроятно, не раньше плейстоцена.

2) Опредѣленіе возраста ихъ можно сдѣлать очень точно, благодаря находженію тамъ различныхъ песковъ, равно какъ въ окр. Азова — горизонта съ *Paludina diluviana*.

Теперь разсмотримъ самый процессъ нарастанія дельты Дона, хорошо уясняемый при изученіи донскихъ гирлъ. Самое опредѣленіе термина „гирло“ было неяснымъ, неяснымъ остается зачастую и въ настоящее время. Но у Н. Я. Данилевскаго¹⁾ мы найдемъ очень удачную формулировку, сопровождаемую цѣннымъ описаніемъ: „гирлами же называютъ и часть моря, составляющую, такъ сказать, подводное продолженіе дельты . . . тамъ, гдѣ фарватеры или русла ограничиваются уже не низменными берегами дельты, а подводными мелями, ихъ раздѣляющими“ . . . Часто включаютъ (Бѣляевскій и др.) въ районъ (полосу) гирлъ и самыя устья протоковъ. Это правильно, ибо низменные острова межъ ними, либо части острововъ, заливаются при ничтожномъ измѣненіи уровня воды въ рѣкѣ или на взморьѣ. „Весь Таганрогскій заливъ“, говоритъ тотъ же авторъ (*ibidem*, 28): „есть мель, по которой пролегаютъ сначала нѣсколько, а затѣмъ одинъ только болѣе глубокой фарватеръ.“ „Все это пространство (до Бѣлосарайской и Долгой косъ), которое можетъ быть причислено къ подводной дельтѣ Дона, заключаетъ въ себѣ около 80 кв. миль“. (Сравните также *op. cit.* стр. 97). Я просто сокращаю текстъ Данилевскаго, оставляя важнѣйшія замѣчанія.

Теченіе рукавовъ продолжается и послѣ входа ихъ въ море, гдѣ они текутъ какъ бы въ водяныхъ же берегахъ; ослабѣвая по сторонамъ, они осаждаютъ тутъ несомый и катимый песокъ. Такимъ способомъ образуются здѣсь т. наз. бугры, т. е. подводныя мели, отдѣляющія гирло отъ гирла. Эти бугры обозначены растущею на нихъ травой — кучи-ромъ (*Potamogeton*, кажется, *lucens* или *crispum*). Плоскодонная лодка проплывала надъ этими мелями. Еслибъ снять эти покрытыя потамогетонами части моря на карту, то мы получили бы совершенно точное изображеніе подводной

1) Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. т. II. 1869 года. Стр. 135.

дельты Дона, не прибѣгая къ промѣрамъ, или, что то же самое, — изображеніе надводной Донской дельты въ томъ видѣ, который она будетъ имѣть черезъ нѣсколько десятковъ или даже черезъ сотню лѣтъ. Переходъ отъ этихъ отмелей къ твердому берегу совершенно постепенный, характеризуемый различной растительностью, соотвѣтственно степени возвышенія и осушенія почвы. Именно, за потамогетонами слѣдуетъ куга (*Scirpus palustris* и высокіе *Juncus*), корни и нижняя часть стебля которыхъ еще въ водѣ, хотя поросшее ими пространство и кажется издали уже частью материка (ближе къ морю замѣчается еще присутствіе и даже преобладаніе *Potamogeton*). За кугою, внутрь берега, слѣдуетъ чаканъ (породы *Typha*) и наконецъ тростникъ — *Phragmites communis*. Подъ тростникомъ почва возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды въ рукавахъ уже на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ аршина; состоитъ она изъ песку съ прослойками ила При дальнѣйшемъ возвышеніи почвы и удлиненія рукавовъ, тростникъ уступаетъ мѣсто другимъ травамъ. Образуются превосходные заливные луга. Весенніе разливы мало повышаютъ острова дельты, ибо часть ея ниже Елисаветовской станицы почти не покрывается водой разливовъ, но низовые вѣтры гонятъ изъ моря навстрѣчу донской — очень мутную воду изъ моря, низкіе острова затопляются, даже Елисаветовская станица постоянно страдаетъ отъ этихъ впезапныхъ подъемовъ. Часто нанесенныя массы осадковъ пригибаютъ, придавливаютъ къ землѣ камышъ, а листья потамогетоновъ всегда покрыты корочкой ила. Далѣе Данилевскій, по собраннымъ свѣдѣніямъ, даетъ быстроту роста дельты около 2 версты въ 40 лѣтъ (стр. 177), но не придаетъ особаго значенія и не считаетъ этой цыфры универсальной.

Такъ же говоритъ о гирлахъ и Борисякъ (ор. cit. стр. 281—284). На стр. 302—303 и 295 онъ же говоритъ о невозможности оперировать имѣющимися у насъ нынѣ цыфрами для вычисленія скорости роста и точнаго возраста дельты, хотя желательнo поставить опыты и попробовать опредѣлить послѣдній.

Азовскіе моряки постоянно жаловались на мелководье моря. Правительство издало рядъ обязательныхъ постановленій касательно пользованія балластомъ и въ то же время, въ 1860 году, образовало особую комиссію изъ академиковъ: геологовъ (К. Э. ф. Бэра и Г. П. Гельмерсена), филологовъ, историковъ, археологовъ (А. Куника, Л. Стефани) метеорологовъ (Э. Ленца и К. Веселовскаго), равно и Географическое Общество организовало свою комиссію, въ которой П. П. Семеновъ, новидимому, обсуждалъ вопросъ съ геологической точки зрѣнія¹⁾. Обѣ комиссіи принли къ заключенію, что сколько-нибудь замѣтнаго обмеленія Азовскаго моря за историческое время не произошло, но что дельта донская, хотя и очень медленно, все же завоевываетъ Таганрогскій заливъ, и при этомъ необходимо отмѣтить частое перемѣщеніе подводныхъ банокъ, мелей, равно и фарватеровъ.

Важно отмѣтить первую разработку акад. Гельмерсеномъ²⁾ данныхъ Страбона, критику Полибія и Птолемея, а также Плинія. Онъ исходитъ изъ воззрѣнія на Недвиговское городище при Мертвомъ Донцѣ, какъ на г. Танаисъ I, стоявшій при морѣ, на берегу устья Дона; другое же устье донской дельты, южное, находилось тамъ, гдѣ теперь раздѣляются Донъ и Каланча, или что собственно Дона еще не было, а Каланча представляла южное устье Дона. Въ этомъ случаѣ данное Страбономъ разстояніе въ 60 стадіевъ между устьями соответствуетъ. Въ такомъ случаѣ, мы имѣли бы быстроту роста дельты 38 стадіевъ въ 1900 лѣтъ, или 11 футовъ въ годъ. Если же предположить, что древній Танаисъ былъ на мѣстѣ Азова, то скорость эта опредѣлится въ 22 фута въ годъ. Точность свидѣтельства Страбона гарантировалась указаніями (неясными?), что знаменитый географъ древности родился на Понтѣ, и слѣдовательно, долженъ быть хорошо знакомъ съ его частями.

1) Я пользовался текстомъ отчета комиссіи академиковъ, въ приложеніи № 5 къ Морскому Сборнику за 1861 г.

2) Записки Имп. Русск. Географ. Общ. т. II, стр. 193—195.

Но болѣ цѣнными матеріалами располагаетъ баронъ Майдель¹⁾, использовавшій всѣ накопившіяся къ его времени матеріалы (карты, замѣтки, рапорты и т. иод.), а главное — критически отнесшійся къ категорическому заявленію Бѣляевскаго²⁾, констатировавшаго быстрое засореніе фарватеровъ и ростъ косъ. Такъ, на примѣръ, Петрушина коса за 18 лѣтъ удлинилась на 2 версты. Бар. Майдель говоритъ (157—159), что главный фарватеръ немного переѣстился и получилъ другіе изгибы, при этомъ нѣсколько углубился, хотя послѣднее можно отнести и на счетъ разницы въ высотѣ стоянія ур. моря въ годы промѣровъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя говорить объ обмеленіи.

Прилагаемая карта иллюстрируетъ вовсе не переѣщеніе фарватера, а то, что карта изобатъ 1851 года была составлена слишкомъ схематично, на основаніи недостаточнаго числа промѣровъ. Впрочемъ, для нѣсколькихъ пунктовъ она даетъ опредѣленные указанія въ пользу взгляда Майделя и комиссіи академиковъ. Первый разсматриваетъ Таганрогскій заливъ именно какъ Донской лиманъ, въ которомъ можно прослѣдить измѣнчивой силы теченіе, которое должно измѣнять фарватеръ.

Комиссія пересмотрѣла данныя историческія — о флотѣ Петра Великаго. Но вѣдь осадку петровыхъ кораблей мы не знаемъ. Извѣстно лишь, что строились они для пропуска Дономъ, хотя бы и въ половодье³⁾. Но мы знаемъ также, что 20 мая 1696 г., послѣ сильнаго и упорнаго верхового вѣтра (N. O.) Каланча и Кутерма сдѣлались такъ мелки, что галеры Петра В. не могли выйти въ море для встрѣчи турецкаго флота, и послѣ ночного боя, когда казачьи лодки, занявшія гирла, частью уничтожили, частью разсѣяли турецкія суда, самъ царь на стругахъ и буларахъ вышелъ вслѣдъ за

1) Морской Сборникъ 1884. № 5.

2) Донскія Гирла. Одесса 1872.

3) 1696 г. 15 мая Петръ пріѣхалъ въ Черкасскъ на яхтѣ Principium.

казаками въ море. Только къ 26-ому низовый вѣтеръ поднялъ воду, и 27 Петръ вывелъ Каланчей и Кутермой 22 галеры.

Въ настоящее время гирла эти углубляются машинами, доставляя цѣнный геологическій матеріалъ.

Какъ уже описалъ Д а н и л е в с к і й, гирла заняты зарослями камышей и другихъ растеній. Фильтрующаяся сквозь нихъ мутная вода Дона оставляетъ огромное количество ила, глины и мелкаго песка, повышая грунтъ между ними.

Въ разстояніи 12 верстъ отъ мѣста раздѣленія подъ г. Ростовомъ Донъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу. Здѣсь лежитъ островъ Казачій. Продолженіемъ первоначальнаго русла нужно считать заболоченный ерикъ Казачій, проходящій сѣвернѣе станицы Елисаветовской. Длина его 2 версты, и онъ представляетъ какъ бы хорду дуги, выгнутой къ югу и составляемой Дономъ и отходящимъ вправо судоходнымъ рукавомъ Мокрою Каланчею. Можно полагать, что Донъ сначала имѣлъ направленіе именно это, прямое, и что невыясненное обмеленіе и закупорка протока ер. Казачьяго заставила Донъ прорваться къ древнему руслу у лѣваго берега долины, слѣды котораго сохранились и восточнѣе. Еще раньше главный фарватеръ дельты Дона имѣлъ еще болѣе прямое направленіе, а именно отъ перваго колѣна, въ 6 верстахъ отъ мѣста отдѣленія М. Донца, главная масса воды не поворачивала, какъ нынѣ, подъ прямымъ угломъ на югъ, а неслась на западъ, по заглохшему нынѣ ерику Дугину, впадающему также прямо въ Мор. Каланчу, ниже ер. Казачьяго.

Если засореніе и смерть ер. Казачьяго можно приписать закупоркѣ островомъ, то для обмеленія и заболачиванія ерика Дугина я могу признать причиной лишь заростаніе его камышами со стороны главнаго (большаго) острова дельты. Это заростаніе и могло явиться первымъ толчкомъ къ началу обмеленія.

Въ настоящее время, разглядывая современныя гирла, можно видѣть постоянную дихотомію руселъ. Въ гирлѣ, если оно не глубоко, закладывается островокъ, русло дѣлится и

обходить его съ двухъ сторонъ. Когда удлинятся крайній правый и крайній лѣвый берега, островокъ оказывается включеннымъ между двумя рукавами рѣки; имѣются два гирла, въ каждомъ происходитъ почти то же самое; острова тоже растутъ, наконецъ развѣтвленія протоковъ (правыя развѣтвленія лѣвыхъ и лѣвыя — правыхъ) встрѣчаются, сливаются одно съ другимъ. При этомъ болѣе сильное можетъ закупорить наносами устья слабѣйшихъ развѣтвленій, воды послѣдняго легко обращаются въ отходящій выше свободный рукавъ, и этотъ слабѣйшій протокъ заглохнетъ. Множество примѣровъ этого рода даетъ намъ дельта Дона (ерики: Узьякъ, Черепаха, Запертой, Бубновъ, Рѣпковъ, Лагутникъ).

Слѣдомъ древняго русла Дона у лѣваго берега долины и лѣваго фарватера бывшаго Донскаго лимана являются рѣчка Койсугъ, впадающая въ Донъ въ 6 верстахъ ниже отдѣленія М. Донца. Койсугъ — Дугинъ — М. Каланча представляютъ наиболѣе прямой, но нынѣ прерывистый фарватеръ дельты. Подъ крутыми склонами высокаго лѣваго берега у Азова сохранился болотистый слѣпой рукавъ — р. Азовка.

На пространствѣ отъ сел. Койсуга (и Батайска) и Донъ и Койсугъ отдѣлены отъ высотъ лѣваго берега низменной солонцеватой луговой полосой 12 верстъ длины и до 5 верстъ ширины. Равно и къ западу отъ Азова, до моря, Донъ проходитъ вдали отъ высотъ, а по плоскому лугу проходятъ заглохшія русла Узьяка и Черепахи. При выходѣ въ море главное русло Дона отдѣляетъ ерикъ Проѣздной вправо (съ 3 гирлами), гирла Мериново вправо, гирло Лебяжье — влѣво, равно влѣво: гирла Песчаное, Бирючье, Кривое, Свиное, дѣлящееся на Каменное и Кагальницкое. Мокрая Каланча, въ 11 верстахъ отъ мѣста отдѣленія, сама дѣлится на Большую Кутерму съ 12 гирлами (вправо), черезъ двѣ версты, тоже вправо, отдѣляетъ Старую Егурчу, сливающуюся при морѣ съ крайнимъ лѣвымъ гирломъ Б. Кутермы (островъ), а сама М. Каланча идетъ влѣво, образуя 6 гирлъ.

Мертвый Донецъ при Недвиговкѣ отдѣляетъ нѣсколько протоковъ съ 6 гирлами; справа онъ принимаетъ нѣсколько притоковъ съ горъ, откуда также сбѣгаютъ въ него богатые водою ключи. Отъ устья р. Мокраго Чхалтыра немного (1—2 версты) къ востоку, на лѣвомъ берегу М. Донца начинается цѣпь южнаго типа болотъ, дающихъ начало ерику Лагутнику, впадающему въ море между гирлами М. Донца и Большой Кутермы. Впрочемъ, еще выше устья, Лагутникъ принимаетъ справа протокъ изъ М. Донца, а слѣва — изъ Кутермы, а въ морѣ самъ образуетъ нѣсколько гирлъ. Гирла его почти заперты островами, теченіе Лагутника слабое, заросъ онъ сильно, и ему предстоитъ очень скоро сдѣлаться длиннымъ озеромъ-старицей, подобнымъ сосѣднему лиману Средину. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ когда-то крайнимъ лѣвымъ рукавомъ и гирломъ М. Донца, но отдѣленъ отъ него заростаніемъ съ восточнаго конца, при недостаточномъ промываніи.

Отъ чисто-геологической картины перейдемъ къ археологїи нашего края.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ каменный вѣкъ человѣкъ уже появлялся на берегахъ Дона. Въ нашей области были сдѣланы кое-какія находки, относящіяся къ палеолитической эпохѣ, но кто былъ этотъ человѣкъ въ расовомъ отношеніи, былъ ли онъ бродячимъ охотникомъ или осѣдлымъ рыболовомъ, затруднительно выяснить.

Въ балкѣ Кобяковой, образовавшейся раньше отложенія лесса, кремневая орудія найдены въ слояхъ съ зубами носорога, но эта находка даетъ слишкомъ мало.

На песчаныхъ дюнахъ низовьевъ Донца, между станциями Усть-Быстрянской и Нижне-Кундрюческой были стоянки человѣка неолитической эпохи. Опуская обзоръ столь отдаленныхъ эпохъ, я перейду прямо къ исторіи поселеній народовъ, представлявшихъ политическую единицу, у которыхъ была потребность въ торговыхъ сношеніяхъ въ какой бы то ни было формѣ, — для того, чтобы показать, что жизнь рѣки

вызывала къ жизни культуры, а смерть ея вела къ почти неизбѣжной гибели ихъ. Уже Л. Мечниковъ въ своей замѣчательной (по неоконченной) книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки“¹⁾ намѣтилъ программу подобныхъ изслѣдованій.

Я и не пытаюсь разработать вопросъ по ней, но желаю намѣтить лишь, что можетъ сдѣлать на Дону любящій свое дѣло археологъ.

Такъ какъ первое тысячелѣтіе исторіи Дона тѣсно связано съ греческими колоніями, то я позволю себѣ подробнѣе остановиться на исторіи Танаиса.

Эта греческая колонія, выдвинутая далеко на сѣверо-востокъ, глубже всѣхъ прочихъ колоній, въ варварскія страны, во времена Геродота не считалась уже новымъ городомъ и имѣла значеніе въ торговлѣ Греціи по вывозу рабовъ, рыбы и хлѣба. Ввозились греческія издѣлія, въ томъ числѣ — посуда. Раскопки А. А. Миллера въ 1908 г. доказали съ несомнѣнностью, что этотъ древнѣйшій Танаисъ находился близъ нынѣшней Елисаветовской станицы, какъ о томъ догадывался проф. Леонтьевъ и утверждали донскіе археологи, съ Х. И. Поповымъ во главѣ. Предметы (черно-лаковые сосуды, металлическія издѣлія, амфоры и пр.²⁾), относящіеся къ IV—II вѣкамъ до Р. Хр., проливаютъ свѣтъ на культуру и отношенія населенія города къ метрополи. Въ немъ жили богатые варвары и большое число греческихъ купцовъ, частію сносившихся съ Греціей, а большею частью — лишь съ Пантикапеей (Керчью), выходцами изъ которой Танаисъ и былъ основанъ. Городъ находился на удлиннномъ невысокомъ, но

1) Русскій переводъ книги „La civilisation et les grands fleuves historiques“ Paris 1890.

2) С и и ц ы н ѣ считаетъ черно-лаковые сосуды находокъ Ушакова принадлежащими VI вѣку. Золотыя ножны, фигурки кабана и пр. — варварскаго стиля. Опредѣленіе VI в. можетъ быть не вполне точнымъ, ибо даже нѣкоторые полагаютъ, что самая Пантикапее основана въ 511 году. Едвали столь древніе сосуды попадали въ Танаисъ въ V—II вв.

не заливаемомъ въ половодье островѣ, иловато-песчаномъ, окруженномъ водой съ сѣвера — рукавомъ Дона, проходившимъ по ерику Дугину (теперь — камышевое болото), съ востока и юга — Дономъ и (полузаглохшимъ нынѣ) ерикомъ Казачьимъ, а съ запада, быть можетъ, прилегало уже море, или же — р. Каланча.

Нынѣ къ югу отъ этого острова — Елисаветовская стан., также на островѣ. Городище все изрыто кладоискателями почти за двѣ тысячи лѣтъ. На окраинѣ его курганный некрополь; можно установить мѣсто акрополя, хорошо прослѣживается часть валовъ. Мое глубокое убѣжденіе, — что ерикъ Дугинъ былъ судоходенъ въ V—I вѣкахъ до Р. Хр. Въ 114 или 115 г. до Р. Хр. Танаисъ призналъ надъ собою власть Митридата Эвпатора Понтійскаго. Разбитый римлянами, покинутый союзниками, и имѣя противъ себя возставшаго собственнаго сына Фарнака, Митридатъ пытался отравиться и наконецъ велѣлъ себя убить въ 64 г. Междоусобія и борьба за царство между потомками Митридата и полководцемъ Асандромъ, женатымъ на внучкѣ Митридата Динамѣ (или Динамисъ?), съ 64 по 47 годъ, дали возможность Танаису сдѣлаться вольнымъ торговымъ городомъ. Асандръ овладѣлъ, однако, и берегами Азовскаго моря до Танаиса. Неизвѣстно, подчинилъ ли онъ себѣ этотъ городъ. Но незадолго до смерти его, (около 16—15 года), появился самозванецъ-внукъ Митридата, противъ котораго былъ посланъ римскій чиновникъ, намѣстникъ царства Понтійскаго съ 36 года, Полемонъ, сынъ лаодикейскаго ритора, съ полководцемъ Маркомъ Агриппой. Полемонъ овладѣлъ Босфоромъ Киммерійскимъ и женился на вдовствующей Динамѣ (Динамисъ), причемъ получилъ отъ Августа управленіе Босфоромъ, въ 14 году. Немедленно онъ потребовалъ подчиненія и Танаиса, но, встрѣтивъ отказъ и сопротивленіе, взялъ городъ и разрушилъ его до основанія.

Теперь за свѣдѣніями о г. Танаисѣ обращаюсь къ Страбону (*editio Tauchnitiana*) и комментированному французскому

переводу его¹⁾, книга XI гл. II. „Мы знаемъ только устья Танаиса. Ихъ два, и впадаютъ они въ самый сѣверный конецъ Меотиды (Азовскаго моря), въ разстояніи 60 стадіевъ одно отъ другого. Что же касается рѣки выше устьевъ, то о немъ мало извѣстно намъ по причинѣ холоднаго (суроваго) климата и бездорожья страны, выносимыхъ, несомнѣнно, только туземцами, которые ведутъ кочевой образъ жизни, питаются мясомъ и молокомъ, а иностранцы не могутъ вынести ихъ.

А если бы даже не помѣшали эти обстоятельства, то номады, не желающіе сближенія съ иноплеменными, многочисленными, несходными образомъ жизни, преградили бы всякую дорогу на сухомъ пути, равно и тѣмъ, кого замѣтятъ плывущими вверхъ по рѣкѣ.

. . . . На берегу Танаиса и Меотиды былъ населенный городъ, соименный рѣкѣ, который былъ построенъ греками, владѣвшими Босфоромъ, но въ послѣднее время царь Полемонъ, раздраженный его возстаніемъ, разрушилъ городъ. Онъ служилъ рынкомъ, съ одной стороны, для номадовъ Европы и Азіи, съ другой — для негоціантовъ, которые чрезъ Босфоръ входили въ Меотиду и ѣхали къ Танаису получать рабовъ, мѣха и иные товары отъ варваровъ, въ обмѣнъ на ткани, вино и разныя вещи, какія можно добыть лишь въ цивилизованныхъ странахъ.

Впереди этого порта въ 100 стадіяхъ находится островъ Алопекіа, обитаемый людьми разныхъ племенъ, а поблизости есть въ морѣ другіе островки“.

Если держаться строго указашій Страбона, мы впадаемъ въ рядъ противорѣчій, объяснимыхъ, впрочемъ, съ геологической точки зрѣнія, но здѣсь мы должны оперировать и рѣшать задачу со многими неизвѣстными.

Во первыхъ: въ которомъ году²⁾ написана XI часть

1) Géographie de Strabon. IV. Paris 1814. За отсутствіемъ у меня русскаго перевода Ѡ. Мищенки, перевожу самъ.

2) Историческая критика для жизни Страбона указываетъ предѣлы между 60 до Р. Хр. — 20 (24) послѣ Р. Хр.,

географіи его? Не пользовался ли Страбонъ, не говорящій ничего о Танаисѣ II, нѣсколькими устарѣлыми данными? Можно думать, что послѣднее имѣло мѣсто.

Полемонъ разрушилъ недавно Танаисъ, о Полемонѣ говорится, какъ о живомъ или совсѣмъ современномъ дѣятелѣ. Это датируетъ годы не позже перваго послѣ Р. Хр.

Во вторыхъ: указаніе, что Танаисъ стоитъ на рѣкѣ и при морѣ, тогда какъ теперь до моря около 15 верстѣ. Это указываетъ на выдвиганіе дельты на $\frac{3}{4}$ версты въ столѣтіе. Это скромная, правдоподобная и безусловно пріемлемая величина. Допустимъ правильность указанія.

Въ третьихъ: авторъ указываетъ, что Донъ впадаетъ въ море двумя рукавами. Если бы западная граница дельты проходила черезъ оконечность острова съ г. Танаисомъ, Казачій Ерикъ и на сѣверѣ — гдѣ-либо близъ устья М. Чхалтыра или Недвиговской балки, то на этой линіи, дѣйствительно, могли быть лишь два значительныхъ гирла: Мертвый Донецъ и Дугинъ (или Казачій) а новый Донъ могъ еще и не доразвиться. Тогда разстояніе между гирлами было бы 11—12—15 верстѣ.

Въ четвертыхъ: величина стадія не вполне опредѣлена¹⁾, а потому 60 стадіевъ могутъ равняться 10,5—13 верстамъ. Во всякомъ случаѣ, нание вышеизложенное толкованіе пріемлемо.

Что же еще такое островъ Алопекія? Уже и академическая комиссія, и другіе ученые задумываются: не островъ ли это Черепаша, находящійся близъ Таганрога? Ничуть! Въдъ Страбонъ пишетъ прямо: „Отъ устья Меотиды²⁾ до Танаиса, если плыть прямо на сѣверъ, — 2200 стадіевъ“. . . Это — непосредственно за упоминаніемъ Алопекіи, которую онъ помѣщаетъ въ 100 стадіяхъ передъ Танаисомъ. А о пути по направленіи къ Таганрогу говорится особо, при описаніи и исчисленіи пути къ рѣкѣ *Ῥομβίτιης*, при устьяхъ которой имѣются рыболовные станы.

1) Для греческаго стадія принимаютъ эквивалентъ 192 метра.

2) Керченскаго пролива.

Если 100 стадіевъ разстоянія, то это дастъ отъ 17,5 до 20 верстѣ, въ каковыхъ предѣлахъ лежатъ нынѣ передовые острова дельты! А такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ могли заложитя довольно рано, то возможно, что во времена Страбона существовалъ подобный островъ, у южнаго, по моему мнѣнію, конца дельты, гдѣ-либо недалеко отъ м. Кагальника, равно какъ и еще нѣсколько низменныхъ островковъ, также указываемыхъ въ морѣ Страбономъ¹⁾).

Вернемся теперь къ судьбѣ Танаиса. Послѣ полемонова погрома мы видимъ возрожденіе города. Почему не на прежнемъ мѣстѣ? Если бы прежнее мѣсто оставалось удобнымъ, какъ въ V и IV вѣкахъ, то въ пользу востановленія города на прежнемъ мѣстѣ было бы много шансовъ. Однако, черезъ столѣтъ процвѣтаетъ городъ — совсѣмъ въ другомъ пунктѣ. Весьма вѣроятно, что ерики Дугинъ и Казачій уже сильно обмелѣли, а Донъ отошелъ, т. е. главная масса водъ перемѣстилась въ другое русло.

Мнѣ кажется вѣроятнымъ основаніе Второго Танаиса тѣмъ же Полемономъ, который разрушилъ первый, или сыномъ его, Полемономъ II. (Царствовалъ до 41 г. по Р. Хр.).

Но мы знаемъ также, что Полемонъ погибъ въ борьбѣ съ сарматскимъ племенемъ аспургами, и возможно, что городъ былъ основанъ ими, ибо еще въ I в. находился подъ властью варварскихъ царей Босфора, признанныхъ Римомъ (Савроматиды и Рескупориды). Находился этотъ новый городъ на возвышенномъ правомъ берегу Мертваго Донца, въ 8 верстахъ отъ моря, въ районѣ хутора Недвиговскаго. Мѣстность сильно изрыта, два курганныхъ некрополя, остатки валовъ, при раскопкахъ — могилы и фундаменты капиталь-

1) Многократно издаваемая въ средніе вѣка карта „Птоле-
мея“, т. е. составленная кѣмъ-то на основаніи его *Γεωγραφικά*,
вся основывается на данныхъ Страбона: два рукава Дона, Та-
наисъ на островѣ между ними; впереди, въ Меотидѣ, о-въ Алопекія.
(Ср. у Забѣлина, въ новомъ изданіи „Ист. русской жизни“, т. I
Москва 1908 г.).

ныхъ зданій. Во II вѣкѣ Танаисъ 2-ой считался средней руки торговымъ городомъ, т. е. гавань его была доступна для морскихъ судовъ. Недвиговскія археологическія находки весьма многочисленны. При императорѣ Деоклетіанѣ, около 300 года, какіе-то сарматы пытались взять его — безуспѣшно, и только гунны, при ими. Валентѣ (?), разрушили его, такъ что изъ византійскихъ писателей конца IV и V вѣковъ ни одинъ не упоминаетъ уже о Танаисѣ. Въ VII вѣкѣ на Дону утверждаются хазары.

Національный характеръ населенія низовьевъ Дона и, въ частности, обоихъ Танаисовъ — совершенно неясенъ. Названіе „скиѳы“, „савроматы“ столь же расплывчато, какъ и „οἱ βάρβαροι“. Г и п п о к р а т ь выдѣляетъ племя сарматовъ (сауромматовъ) въ самостоятельную народность. Около II вѣка до Р. Хр. савроматы двинулись на западъ, вытѣсняя окончательно скиѳовъ изъ бассейна Азовскаго моря.

Курганныя находки III вѣка, савроматскаго типа, происходятъ изъ области Войска Донскаго, Воронежской и Харьковской губ. Въ I вѣкѣ по Р. Хр. Страбонъ и Иосифъ Флавій указываютъ ихъ въ области Азовскаго моря, даже до Таганрога (курганъ с. Покровскаго). Сильное племя аорсовъ, могущее выставить до 200.000 всадниковъ (Страбонъ), принадлежитъ къ аланамъ. Въ IV в. аланы страшно разгромлены гуннами, именно этимъ временемъ обрываются курганныя находки ихъ типа. Аммианъ Марцеллинъ говоритъ объ этомъ погромѣ. Въ VI—VIII вѣкахъ аланы сгруппировались въ самостоятельныя мелкія политическія единицы, но вошли въ составъ хазарскаго царства. Можно полагать, что въ Первомъ Танаисѣ преобладалъ скиѳо-сарматскій (*sensu lato*) элементъ, а во Второмъ — аланскій (*sensu stricto*). Значительный интересъ представляетъ опредѣленіе возраста находокъ Кобякова городища и балки Кобяковой, окрестностей Багаевской станицы и хутора Крымскаго.

Въ б. Кобяковой, въ XVIII вѣкѣ, по запискамъ Марты-

нова¹⁾, были найдены мраморныя колонны, босфорскія²⁾ монеты и др. предметы, что было оцѣнено уже Леонтьевымъ въ „ПроPILEяхъ“. Я подвергъ изученію Кобякову балку и городище. Результатами были слѣдующія положенія:

1) въ нижнихъ слояхъ кухонныхъ отбросовъ рыболововъ — древнихъ насельниковъ Дона, жившихъ послѣ отложенія лесса, преобладаетъ крупная рыба. Черепки черной посуды изъ разной глины, иногда — изъ черной сарматской, съ примѣсью раковинъ, по типу и орнаменту (ногтемъ, камышинкою, веревочкой, рыболовной сѣтью и палочкой), при работѣ отъ руки, безъ гончарнаго круга, — тождественны съ неолитическими находками А. А. Иностранцева и др., и типы эти могутъ быть найдены въ монографіи Сициана.

2) Верхніе слои кухонныхъ отбросовъ заключаютъ преимущественно кости (домашнихъ) млекопитающихъ и рыбъ средней величины. Посуда — красной глины, хорошаго обжига, сработанная на гончарномъ кругѣ, очень распространены узкогорлыя стройныя амфоры съ коническимъ дномъ или съ трубчатымъ отросткомъ на днѣ. Клеймъ на нихъ нѣтъ.

3) Валы городища сооружены позже накопленія кухонныхъ отбросовъ, такъ что часть послѣднихъ вошла въ нихъ, какъ саперный матеріалъ. Въ валахъ встрѣчаются татарско-турецкія „корчаги“ (кувшины), неизвѣстныя изъ кухонныхъ отбросовъ.

4) Въ балкѣ слѣдовъ древности *in situ* не найдено, но въ наносахъ водотока попадаются куски кремня³⁾, черепки черной грубой посуды и амфоръ, желѣзные наконечники стрѣлъ и уголь. На основаніи этого, я полагаю, что при устьѣ б. Кобяковой, образовавшейся первоначально до отложенія лесса, затѣмъ частію выполненной имъ, а впослѣдствіи вновь промытой, — съ весьма отдаленныхъ временъ существовало поселеніе, хотя и ничтожное.

1) Напечатаны въ журн. „Донъ“ 1887 и „Донск. Вѣстн.“ 1867.

2) Позднѣйшія опредѣленія.

3) Геологически-чуждаго мѣстности этой.

Близъ ст. Багаевской около 1903 года были найдены остатки виллы (?), съ погребями, какого-то богатаго и воинственнаго человѣка. Найдены были остатки серебряной оправы меча (?), бляхи, фибулы и два серебряныхъ вызолоченныхъ умбона щита, съ пробоинами отъ стрѣлъ съ небольшимъ жаломъ; чеканка, дополненная рѣзьбой, — время упадка или же варварской работы. Можно отнести ко II вѣку по Р. Хр. Судьба этихъ находокъ, осмотрѣнныхъ мною, мнѣ неизвѣстна. Умбонъ изображаетъ голову льва со стрѣлою въ пасти.

При х. Крымскомъ донскіе археологи указываютъ остатки гончарныхъ водопроводныхъ трубъ. Указаніе на одичалыя виноградныя лозы достойно примѣчашя, ибо виноградники римлянъ и даже грековъ возможны.

Вернемся, однако, къ исторіи Танаиса 2-го. Медленность теченія въ Мертвомъ Донцѣ, естественно, должна была благопріятствовать выполненію фарватера илистыми осадками, къ коимъ присоединялись пересыпи при устьяхъ рѣчекъ и балокъ — Сухого Чхалтыра, Мокраго Чхалтыра, Сафьянной и Каменки-Недвиговской, равно и р. Донского Чулека. Межъ этими пересыпами и теперь еще М. Донецъ имѣетъ футовъ до 5—6 глубины. Межъ устьями балки Сафьянной и Каменки мы находимъ по правому берегу М. Донца болотистую низину, прорѣзаемую ерикомъ Сафьяннымъ, параллельнымъ Донцу. Это — древнее русло, изолированное пересыпами и потому загложшее, а въ руслѣ М. Донца видно, что протокъ этотъ даетъ довольно крутое колѣно къ югу, чтобы обойти выносы балки Сафьянной. Песчаные выносы Донского Чулека образуютъ межъ гирлами 2 песчаныхъ острова и преграждаютъ, до извѣстной степени, входъ въ Мертвый Донецъ, хотя 300 лѣтъ назадъ турки поставили на немъ, верстахъ въ 10 отъ современнаго взморья, укрѣпленіе Лютикъ, дабы мѣшать проходу казачьихъ флотилій Мертвымъ Донцомъ. Мартыновъ даетъ приростъ дельты при устьяхъ этого протока, за періодъ съ 1796 по 1864 г., — около 6 верстѣ. Это, конечно, преувеличенно, но возможно, что эта колоссальная быстрота легко

объяснится, если мы допустимъ, что ростъ шелъ на счетъ присоединенія уже ранѣе существовавшихъ острововъ при устьѣ Донского Чулека. Какъ бы ни было, но портъ Танаиса 2-го былъ доступенъ для судовъ въ I—IV вѣкѣ и испортился впоследствии. Донской Чулекъ даетъ много осадковъ, а теченіе М. Донца неспособно удалять или прорывать ихъ.

Исторія Танаиса, какъ и вообще низовьевъ Дона, въ эпоху переселенія народовъ, совсѣмъ темна. Спицынъ дѣлаетъ догадки, заслуживающія самага живого вниманія нашего¹⁾, но я переносюсь прямо ко временамъ хазарско-арабскихъ сношеній.

Находки древностей временъ переселенія народовъ на Дону — весьма многочисленны.

Отмѣчу поразительныя по оригинальности вещи: мѣдный литой алтайскій козелъ аргаль, длиною около 25 сантиметровъ и свѣтло-бронзовый (или латунный) осѣдланый конь сѣверно-китайскаго стиля, — были найдены въ низовьяхъ Донца на дюнахъ²⁾ и въ степи, и теперь — собственность священника В. Кундрюческой станицы. У него же богатѣйшая коллекція каменныхъ орудій и монетъ изъ той же мѣстности. Много древностей и у любителя-археолога, куица Усть-Быстрянской станицы Волчанскаго. Что кочевники или двинувшіе аланъ народы не остановились и не создали своихъ городовъ, — объ этомъ свидѣлствуютъ пока, главнѣйше, отрицательныя данныя. Изъ положительныхъ напомнимъ погребенія Новочеркасска (курганъ Хохлачь, онъ же — Главный бассейнъ) и Морского Чулека. Кочевые народы погребаютъ своихъ мертвецовъ на гребняхъ водораздѣловъ, увѣнчивая ихъ курганами. Какъ „новочеркасскій кладъ“, такъ и кладъ М. Чулека относятся къ IV или V вѣку (Ср. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. 3. Спб. 1890 г.).

Извѣстные Константину Багрянородному аланскіе и хазарскіе города, массовое крещеніе аланъ въ X

1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1909, кн 1.

2) Между Донцомъ и р. Кундрючей.

вѣкѣ и основаніе особой „Аланской епархіи“ все же даютъ намъ слишкомъ мало для сужденія о судьбахъ населенія и городовъ въ дельтѣ Дона.

Прохожденіе черезъ Донъ мадьяръ, утвержденіе на берегахъ его половцевъ — всѣ эти событія истребили или затемнили преданія объ исторической жизни этого народа.

Быть можетъ, пещерные храмы — городища Маяцкаго (при устьѣ р. Тихой Сосны), Святогорскія пещеры, обнаруживающія сходство съ кievскими пещеры Крыма и Кавказа — аланскаго происхожденія¹⁾. Въ русскихъ лѣтописяхъ имя аланъ употребляется начитанными авторами еще въ XII вѣкѣ. Не представляетъ ли и чуждый былинной Руси, невѣдомаго рода, изъ вымирающаго племени гигантовъ, Святогорь-богатырь, съ его неудачной женитьбой на русской дѣвушкѣ, — послѣдняго изъ аланъ, вся трагедія котораго и заключалась въ томъ, что онъ пережилъ всѣхъ своихъ?

Итакъ, о хазарскомъ періодѣ исторіи низовьевъ Дона мы знаемъ слишкомъ мало. Извѣстно, что въ 834 г. греческіе зодчіе строили городъ Саркель (близъ ст. Цымлянской), а въ 858 г. часть хазаръ приняли христіанство.

Исторія загадочной Тьмутаракани датируется 965—1104 годами, но даже и въ хожденіи игумна Даниила (1114) упоминается князь тьмутараканскій Олегъ. Русскіе источники (лѣтописи и др.) говорятъ о ней слишкомъ глухо. Для меня важно изыскаше Спицына (ор. cit.), которое я и изложу здѣсь.

Гавани Чернаго моря X в. болѣе или менѣе точно извѣстны: г. г. Корсунъ (греческій), Сурожъ-Судакъ (аланскій), рыбацкая слобода на мѣстѣ Керчи, Матарха (= Тамань, осн. хазарами), а мѣсто Тьмутаракани не извѣстно. Въ X в. хазары утратили свое могущество, лишь торговля находилась въ ихъ (и еврейскихъ²⁾) рукахъ. Конечно, Владиміръ Великій, подыскивавшій себѣ удобную гавань, не могъ добиваться

1) Спицынъ, ор. cit.

2) На Дону найдена большая медаль съ еврейской надписью и изображеніемъ храма Соломона,

владѣнія выше названными городами, естественно было обратиться къ сѣвернымъ берегамъ Азовскаго моря. Съ хазарами у Владиміра были прочныя мирныя отношенія, и вотъ онъ посылаетъ резидентовъ: кн. Глѣба въ Муромъ для устройства окско-волжскаго пути, а Мстислава — въ Тьмутаракань. Мы не знаемъ даже точно, былъ ли завоеванъ этотъ городъ или же уступленъ, и на какихъ основаніяхъ. Князей тьмутараканскихъ мы видимъ то въ союзѣ съ хазарами, то гибнущими отъ руки хазаръ же. „Патерикъ“ печерскій указываетъ островъ Тьмутараканскій съ городомъ на немъ, а возлѣ — монастырь. Настоятель его, Никонъ, послѣ отравленія греками князя его Ростислава, проситъ въ Кіевѣ въ князя тьмутараканскіе сына послѣдняго — Глѣба.

Паденіе Тьмутаракани началось, конечно, со времени захвата торговли генуэзцами и венеціанцами. Когда она перешла въ руки ихъ, товары пошли въ Кіевъ прямымъ путемъ изъ Сурожа и Кафы черезъ Алепки или Крарійскую переправу. Тьмутараканскіе купцы приходили еще въ Кіевъ Залознымъ путемъ въ 1185 году, а потомъ имя этого города исчезло изъ памяти русскихъ¹⁾. Р у б р у к в и с ъ упоминаетъ еще подъ 1235 годомъ остатки русскаго населенія въ низовьяхъ р. Дона, и все это можетъ дать основаніе искать мѣстоположенія Тьмутаракани именно при устьяхъ нашей рѣки, какъ это дѣлаетъ Си и цы н ѣ. Онъ полагаетъ, что арабы, называвшіе Донъ „Русскою рѣкою“, подъ именемъ „Русскаго города“ понимали именно Тьмутаракань.

Я обращаюсь непосредственно къ картѣ Э д р и з и (средина XII вѣка) и вижу иренелѣпую картину: Черное море изображено весьма неточно. Крымскаго полуострова совсѣмъ

1) Д. М. П л о в а й с к і й, въ „Изысканіяхъ о началѣ Руси“ раздѣляетъ взглядъ на тожество Тамани съ Тьмутараканью. Изъ его сопоставленій мы видимъ, что значительный % населенія города составляли хазары, убивавшіе и предававшіе грекамъ русскихъ князей (Олега въ 1079 г.). По возвращеніи въ Тьмутаракань въ 1093 году, Олегъ пробылъ тамъ до 1103 года. Кн. Игорь Сѣверскій имѣлъ идею возвратить Руси Тьмутаракань.

нѣтъ. Въ морѣ нѣсколько острововъ, изъ коихъ одинъ со-
отвѣтствуетъ, несомнѣнно, Тендеру (при устьѣ Днѣпра), другой
— Керченскому полуострову, а два — Таманскому.

По сѣверному берегу Чернаго моря расположены крым-
скіе города: Джалита, Корсунь, Бертабити (?), Лебад'а (= Ли-
вадія?), Шалуста (= Алушта) и др.

Сравнительно недалеко отъ берега и устья „Русской
рѣки“, онъ помѣщаетъ городъ Рѣсію. Совсѣмъ близко — на
востокъ отъ нея — Матарху (= Тамань), близъ которой впа-
даетъ р. Сакирь, считаемая очень многими критиками за
Кубань. Къ юго-востоку отъ Сакира лежатъ: Бѣлая Кума-
нія, Черная Куманія, Хазарія и Аланія.

Въ 1170 г. императоръ Мануилъ даетъ Венеціи разрѣ-
шительную грамоту на торговлю съ Рѣсіей и Матархой
Отсюда возможно, по С пицыну, съ большой вѣроятностью
говорить о тожествѣ Рѣсіи съ Тьмутараканью и помѣщать
последнюю при устьяхъ Дона.

Вопросъ, гдѣ именно стоялъ этотъ городъ, рѣшить
трудно. Текстуальныя указанія противорѣчатъ указаніямъ
картъ XV—XVI вѣковъ.

Изъ картъ высокаго достоинства я упомяну о картѣ
Ф р а - М а у р о (1460), на которой, однако, устья Дона вы-
черчены безъ деталей, о современной ей картѣ библиотеки
Б о р д ж і а, въ которой мы найдемъ лишь г. La Tana, а на
правомъ берегу Дона (правильно показано все теченіе) рису-
нокъ съ надписью: „здѣсь обитаютъ скибы, или татары, столь
бѣдные, что въ нуждѣ продаютъ своихъ сыновей, дочерей и
родителей, какъ христіане на базарѣ — быковъ;“ и затѣмъ
— о замѣчательной картѣ Б е н н и к а з ы (1474).

Его карта Азовскаго моря (да и Чернаго) превосходитъ
точностью всѣ карты съ XV по половину XVIII вѣка.

Устье Fiume Rossa находится у него на мѣстѣ Миус-
скаго лимана.

На Таганрогскомъ полуостровѣ надпись — „Chahardi“, не-
далеко отъ этого мѣста, къ востоку, на сѣверномъ берегу

моря — Porto Pisano. Въ устьѣ Дона островокъ, а на лѣвомъ берегу надъ рѣкой городъ. Отъ этого островка и города расходятся надписи La Tana и Cassar degli Rossi. Первая надпись переходитъ на правый берегъ Дона, а вторая вся помѣщена влѣво отъ него. Какая надпись къ чему относится, я не пойму.

Кубань изображена вполне вѣрно (Cара fiume), на мѣстѣ нынѣшняго Темрюка — Matrig'a. На мѣстѣ Тамани — пусто.

Въ 1481 г. Франческо Берлингieri изображаетъ въ устьѣ Дона 2 острова, устье и часть теченій Берды, Калміуса, Міуса. Себастьянъ Каботъ (1544) искажилъ выше названныя карты и перемѣнилъ названія. Кубань онъ назвалъ, на примѣръ, Vardanus, р. Юю — Rhombites, хотя Rhombites Страбона указанъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Гильомъ ле Тесту (1555) взялъ въ основу карту Бенниказы и дополнилъ ее большимъ островомъ въ устьѣ Дона.

Карты XVI столѣтія помѣщаютъ Тану, наичаще, на лѣвомъ берегу Дона, равно и Азовъ, если только знаютъ его¹⁾. Въ XVII столѣтіи дѣлали ту же ошибку²⁾.

Изъ картъ XVI вѣка необходимо отмѣтить еще весьма цѣнную карту Герберштейна (1556 г.). Она даетъ недурныя очертанія Азовскаго моря, съ Долгою и Бѣлосарайскою косами, суживающими входъ въ Таганрогскій заливъ. У Долгой косы — большой островъ, соотвѣтствующій, пожалуй, нынѣ существующей песчаной мели. На мѣстѣ Мариуполя находится городъ Парасома (?), а на другомъ картатамъ, — Palastra или Paiaestra, хорошо показаны рѣки: Калміусъ, Еланчикъ и Міусъ, при чемъ на правой сторонѣ Міуса городокъ Тарагди, а на востокъ, довольно

1) Карта библиотеки Потоцкаго 1495 г. мнѣ осталась неизвѣстной.

2) Сравните у Hommaire de Hell, Les Steppes de la mer Caspienne. Paris 1843—44. Vol. III, avec atlas, и Кордта, Материалы по исторіи русской картографіи. Кіевъ. Вып. I—1899. Вып. II—1900.

далеко отъ устья, Porto Pisano. Въ дельтѣ Дона два большихъ острова, у лѣваго протока и на лѣвомъ берегу — Азовъ. Р. Тузловъ изображена точно, подъ именемъ Sarmat, впадаетъ не прямо въ Донъ, а въ правый рукавъ отходящій и вновь сливающійся съ Дономъ, значительно выше дельты, напоминающій Аксай, или же впадаетъ двумя сильно расходящимися устьями. Почти противъ устья р. Донца, но на лѣвомъ берегу, стоитъ городъ Ахасъ, соотвѣтствуя точно Семикаракорскому городищу. Во время Герберштейна, это былъ важный торговый пунктъ (?).

Выше устья Донца — Великій Перевозъ съ городкомъ при немъ. Р. Сосна, очевидно, соотвѣтствуетъ Чиру; „Bosag lacus“, протокъ съ озерами и болотами¹⁾, налѣво отъ главнаго русла Дона, хорошо извѣстный географамъ того времени, помѣщенъ выше устья этой „Сосны“, а еще выше его древнїй городъ Nabars, olim Naubaris, и совсѣмъ недалеко отъ извѣстнаго изгиба Дона — Exarolis²⁾, а еще выше, на мѣстѣ Голубинскаго городка въ Голубыхъ горахъ, — Tuia.

Изъ южныхъ рѣкъ Герберштейну извѣстна впадающая въ Азовское море къ югу отъ устья Дона, текущая прямо съ востока на западъ рѣчка „Kugelius“, которую можно принять либо за Ею съ притокомъ Кугой-Ею, либо за Кагальчикъ³⁾.

Карта Массы (1633) весьма детализируетъ карту Герберштейна и является цѣннымъ документомъ для исторїи колонизаціи Дона. Равно и для береговъ Азов-

1) Я не могу догадаться, какое мѣсто донской долины изображается такъ.

2) Не „Exarolis“ ли? Ближе къ древнему городку „Пятиизбамъ“.

3) Герберштейнъ спрашивалъ русскихъ украинскихъ служилыхъ людей, не находили ли они на Дону алтарей и статуй Александра Македонскаго? Они отвѣчали, что недалеко отъ Великаго Перевоза, т. е. отъ ст. Константиновской, — видѣли каменныхъ истукановъ. Дѣйствительно, еще и нынѣ тамъ стоитъ интересная каменная баба, а раньше ихъ было больше.

скаго моря она даетъ такъ много названій поселеній, сколькихъ, пожалуй, и нынѣ нѣтъ (на восточномъ берегу).

Изъ карты Герберштейна онъ заимствовалъ, очевидно, начертаніе р. Тузлова, но перемѣстилъ его, и при томъ такъ, что изображенная рѣка соответствуетъ Темернику. Возможно, что опросныя свѣдѣнія, особливо турецкія, могли о Темерникѣ дать больше, чѣмъ о Тузловѣ.

Изъ этой же карты М а с с а заимствовалъ горы: Ергени и другія. Но хотя онъ могъ бы пользоваться матеріалами, послужившими для составленія Книги Большого Чертежа, все же М а с с а не помѣстилъ у себя извѣстныхъ лѣвыхъ притоковъ Дона. Книга Большого Чертежа¹⁾ говоритъ обо всѣхъ вообще городахъ очень мало, а изъ донскихъ казачьихъ называетъ лишь Раздоры Донецкіе, хотя знаетъ рѣки области Войска Донского поразительно точно, точнѣе ея редактора Г. И. С п а с с к а г о. Такъ какъ извѣстныя редакціи относятся къ 1626 году, когда, по актамъ, цари Московскіе упоминали уже не менѣе 15 городковъ, то опущеніе ихъ очень характеризуетъ цѣль составленія книги.

Въ 1067 г. полу-легендарный князь половецкій Азупъ завоевываетъ какой-то городъ при устьѣ Дона и даетъ ему свое имя. Въ 1109 и 1111 годахъ Владиміръ Мономахъ наноситъ половцамъ пораженіе въ ихъ странѣ и уничтожаетъ городки, въ томъ числѣ Сугровъ, который я полагаю на мѣстѣ Семикаракорскаго городища, съ двухъ сторонъ обойденнаго р. Саломъ и болотцемъ, стоящаго на холмѣ и представляющаго почти квадратъ. Я выкапывалъ на немъ кирпичи, черепки корчагъ (не амфоръ!) и камни. Планъ сложныхъ его укрѣпленій, снятый мною, находится въ Донскомъ музеѣ. Отъ Дона это городище далеко. Оно стояло при торговомъ пути внутрь степи, ибо Салъ являлся въ безводныхъ задонскихъ равнинахъ истиннымъ руководителемъ путешественника.

Въ 1262 г. ногайская орда обращалась противъ „Азова“.

1) Равно и Древняя Россійская Идрографія.

Митрополитъ Пименъ въ 1389 г. побывалъ въ Азовѣ — Танѣ и описалъ его, какъ довольно богатый городокъ. Возникновеніе Таны, т. е. Азова¹⁾, я датировать хронологически не могу. Вѣроятно, что въ концѣ XII столѣтія это былъ греческій городокъ. Послѣ основанія Латинской имперіи (1204) Венеція, оказавшая крестоносцамъ помощь, предоставивъ флотъ, получила монополію въ Танѣ: черезъ этотъ городъ шли торговыя сношенія съ Астраханью и даже до Китая.

Когда же генуэзцы и пизанцы оказали помощь Михаилу Палеологу (1261), то добились у него разрѣшенія вести также торговлю въ этомъ городѣ. Въ 1395 г. Тамерланъ взялъ и разрушилъ Тану, но въ 1400 генуэзцы вновь возстановили ее.

Основаніе Пизанскаго порта относится, вѣроятно, къ срединѣ XIV столѣтія.

Въ 1471 или, правдоподобнѣе, 1476 году Тана²⁾ взята татарами и турками и стала называться Азовомъ. Въ 1475 г. была ими же разрушена Кафа и нѣк. другіе города въ Крыму.

Газаріей называлась область вліянія, частію составлявшая и земельныя владѣнія итальянскихъ торговыхъ республикъ на югѣ Россіи. Она была завоевана татарами въ концѣ XV вѣка.

Выскажу теперь свои соображенія. Ла Тана итальянскихъ географовъ XV вѣка находилась близъ Casa (— г, l) degli Rossi.

Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы этотъ „Русскій городъ“ находился, какъ его помѣщаетъ С п и ц ы н ѣ (ор. cit.), гдѣ-нибудь на лѣвомъ берегу Дона, выше Азова (Таны), такъ какъ тамъ всюду лѣвый берегъ рѣки низменъ и болотистъ, Койсугъ едва ли 500 лѣтъ назадъ представлялъ значительныя удобства для судоходства. Впрочемъ, села Кой-

1) Бутковъ (Древн. Моск. Археол. Общ. III) доказалъ тождество Таны съ древнимъ Азовомъ, а Свиньинъ и Стемпковскій искали слѣдовъ Таны у Елисаветовской станицы, въ городищѣ. Надгробная плита графа д'Арбе, венеціанскаго консула въ Танѣ, (въ Донскомъ музеѣ), — подтвердила мнѣніе Буткова.

2) Байеръ (Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова. Изд. 3-ье. Русскій переводъ Тауберта. Спб. 1782, стр. 71) склоняется къ принятію первой даты.

сугъ и Батайскъ — довольно древнія насиженныя мѣста. Но я думаю, что „Русскій городъ“ находился гдѣ-то на островѣ, внутри дельты, гдѣ Спицынъ допускаетъ лишь гавань.

Резюмируемъ сказанное: древне-греческій Танаисъ стоялъ въ дельтѣ, недалеко отъ моря, на судоходномъ рукавѣ, защищенный окружавшими его протоками отъ варварскихъ внезапныхъ нападений. Слѣды его — городище къ сѣверу отъ Елисаветовской станицы. Только римскія войска Полемона овладѣли имъ и разрушили. Обмеленіе протоковъ, перемѣщеніе главнаго русла Дона въ другой рукавъ — сдѣлали мѣстоположеніе Танаиса I-го непригоднымъ для реставраціи города.

Танаисъ 2-ой, основанный при морѣ, у сѣвернаго гирла Дона, былъ гарантированъ отъ нападений кочевниковъ, ибо имъ владѣли савроматы, бывшіе также хозяевами прилегающей степи. По разрушеніи его гуннами, Танаисъ не успѣлъ возродиться, когда, черезъ четыре столѣтія, гавань у сѣвернаго гирла (Мертваго Донца) испортилась. Въ X—XII столѣтіяхъ существовалъ въ дельтѣ Дона новый, третій Танаисъ, называемый „Русскимъ городомъ“. Мѣстоположеніе его намъ точно не извѣстно. Возможно, что гавань его испортилась скоро, и торговое значеніе перешло къ Танаису 4-ому, или Танѣ, т. е. Азову, уже въ концѣ XII вѣка, но впоследствии было утрачено по изложеннымъ ниже причинамъ.

Въ XV столѣтіи придонскія степи сдѣлались нераздѣльною собственностью татаръ, когда же и Крымъ съ Таманью, въ 1470-ыхъ годахъ, достались въ руки имъ, тогда нечего было и думать, чтобы торговля Азова могла надолго сохраниться въ чужихъ рукахъ. И дѣйствительно, хотя татары и не оказались въ этой области способными продолжателями греко-венеціано-генуэзскаго дѣла, все же пытались его поддержать. Признаніе Гиреями надъ собой верховнаго покровительства султана турецкаго едвали могло улучшить положеніе торговли и повысить значеніе Азова. Кромѣ того, XVI вѣктъ, его вторая половина, весьма значительно измѣнили и самыя рынки, и пути торговли, и т. д.

Въ 1549 г. атаманъ донскихъ казаковъ Сары Азманъ, владѣя на Дону четырьмя городками, бьется съ азовскими казаками, въ 1552 году донскіе казаки, тяготящіе къ Руси, приходятъ подъ Казань, въ 1554 году атаманъ ихъ Ѳедоръ Павловъ конвоируетъ, съ казаками, плѣнныхъ астраханскихъ царицъ, въ 1556 г. оперируютъ они противъ татаръ въ задонской степи, въ 1559 г. донскіе казаки называютъ себя подданными царя русскаго, а въ 1570 году, послѣ неудачнаго похода, запорожцы входятъ въ Донъ и, съ согласія донскихъ казаковъ, основываютъ Черкасскій городокъ. Въ 1568 году султанъ Селимъ пытался прорваться изъ Дона въ Волгу, началъ рыть соединительный волго-донской каналъ, но болѣзни и бунтъ въ его войскѣ заставили прекратить эту работу. Казаки пропустили 340.000-ное войско турокъ вверхъ, но когда возвращались къ Азову отдѣльные корпуса, донцы разбили ихъ.

Наконецъ, въ 1637 г. казаки овладѣли Азовомъ, а въ 1642 — городъ вновь уступленъ туркамъ.

Время появленія казачьяго населенія на Дону представляетъ чуть ли не самый трудный вопросъ русской исторіи. Неоднократно указывалось, что донскіе казаки могутъ происходить отъ извѣстныхъ лѣтописямъ бродниковъ. Извѣстно, что при Сары Азманѣ было болѣе 4 городковъ.

Древнѣйшими городками являются: столица низоваго казачества — Раздоры, Черкасскій городокъ, Бесергеновъ, Манычскій и нѣк. другіе. О нихъ мы имѣемъ ясныя упоминанія въ актахъ XVII вѣка, а о Раздорахъ — даже въ XVI.

Раздорскій городокъ находился на низменномъ песчаномъ островѣ Дона, противъ нынѣшней Раздорской станицы. Казаки наблюдали за историческимъ бродомъ у хутора Собачьяго. Лишь въ XVIII столѣтіи, когда правобережныя степи обезопасились отъ враждебныхъ татаръ, станица перенесена была на горный берегъ.

Въ подобныхъ же условіяхъ мы встрѣчаемъ слѣды древняго казачьяго городка недалеко отъ новой Золотовской станицы.

Возникновение и история Бесергенева городка для меня неясны. Возможно, что название это калмыцкого происхождения, а калмыки появились в Евр. России в 1630 году (калмыцкое „эргэ“ = обрывистый берегъ, яръ); но возможно еще происхождение отъ татарскаго (?) и киргизскаго слова „бэссеркен“ = иней (изморозь), вѣроятно, собственнаго имени основателя.

Я полагаю, что на мѣстѣ татарскаго хутора или калмыцкаго зимовья могъ образоваться казачій городокъ.

Также древнее поселение Багаевской станицы совпадаетъ съ Вајагаз и Vosagaz ralus на нѣкоторыхъ картахъ XVII столѣтія. Впрочемъ, на большинствѣ картъ этого совпаденія нѣтъ.

Обратимся теперь къ передовымъ позиціямъ казачьей колонизаціи — Черкасскому городку. Онъ основанъ запорожцами, множество малороссійскихъ фамилій сохранили свое имя и нѣкоторыя особенности до XVIII и даже до XIX столѣтія. Здѣсь же жили донскіе казаки великорусскаго происхожденія, греки, армяне, калмыки, даже евреи, безъ которыхъ малороссы не могли обойтись. И до сего дня встрѣчаются между старочеркасскими фамиліями типичныя семитическіе роды, оказавшіеся, но искони и исключительно занимавшіеся торговлей и гешефтами¹⁾.

Нѣкоторые изъ нихъ записаны въ Высочайше привилегированное и освобожденное отъ воинской службы сословіе „донскихъ торговыхъ казаковъ“.

Послѣ уступки Азова въ 1642 г. мы видимъ Черкасскъ — въ роли главнаго города донскаго казачества. Стремление пробиться къ морю у донцовъ не уменьшалось, хотя московское правительство и объявило, что оно не можетъ поддержать казаковъ въ борьбѣ съ турками, не можетъ удержать за собой Азова и, повелѣвъ очистить крѣпость, воспрещало имъ начинать какія-либо враждебныя дѣйствія противъ турокъ, дабы

1) Есть специальное изысканіе Е. Т. Савельева въ „Донскихъ Обл. Вѣд.“ 1905 г.

не втянуть Россію съ ними въ войну. Граница турецкихъ и казачьихъ земель вновь отошла до Кобякова городища и Махинскаго городка (нынѣ Ольгинская станица). Но скоро же казаки оставили Махинъ и перешли въ Монастырскій городокъ (близъ Черкаскаго). Можно найти неясныя указанія, что старинный Монастырскій городокъ и былъ какъ бы основою городка Черкаскаго. Я затрудняюсь высказать объ этомъ свое сужденіе. Городокъ этотъ былъ уничтоженъ татарами. Первое упоминаніе о Монастырскомъ городкѣ относится къ 1610 г.; съ 1622 г. здѣсь собирается общій Войсковой Кругъ, отсюда въ 1637 г. пошли казаки на Азовъ. 20 апрѣля 1643 г. азовскій ага уничтожилъ Монастырскій и Черкасскій городки, оттѣснивъ казаковъ въ Раздоры, но ровно черезъ годъ они вернулись и возстановили только Черкасскій городокъ, укрѣпивъ его. Царю они пояснили, что желаютъ сохранять командованіе главнымъ русломъ рѣки и наблюдать за движеніями турокъ и татаръ (Донскія дѣла, III, 1645 г. № 23¹). Московское правительство предложило донцамъ построить на Дону русскую крѣпость, съ гарнизономъ, просило указать удобнѣйшее мѣсто. Казаки указали уроч. Монастырскій Яръ (Ibidem, III, 1648 г., № 19). Несомнѣнно, что административный центръ казачества въ 1637—1642 г. былъ перенесенъ и находился въ Азовѣ, потомъ — въ Махинѣ, потомъ въ Монастырскомъ, потомъ въ Черкасскомъ, но не вернулся въ Раздоры.

На Кобяковѣ городищѣ стояли турецкіе пикеты для наблюденія за Дономъ, такъ какъ здѣсь именно Донъ сходитъ въ одно русло, и движеніе по нему казаковъ не можетъ быть скрыто.

До Кобякова городища донскіе казаки провожали посла Новосильцева въ 1570 году, и здѣсь уже поручали его турецкому конвою.

Х. И. Поповъ полагаетъ²), что здѣсь была казачья

1) Русская Историч. Библіотека, т. XXVI. СПБ. 1909.

2) Сборникъ Донскаго Статистическаго Комитета. Вып. VII. Стр. 39 и 46. Новочеркасскъ 1907 г.

станция, т. е. городокъ, какъ назывались селенія этого типа въ XVI—XVII в. Я же полагаю, что слова „станция атаманская“ для XVI вѣка нужно понимать не въ смыслѣ городка, а въ смыслѣ отряда, стоявшаго на пикетахъ или пограничномъ посту. Однако, на картѣ Исаака Массы (1633) мы находимъ на мѣстѣ Кюбякова городища „Jeboc seu Atamanской“ городокъ. Естественно, что казаки такъ, сразу, Азова взять не могли, они должны были шагъ за шагомъ приближаться къ крѣпости, имѣя поближе къ ней и базу. Наконецъ, необходимо было имъ овладѣть пунктомъ, гдѣ Донъ дѣлится на рукава. Теперь на мѣстѣ этого Атаманскаго городка — Аксайская станция.

Карта Массы очень интересна. Она изображаетъ точно три крупныхъ острова въ дельтѣ Дона, Porto Pisano нѣсколько къ западу отъ конца дельты, на берегу моря, почти на мѣстѣ Таганрога, Темерникъ, многочисленныя озера и ерики аксайско-донского займища, городки: Красный Яр¹⁾, Черкасскій, Манычскій, Бесергеньевъ, Раздорскій, Семикаракорскій, съ поразительной точностью вычерчиваетъ дугу Дона между устьемъ Донца, Семикаракорами и Раздорами, (но городокъ Бабій²⁾ помѣщаетъ не къ востоку отъ устья Донца, а къ западу), р. Кагальникъ, городки Нижній и Верхній Михалевы, Верхній Каргальскій, Цымлу, Курманъ, Курмоярскій, Чирской, Есауловскій, Пятиизбянскій и многіе другіе. Помѣщеніе Манычскаго, Семикаракорскаго и нѣк. др. городковъ на правомъ берегу оправдывается тѣмъ, что городки эти въ древности такъ и стояли. Слѣды ихъ въ видѣ „пепелищъ“, черепковъ посуды, костей и др. — сохраняются на островахъ или на берегахъ Дона. Необъяснимо, однако, помѣщеніе Азова тоже на островѣ.

При Черкасскомъ городкѣ Донъ разбивается на нѣсколько довольно узкихъ рукавовъ съ группой низменныхъ острововъ,

1) Нынѣ — хуторъ близъ Старочеркаска.

2) Близъ ст. Константиновской.

что облегчаетъ переправу съ одного берега на другой. Изъ стратегическихъ соображеній, казакамъ полезно и необходимо было занять именно это мѣсто. (Нѣсколько сходны условія и Багаевской станицы.) Когда же, съ пріобрѣтеніемъ Россіею всей задонской степи до Кубани и Терека, это значеніе Черкасскомъ было утрачено, онъ былъ окончательно заброшенъ, крѣпость его упразднена, и все это, въ совокупности съ другими условіями, доканало его. Заливная долина Дона не привлекала кочевниковъ, что и дало возможность утвердиться здѣсь казакамъ.

Подобно старѣйшему своему собрату, Раздорскому городку, Черкасскъ заливался водою каждую весну. Сообщеніе между домами по мосткамъ и на лодкахъ — поддерживалось не менѣе мѣсяца. Лишь немногіе пункты не покрываются водою ежегодно. Но бываютъ сильныя подъемы воды, весьма жестоко опустошающіе городъ, особенно если сопровождаются бурями.

Устное преданіе и спеціальныя отмѣтки (съ приложеніемъ печати) на стѣнахъ церквей сохранили намъ свѣдѣнія объ этихъ наводненіяхъ.

1740 г.	Таракановская вода . . .	8 аршинъ надъ меженью.
1786 „	Краснощековская „ . . .	8 ¹ / ₂ арш. „ „
1820 „	Чернышевская „ . . .	7 аршинъ „ „
1845 „	Сунженская „ . . .	6 ³ / ₄ арш. „ „
1849 „	Венгерская — въ соборѣ воды на 5 вершковъ, т. е. около 8 ¹ / ₂ арш. надъ меженью.	

Мною замѣчено, что около года съ максимум группируются годы тоже довольно высокихъ водъ разлива, а годы минимум половодья приходятся лѣтъ черезъ 10 послѣ сильнѣйшихъ подъемовъ, и я нахожу здѣсь нѣкоторую связь съ брюкнеровскими періодами. Однако, наши годы неполнѣ совпадаютъ съ западноевропейскими, хотя и тамъ максимум многоводія озеръ наблюдался въ 1740, 1780, 1820, 1850 и 1880 годахъ.

Послѣ разливовъ остаются озера и лужи загнивающей

воды, что дѣлаетъ городъ страшно нездоровымъ. Въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX донская старшина просила прислать инженеровъ для изысканія мѣръ оздоровленія города, но уже въ 1802 году де Романо рѣшительно высказался за перенесеніе города, а въ 1805 году началась постройка города Новочеркаска на высокомъ холмѣ, надъ заглохшимъ протокомъ Аксаемъ. Сохранилось преданіе, что войсковою атаманъ М. И. Платовъ хотѣлъ отвлечь казаковъ отъ торговли, и потому пытался увести ихъ съ Дона. Это мало вѣроятно. Я признаю другую психологическую основу: контрастъ сухого холма съ болотистой поймой. Изъ одной крайности атаманъ попалъ въ другую. Впрочемъ, онъ зналъ, что у подошвы холма и на склонахъ его есть источники доброкачественной воды, а кромѣ того, Платовъ былъ увѣренъ что ему удастся провести сюда Донъ (о чемъ рѣчь ниже).

Почему онъ не захотѣлъ перенести города въ станицу Аксайскую, расцвѣтшую подъ охраной ростовской крѣпости, надъ Дономъ, на высокомъ правомъ берегу, — это остается тайною.

Можетъ быть, — самъ талантливый инженеръ, — императоръ Николай I ироникъ его идею и не позволилъ переносить главнаго города въ эту станицу въ 1837 г.

Предполагалось оживить Новочеркасскъ проведеніемъ къ нему канала или даже обращеніемъ главнаго русла Дона, уничтоживши пересыпь у Мокраго Керчика и спрямивъ два большія колѣна. Проектъ этотъ имѣетъ свою исторію и довольно значительную литературу¹⁾. Расиланировывавшій Новочеркасскъ инженеръ де-Воланъ въ 1804 г. указалъ на возможность углубленія Аксая и превращенія въ судоходную рѣку, началъ работы осенью того же года, но эти, какъ и работы 1820 г., были безрезультатны. Въ 1884 г. проектируется каналъ, въ составъ котораго входятъ и многія части русла рѣки.

1) См. у Борисяка *op. cit.*, равно и Сборники Донск. Статистич. Комитета Вып. 1 и 2.

Проектъ инж. Куртѣва 1849 г. (спрямленіе Аксая) разсчитанъ на томъ основаніи, что Донъ, отъ выхода Аксая до впаденія его, проходитъ по руслу путь въ $67\frac{1}{2}$ верстъ, а спрямленный Аксай будетъ имѣть лишь 57 верстъ, и хотя, по мнѣнію Куртѣва, это сокращеніе ничтожно лишь увеличить паденіе рѣки, но все же со временемъ, можно надѣяться на обращеніе главной массы водъ Дона въ новое русло. Въ 1904—1905 г. инж. Маевскій (областной В. Донск. гидротехникъ) проектировалъ почти то же. Другіе инженеры съ нимъ печатно полемизировали. Ворисякъ, на стр. 335—350 довольно точно и подробно излагаетъ исторію этого предпріятія, и, въ концѣ, высказываетъ сомнѣніе въ успѣхѣ: „Такая рѣка, какъ Донъ, не можетъ подвергаться искусственнымъ перемѣщеніямъ, какъ бы геніально они ни были придуманы, безъ серьезнаго опасенія, что могущее образоваться распредѣленіе массы воды въ различныя стороны не только будетъ служить препятствіемъ къ проведенію этой рѣки въ желаемыхъ размѣрахъ по новому направленію, но и лишитъ благодѣтельнаго пользованія его такіе пункты, при которыхъ теченіе ея установилось вѣками“.

Я изучалъ вопросъ о регулированіи стока водъ¹⁾, но за недостаткомъ въ Новочеркасскѣ, гдѣ я тогда жилъ, литературы, воздержался отъ замѣчаній и участія въ спорѣ, но составилъ себѣ мнѣніе, что въ геологическихъ условіяхъ мѣстности нѣтъ никакихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возможности разработать русло Аксая водою самага Дона до размѣровъ нынѣшняго судоходнаго русла нослѣдняго. Даже если плотиной и дамбой повернуть меженныя воды Дона въ Аксай, спрямивъ его каналами и мѣстами углубивъ, то мы получимъ тогда разливъ Дона по займищу, гдѣ кончатся дамбы, ибо вмѣстимость созданнаго русла не будетъ все же соответствовать объему поступившей воды. Лѣвый рукавъ

1) Рѣки Венгріи: напримѣръ, Тисса, спрямленная, но не „исправленная“.

(нынешній Донъ) все же будетъ питаться водами Манычи и ериками, спускающими воду озеръ, и водами Сала черезъ Сусать-Подпольную, и при первомъ же половодьи подвижный грунтъ займища выше перехватывающей плотины дастъ возможность легко разработать новое русло по какому-нибудь ерику (Песчаному?), и опять часть массы водъ Дона пойдетъ по старому, болѣе вмѣстительному руслу. Мало того, если бы даже и не вышло сразу этого, то, по спадеши водъ разлива, озера аксайско-донского займища разработали бы стокъ въ то русло, гдѣ понизился уровень, т. е. въ Донъ.

Необходимо создать вмѣсто современнаго Аксая новое и равное по объему Дону русло.

Въ прежнемъ же мелкомъ и узкомъ руслѣ никогда не можетъ проходить достаточнаго для заданной работы углубленія количества воды.

Теперь обратимся къ главному порту Дона — Ростову н/Д. Онъ находится, какъ сказано, при отдѣленіи Мертваго Донца отъ Дона. Уже при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, а затѣмъ — въ 1614 г. мы находимъ указаніе на то, что на главномъ руслѣ Дона, гдѣ оно отдѣляется отъ себя большіе судоходные протоки, турки имѣли сторожевыя башни — „каланчи“, отъ чего и одинъ протокъ получилъ свое названіе. На Мертвомъ Донцѣ находился фортъ Лютикъ, дабы и тамъ не могла прорваться ни въ Азовское море, ни обратно, казачья флотилія. Послѣ взятія Каланчей, Азова и Лютика въ 1695 и 1696 годахъ, Петръ Великій получилъ свободный выходъ въ море. Но, по договору 1711 года, все пришлось уступить. Тогда, на т. наз. Монастырскомъ урочищѣ, на высокомъ правомъ берегу Дона, надъ рѣкой, былъ устроенъ ретраншементъ, впоследствии расширенный и названный крѣпостью Св. Анны, а позже еще — Св. Димитрія Ростовскаго. Ея гарнизонъ, т. обр., держалъ контроль надъ движеніями казаковъ по рѣкѣ и командовалъ таганрогской дорогой. Даже когда въ 1736 году Азовъ вновь былъ взятъ русскими, (но, по договору, мы

не могли возстановить укрѣпленій ¹⁾, значеніе крѣпости Св. Анны сохранилось. Она давала пріютъ и защиту русскому торговому и военному флоту, держала ключи торговли съ Востокомъ, и сдѣлалась истиннымъ Танаисомъ 5-ымъ.

Но что ожидаетъ въ будущемъ Азовъ? Донъ, вѣроятно, медленно отходитъ отъ него, подобно тому какъ покинулъ прежнее русло, извѣстное подъ именемъ „Узяка“, къ западу отъ Азова, но нѣтъ основаній думать, чтобы азовское русло Дона перестало быть судоходнымъ въ ближайшія столѣтія. Нынѣ проектируемая къ нему желѣзная дорога создастъ новую эру для него, какъ порта отпускиа продуктовъ земледѣлія и скотоводства огромнаго и богатаго раіона задонскихъ и сѣверно-кубанскихъ степей. Извѣстному уже въ XVI вѣкѣ селенію Кагальнику, лежащему въ 5 верстахъ ниже Азова, къ юго-западу, предстоитъ либо слиться съ Азовомъ, либо совсѣмъ заглохнуть, такъ какъ стоитъ онъ при обреченномъ гибели протокѣ и гирлѣ донской дельты, медленно выполняемомъ еще и выносами рѣчки Кагальника.

Въ былое время станицы и хутора по Мертвому Донцу и по Дону жили рыболовствомъ. Теперь рыболовство пало безпримѣрно. Даже для низовьевъ Дона мы имѣемъ, изъ ряда цифръ, вотъ какіе выводы: въ 1875 г. красной рыбы 3.180 пуд., бѣлой рыбы 906.802 пуд., сельдей 20.987.500 нт. Цѣнность — на 611.544 руб. Въ 1898 году: красной рыбы 9.406 пуд., бѣлой рыбы 795.947 пуд., сельдей 8.322.300 нт., икры 416 пуд., на 1.138.832 рубля. Въ 1908 г. красной рыбы 9.930 пуд., бѣлой 182.590 п., сельдей 2.469.276 штукъ, икры 476¹/₂ пуд. — на 740.655 рублей. И это — хорошіе, удачные годы.

Межь тѣмъ прежніе изслѣдователи Дона, какъ Сухорукъ, Номикосовъ и Данилевскій, даютъ большія цифры для 1820—30-ыхъ, 1860-ыхъ и 1870-ыхъ годовъ,

1) Часть ихъ остатковъ даже срыта въ 1741 г.

хотя въ то время учесть уловъ было много труднѣе, и официальные данныя совсѣмъ мало надежны.

Теперь торговля въ Азовскомъ морѣ и низовьяхъ Дона въ значительной мѣрѣ поддерживается иностранцами. Болѣе половины судовъ — иодъ иностранными флагами. Преобладаютъ между послѣдними: греческія, итальянскія, затѣмъ, въ убывающемъ порядкѣ: англійскія, французскія, турецкія, датскія, нѣмецкія. Временами приходитъ довольно много австрійскихъ судовъ. Главный вывозъ — зерновой хлѣбъ (на 46.642.112 руб. въ 1908 г. изъ Ростовскаго порта), далѣе — ячмень, ленъ (сѣмя, масло, жмыхи, волокна мало), икра и рыба. Ввезено почти на 1,7 милліона руб. фруктовъ, масла оливковаго, машинъ и предметовъ роскоши. Если къ предметамъ вывоза прибавить еще эмигрантовъ и женщинъ для портовъ Средиземнаго моря, то можно убѣдиться, что торговля измѣнилась ничтожно почти за 25 вѣковъ, протекшихъ съ основанія Танаиса Перваго, и даже въ порядкѣ пропуска судовъ раннею весной, въ началѣ навигаціи, черезъ гирла — проходить передъ нами какъ бы сокращенная исторія появленія на танаисскомъ рынкѣ народовъ культурной Европы.

Такъ разливъ повторяетъ намъ ежегодно картины геологическаго прошлаго, и глядя на него съ правобережныхъ высотъ, чуждый торговлѣ и безоружный казакъ сознаетъ справедливость безпристрастныхъ словъ ученаго: — „Въ такихъ странахъ, какъ показала исторія, развиваются жизнь и дѣятельность, расцвѣтаютъ науки и промышленность, вызываются къ бытію богатыя сокровища, заключенныя въ нѣдрахъ земли и самыхъ условіяхъ ея обширности и разнообразія, не вслѣдствіе исключительно мѣстной инициативы, а неизбѣжнымъ участіемъ полезныхъ дѣятелей изъ такихъ странъ, гдѣ уже окрѣпъ трудъ, сложилось сознаніе необходимости правильнаго пользованія землею, значенія ремеслъ, торговли, промысловъ, изъ странъ гдѣ уже изгладились слѣды первобытной номадной жизни населенія“.

Не знающій происхожденія своего, старинный казакъ донской молчаливо принималъ пришельцевъ.

Какъ тонкіе осадки весеннихъ разливовъ, оставляли волны нрошедшихъ народовъ въ долину Дона элементы свои, и потомъ, за три вѣка, историческое казачество не отказывало въ гостепріимствѣ и пріемѣ „въ казачій кругъ“ тѣмъ, кто не оскорблялъ чувства народной гордости его, кто духомъ сливался съ первобытными его элементами, но брезгливо подчеркивало оно рознь свою „со голытьбою“¹⁾.

Послѣдній пришлецъ былъ Петръ Великій, но исторія не судила ему остаться здѣсь, и онъ ушелъ на сѣверъ, мелькнувъ предъ восторженнымъ взоромъ ихъ и освѣтивъ забытый его собственными преемниками путь преслѣдованія эгоистически - національныхъ интересовъ. Онъ показалъ, что ждать обновленія нужно не извнѣ, а изнутри націи, и казаки послали въ чужіе края свою молодежь, но какъ слѣдъ аллегорическаго Анахарсиса, затерявшійся на родной почвѣ, безвѣстенъ еще ея обратный путь.

Пришли армяне — захватили торговлю отъ устья Дона до сѣверныхъ границъ казачьей земли, пришли колонисты-нѣмцы и темная помѣсь — тавричане, — взодрали буккеромъ дѣвственную ковыльно-полынную степь, англичане и бельгійцы проникли въ нѣдра Донецкаго бассейна, а казаки посторонились и дали всѣмъ имъ пріютъ.

Изъ промышленнаго Ростова — новаго Танаиса, съ заводовъ и рудниковъ Донецкаго бассейна, изъ Таганрога — торжища всѣхъ народовъ, изъ обновленной Петромъ Россіи еще тянутся чуждые имъ донцы на спаленный солнцемъ холмъ тихаго Новочеркасска, надъ которымъ господствуетъ разрытый курганъ Хохлачъ, могила невѣдомыхъ варварскихъ царей.

По вянущей, душистой полынной степи, межъ кургановъ, ѣдетъ потонокъ номадовъ надъ унылыми валами недвиговскаго городища къ Таганрогу. Съ высотъ праваго берега Мертваго Донца онъ окидываетъ взглядомъ широкую дельту.

1) Пѣсни о Разинѣ.

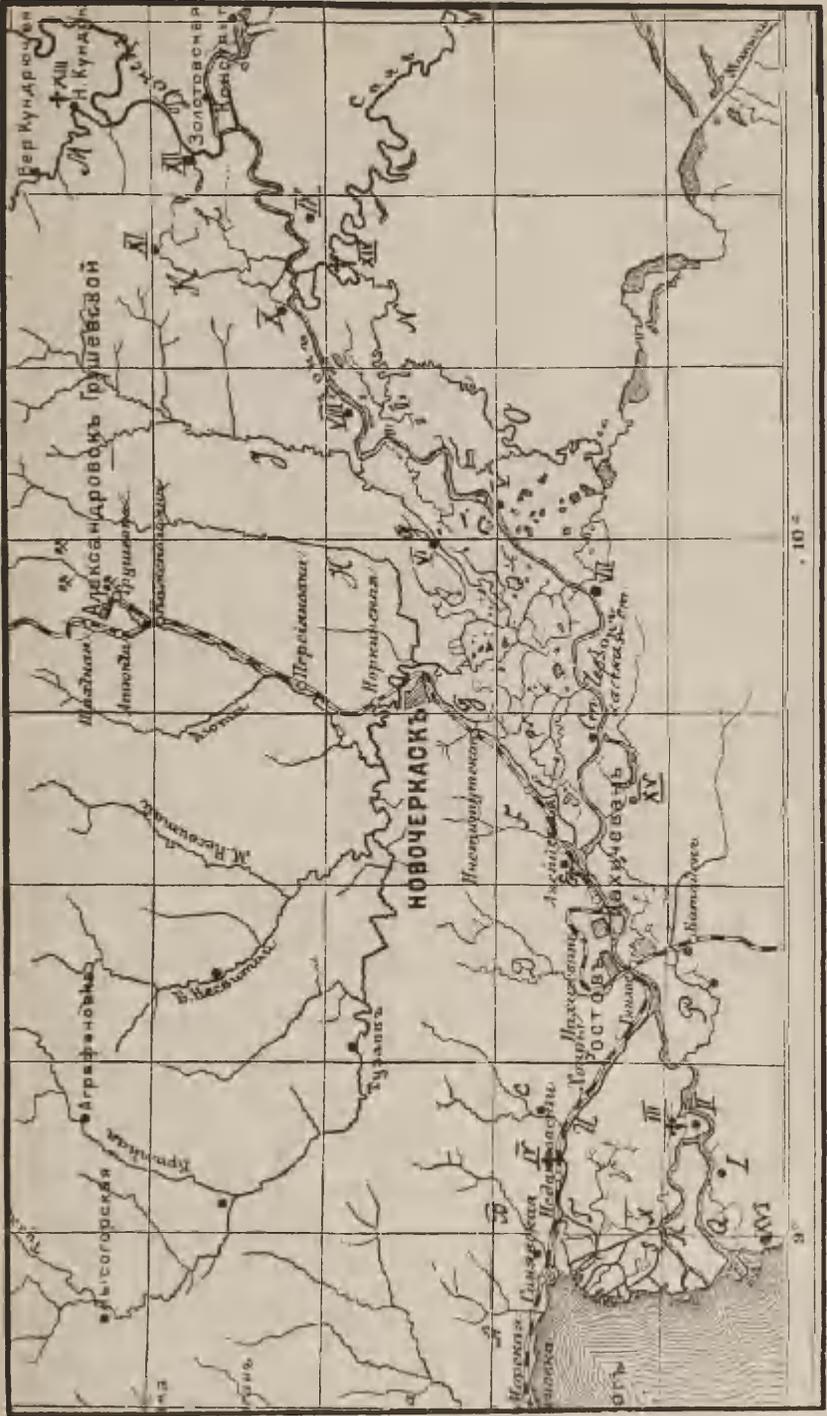
Тучей скрыто заходящее солнце, во мглѣ курганный некрополь Перваго Танаиса, въ туманѣ забытый Азовъ, впереди блестящая гладь взморья съ темными полосами камышей, плоскими островами, со стаями птицъ, со скрывающимися отъ дозорныхъ катеровъ каюками хищниковъ-рыболововъ.

Передъ нимъ прошлое и будущее края. Народы и культуры смѣнялись здѣсь, и кто идетъ на смѣну казакамъ?

Поясненія къ картѣ.

Рѣчки :	Поселенія :
A Морской Чулекъ.	I г. Азовъ.
B Донской Чулекъ.	II ст. Елисаветовская.
C Мокрый Чхалтырь.	III † Танаисъ 1-ый.
D Темерникъ.	IV † Танаисъ 2-ой.
E Кобяковка.	V ст. Багаевская.
F Большой Логъ.	VI ст. Бесергеновская.
G Аксай.	VII ст. Манычская.
H Мокрая Кадамовка.	VIII ст. Мелеховская.
J Мокрый Керчикъ.	IX ст. Семикаракорская.
K Спорный-Донецъ.	X ст. Раздорская.
L Жегуля.	XI х. Крымскій.
M Кундрючья.	XII х. Христовскій.
N Сусать.	XIII † стоянка на дюнахъ
O Подпольная.	р. Кундрючей.
P Койсугъ.	XIV † Сальское городище.
Q Узякъ-Черепаха.	XV х. Старо-Махинскій.
R Мокрая Каланча.	XVI м. Кагальникъ.
S Старая Егурча.	E † Кобяково городище.
T Ерикъ Верхній Провѣдной.	
U Мертый Донецъ.	
V Лагутникъ.	
X Большая Кутерма и лиманъ	
Срединъ.	

В. В. Богачевъ.

К. Маттисенъ, Юрьевъ.